This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ostmev, K. I.

ГОРОДИЩАХЪ

ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

НѢШНИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ КАЗАНСКОЙ, СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И ВЯТСКОЙ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ
1871.

Nevostruev, K. I.

О ГОРОДИЩАХЪ

ДРЕВНЯГО ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

ВЪ НЫНѢШНИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ КАЗАНСКОЙ, СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И ВЯТСКОЙ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ
1871.

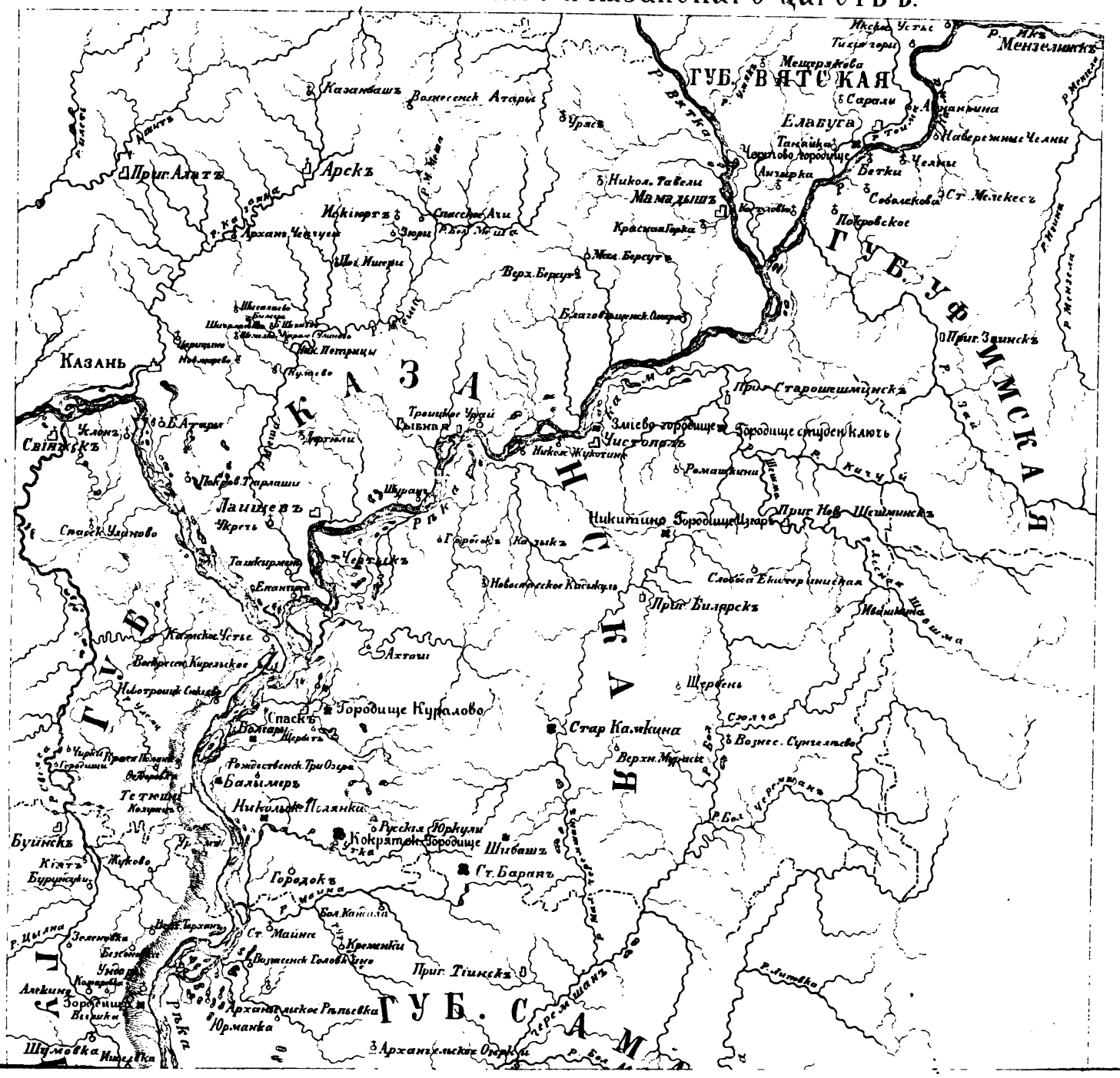
DK130
N48
f

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

КАРТА ГОРОДИЩЪ

къ стр. 521.

Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ.


ГУБ. ВЯТСКАЯ
ГУБ. УФИМСКАЯ
ГУБ. КАЗАНСКАЯ
ГУБ. САМАРСКАЯ
ГУБ. СИМБИРСКАЯ
Казань
Свіяжскъ
Чистополь
Спаскъ
Арскъ
Елабуга
Мензеликъ
Мамадышъ
Бугульма
Бугуруслан
Городище Кулалово
Старая Калмина
Шибашъ
Ст. Баранъ
Кокрятское Городище
Никольское Полянки
Балымеръ
Рождественск. Три Озера
Городокъ
Ст. Майна
Кремёнки
Приг. Тіинскъ
Приг. Билярскъ
Приг. Алатъ
Приг. Старошешминскъ
Приг. Нов. Шешминскъ
Приг. Заинскъ
Никитино Городище
Ромашкино
Ахташи
Черемшанъ
Р. Волга
Р. Кама
Р. Вятка
Р. Белая
Р. Ока
Р. Мокша
Р. Сура
Р. Свіяга
Р. Шешма
Р. Ик
Р. Мензеля
Р. Черемшанъ
Р. Большой Черемшанъ
Р. Большая Кинель
Р. Сызранка
Р. Сюзюма
Р. Сюрна
Р. Цильна
Р. Ерыкла
Р. Ерыклинка
Р. Шешма
Р. Ашитка
Р. Ашитъ
Р. Ашитка
Р. Ашитъ
Р. Ашитка
Р. Ашитъ

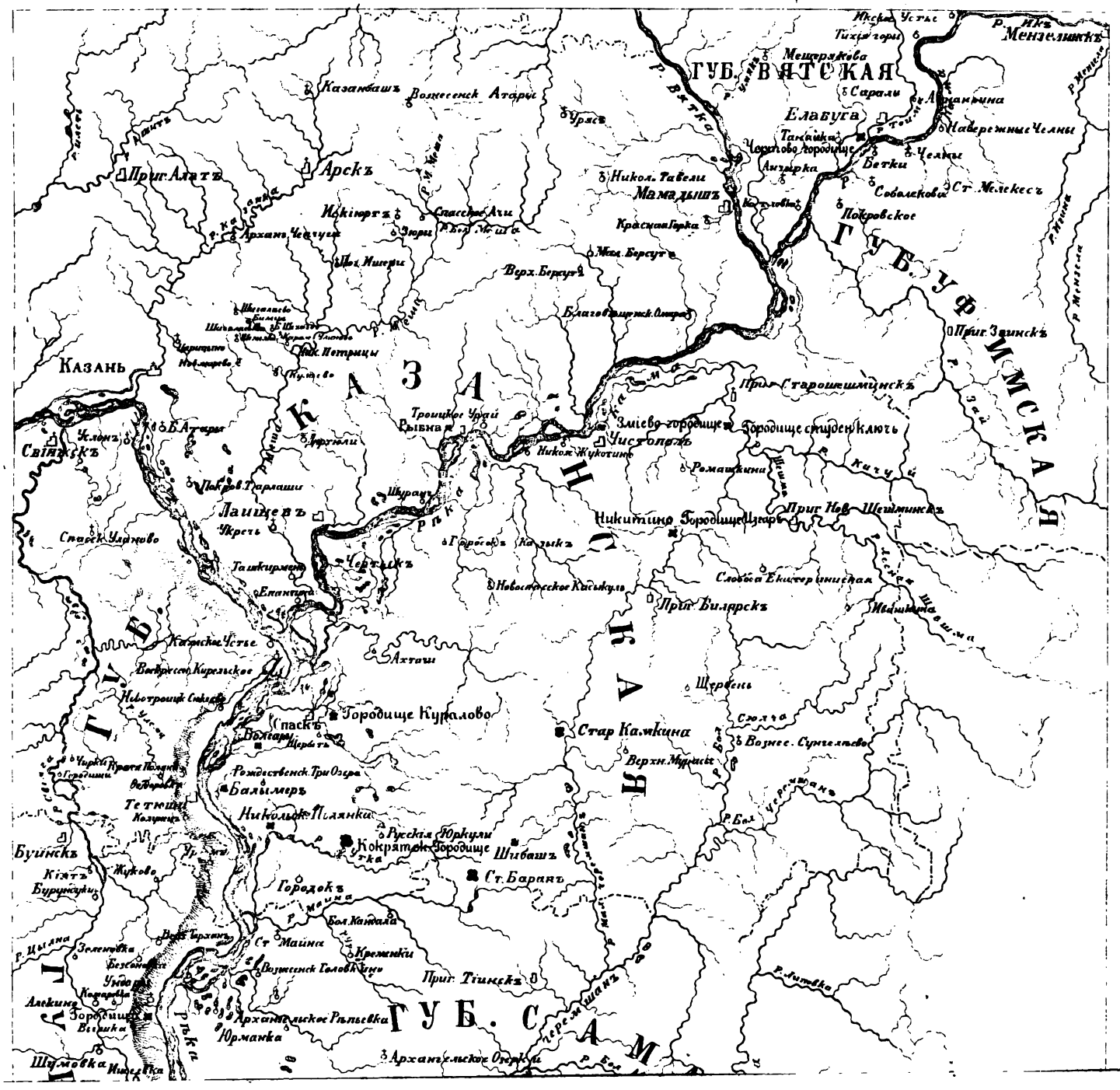
DK130
N48
f

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

КАРТА ГОРОДИЩЪ

къ стр. 521.

Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ.


ГУБ. ВЯТСКАЯ
ГУБ. УФИМСКАЯ
ГУБ. САМАРСКАЯ
ГУБ. КАЗАНСКАЯ
Казань
Свіяжскъ
Лаишевъ
Чистополь
Елабуга
Мензеликъ
Арскъ
Мамадышъ
Спаскъ
Болгары
Городищe Куралово
Балымеръ
Тетюши
Буинскъ
Стар Кашкина
Шибашъ
Ст. Барнаулъ
Городокъ
Ст. Майна
Приг. Тинскъ
Приг. Билярскъ
Никитино Городище
Приг. Нов. Шешминскъ
Приг. Старошешминскъ
Приг. Заинскъ
Никольское Полянки
Кокрятское Городище
Верхн. Мурашкъ
Вознес. Сунчелеево
Покровское
Соболеково
Ст. Мелекесъ
Троицкое Урай
Рыбна
Зміево городище
Городище студен. ключъ
Ромашкино
Ахтаи
Ахтаръ
Ютазъ
Приг. Алатъ
Казанбашъ
Атарщ
Никол. Павели
Красная Горка
Благовещенск. Острогъ
Верх. Берсутъ
Мал. Берсутъ
Чистопольское
Ст. Кашкина
Р. Вятка
Р. Кама
Р. Волга
Р. Белая
Р. Ик
Р. Меша
Р. Шешма
Р. Ашитка
Р. Черемшанъ
Р. Бол. Кинель
Р. Сюзюмъ
Р. Сюрмаш
Р. Цильна
Р. Ерыкла
Р. Бол. Кандала
Р. Бол. Черемшанъ
Р. Бол. Ерыкла
Р. Бол. Сюзюмъ
Р. Бол. Сюрмаш
Р. Бол. Цильна
Р. Бол. Шешма
Р. Бол. Ашитка
Р. Бол. Черемшанъ
Р. Бол. Кинель

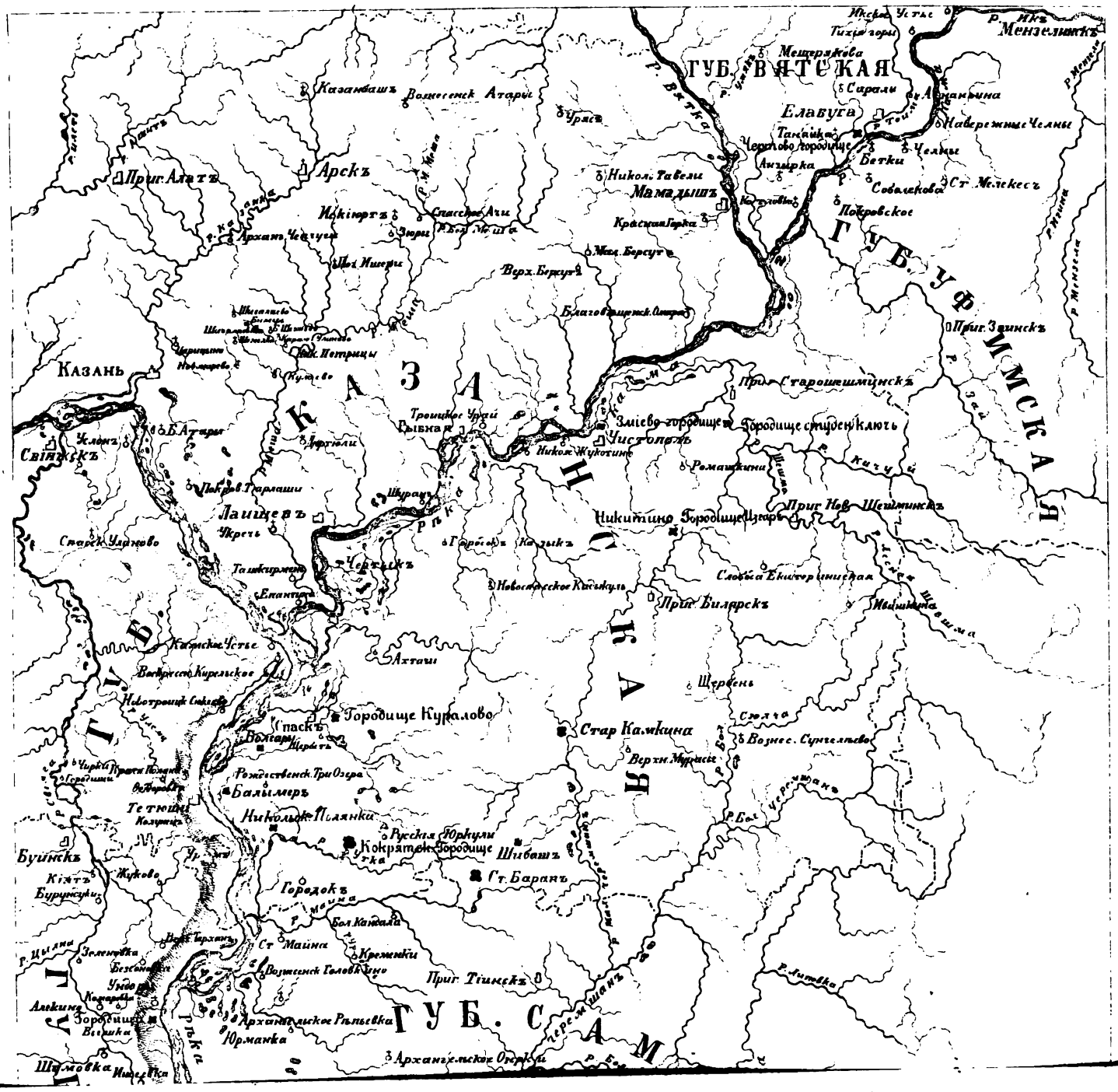
DK130
N48
f

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

КАРТА ГОРОДИЩЪ

къ стр. 521.

Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ.


ГУБ. ВЯТСКАЯ
ГУБ. УФИМСКАЯ
ГУБ. КАЗАНСКАЯ
ГУБ. САМАРСКАЯ
ГУБ. ПЕНЗЕНСКАЯ
Казань
Свіяжскъ
Арскъ
Елабуга
Мамадышъ
Чистополь
Лаишевъ
Чистополь
Спасскъ
Балымеръ
Буинскъ
Мензелинскъ
Сарали
Бетки
Покровское
Приг. Звинскъ
Приг. Старошешминскъ
Приг. Нов. Шешминскъ
Приг. Билярскъ
Приг. Тінскъ
Городище Кураково
Стар. Калмина
Шивашъ
Ст. Баранъ
Городокъ
Ст. Майна
Кремянки
Юрманка
Архангельское Рыбьевка
Архангельское Острова
Никитино Городище
Троицкое Урюй
Рыбка
Зміево городище
Городище студеный ключь
Никол. Жукотинъ
Ромашкины
Словцы
Мешкерна
Ахтаи
Щербень
Вознес. Сунчелеево
Верхн. Мурашкинъ
Рождественск. Три Озера
Николь. Полянки
Русская Юрнули
Кокрятск. Городище
Бол. Кандала
Приг. Тінскъ
Тетюшъ
Зеленовка
Безсоновка
Унжа
Алекина
Зорошица
Вешка
Шиловка
Имерка
Жуково
Кіятъ
Бурунсуки
Р. Цылна
Р. Волга
Р. Вятка
Р. Кама
Р. Ока
Р. Мокша
Р. Сура
Р. Свіяга
Р. Шешма
Р. Кичуй
Р. Бол. Черемшанъ
Р. Литовка
Р. Мензеля
Р. Ик
Р. Ашитъ
Р. Ушна
Р. Ноя
Р. Ирюмъ
Р. Ирюмка
Р. Ка
Р. Ка
Р.

О ГОРОДИЩАХЪ

ДРЕВНЯГО ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской.

К. И. Невоструева.

При настоящемъ благопріятномъ случаѣ Съѣзда въ Москву Русскихъ археологовъ желая съ своей стороны, если не самымъ дѣломъ, то хотя указаніемъ на дѣло, принесть какую нибудь пользу наукѣ, мы предприняли составить статью о городищахъ бывшаго въ предѣлахъ нынѣшней Россіи Болгарскаго и потомъ Казанскаго царства на берегахъ Волги и Камы и другихъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Царство Волжско-Болгарское—колыбель Дунайскихъ Булгаръ — и заступившее его мѣсто Казанское, существуя, можетъ быть, болѣе тысячи лѣтъ, съ V до XVI вѣка по Рождествѣ Христовомъ, когда было покорено Русской державѣ, и занимая сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи, т. е. болѣе или менѣе губерніи Казанскую, Вятскую, Уфимскую, Симбирскую и Самарскую, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ древней Руси, должно быть для насъ вполнѣ интересно. Уже въ глубокой древности мы видимъ здѣсь значительную цивилизацію, особенно развившуюся при сношеніяхъ съ Востокомъ, видимъ процвѣтающія искуства, торговлю, грамотность, битіе монеты и т. д. На это указываютъ развалины Булгара на Волгѣ, главнаго города этого царства, и нѣкоторыхъ другихъ его городовъ, надписи на памятникахъ, и разныя вещи, находимыя въ раскопкахъ его кургановъ и городищъ. Объ этомъ прямо говорятъ Арабскіе географы и путешественники, съ X вѣка посѣщавшіе землю Волжскихъ Булгаровъ—Ибнъ Фоцланъ, Ибнъ Гаукаль (оба въ X вѣкѣ), Абу Гамидъ Андалузи (въ XII вѣкѣ) и нѣкоторые другіе. Припомнимъ наконецъ слова о сихъ Болгарахъ воеводы Добрыни къ св. Владиміру, просвѣтителю Россіи, сказанныя послѣ одержанной надъ ними побѣды: «оже вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти (т. е. дани они платить намъ не станутъ), лучше пойдемъ искать лапотниковъ». Въ Русскихъ лѣтописяхъ различаются: 1) Булгары на Волгѣ, 2) Булгары Серебряные или Нукратскіе, жившіе на Камѣ или Вяткѣ, 3) Булгары Тимтюзи, вѣроятно, смежные съ предыдущими и 4) Булгары Черемшанскіе на рѣкѣ Черемшанѣ (Самарской губерніи). Хвалисы, жившіе при Каспійскомъ морѣ, были отдѣльный, хотя и единоплеменный съ Булгарами народъ. Въ 922 году Булгары приняли магометанство, но

вмѣстѣ видно и то, что христіанство какъ прежде, такъ и послѣ этого времени проникало въ Булгарію. Языкъ этихъ Булгаровъ былъ собственно Турецкій, смѣшанный съ Славянскимъ, какъ говорятъ вышеупомянутые Арабскіе путешественники и выводятъ наши оріенталисты. По сказанію тѣхъ же путешественниковъ, царь Булгарскій, имѣвшій свою резиденцію въ Булгарѣ на Волгѣ, имѣлъ нѣсколько подвластныхъ себѣ царей, которые на аудіенціяхъ находились при немъ, какъ приближенные. Какъ путешественники и географы Арабскіе, такъ и наши Русскія лѣтописи у Булгаръ указываютъ довольно городовъ: Ашли, Челматъ, Собекулъ, Арнасъ, Жукотинъ, Кременчюкъ, Басовъ, Исбилъ или Исболъ, Сиваръ, Бряхимовъ. Въ 1236 году Татары, вторгшись въ эту Булгарію, положили конецъ Булгарскому царству, отселѣ вошедшему въ составъ Золотой Орды. При раздиравшихъ Орду междоусобіяхъ въ половинѣ XV вѣка построена была нынѣшняя Казань и сдѣлалась столицею независимаго отъ нея, самостоятельнаго царства Казанскаго, которое такимъ образомъ основалось какъ бы на развалинахъ прежняго Волжско-болгарскаго, магометанскаго же, царства и служило продолженіемъ его. Отъ многихъ изъ вышеупомянутыхъ древнихъ Болгарскихъ и позднихъ Казанскихъ городовъ, конечно, остались развалины и какъ городища вошли они въ наше обозрѣніе: но мы не могли признать эти городища за тотъ или другой историческій или неисторическій городъ и открыть подлинныя названія сихъ мѣстъ. Потому что а) съ разрушеніемъ самыхъ городовъ преданіе давно утратило собственное названіе ихъ, и б) еще болѣе потому, что впослѣдствіи случайно даны имъ совсѣмъ другія, Русскія названія (Костычевское, Саввино, Крестовое, Чертово городища,—см. описаніе ихъ), много сбивающія съ пути изслѣдователя. Наше обозрѣніе прямо открываетъ изъ означенныхъ историческихъ развѣ только три-четыре города, и будущимъ изслѣдователямъ указываетъ на слѣдъ или мѣста другихъ. Мы ограничились только тѣми городищами, о которыхъ имѣемъ особенныя свѣдѣнія изъ положительныхъ документовъ—древнихъ писцовыхъ книгъ и разныхъ актовъ и записей, изъ путешествій XVII и XVIII вѣковъ. Обозрѣніе это во всякомъ случаѣ указываетъ въ Булгаро-казанскомъ царствѣ довольно населенныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ; а это уже не малое пріобрѣтеніе для науки. Бывшія здѣсь городища, нами предъявляемыя, можетъ быть, объяснятся изъ Татарскихъ лѣтописей, если ученые вновь откроютъ и разберутъ эти малоизвѣстные, но въ настоящемъ отношеніи весьма важные источники. Съ другой стороны, раскопки кургановъ, находящихся при нѣкоторыхъ городищахъ, и тщательное изслѣдованіе на мѣстѣ, можетъ быть, прольютъ новый свѣтъ на самыя эти городища и вообще на темныя стороны въ исторіи Булгарскаго народа. А что касается до насъ, то собравъ указанія и извѣстія изъ актовъ и другихъ означенныхъ источниковъ о томъ или другомъ городищѣ, мы, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, не могли быть на самыхъ городищахъ или пріобрѣсть свѣдѣнія о настоящемъ ихъ положеніи. При этомъ съ прискорбіемъ мы должны замѣтить вообще равнодушіе Русской публики къ подобнымъ ученымъ вопросамъ. Мы обращались за означенными свѣдѣніями со всеусерднѣйшею просьбою во имя науки и нашего Археологическаго Общества, обстоятельно объяснивъ дѣло и изложивъ по пунктамъ, что̀ именно намъ желалось знать о томъ или другомъ городищѣ, обращались къ Губернскимъ Статистическимъ Комитетамъ (не хотимъ поименовать ихъ) и нѣкоторымъ къ нимъ соприкосновеннымъ и свѣдущимъ лицамъ. Въ отвѣтъ намъ было — краснорѣчивое молчаніе... Но съ другой стороны, оказали

намъ въ этомъ живое сочувствіе и содѣйствіе лица совсѣмъ иныя и большею частію духовныя, ни службою, ни положеніемъ, ни занятіями несоприкосновенныя нашему дѣлу. Съ искреннѣйшею благодарностію осмѣливаемся наименовать изъ нихъ— Симбирскихъ гг. помѣщиковъ Александра Михайловича и Александра Петровича Языковыхъ, Самарскаго каѳедральнаго о. протоіерея Ивана Егоровича Халколиванова и оо. протоіереевъ Сызранскаго Арсенія Петровича Успенскаго, Сингилеевскаго Ксенофонта Степановича Базилевскаго и Усольскаго Сергія Михайловича Преображенскаго, также Елабужскаго купца Ивана Васильевича Шишкина; нѣкоторые другіе пособники означены въ самыхъ описаніяхъ.

Обозрѣніе Булгарскихъ и Казанскихъ городищь мы будемъ вести по Волгѣ и Камѣ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, — и начнемъ оное съ самой столицы Болгарскаго царства—Булгара на Волгѣ. Къ этому мы составили особую статью о находившемся въ предѣлахъ древне-Булгарскаго царства Ананьинскомъ курганѣ или могильникѣ, который, однако, оказался древностію своею далеко восходящимъ за періодъ Булгарскаго царства и относящимся еще ко временамъ до Рождества Христова.

Къ статьѣ мы приложили *карту* вошедшихъ въ наше обозрѣніе городищь. Мы заимствовали ее изъ «Подробной карты Россійской имперіи, сочиненной, гравированной и напечатанной при собственномъ Его Императорскаго Величества депо картъ» (1805 года), и состоящей изъ ста листовъ. Эту карту, гдѣ для нашей цѣли было нужно, мы дополнили по другимъ подробнымъ и вѣрнымъ картамъ, по урочищамъ доселѣ существующимъ и яснымъ указаніямъ актовъ.

I. ГОРОДИЩА ПО ВОЛГѢ И ВПАДАЮЩИМЪ ВЪ НЕЕ РѢКАМЪ.

1. Булгаръ на Волгѣ.

Столицею Волжско-Булгарскаго царства служилъ городъ Булгаръ на Волгѣ въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ 125 верстахъ отъ Казани и въ 6-ти отъ Волги, верстахъ въ 30 ниже впаденія въ нее Камы, гдѣ нынѣ находится село Успенское съ развалинами этого города. (См. его на приложенной при семъ картѣ городищь). Основаніе Булгара теряется въ отдаленной древности. Татарскія лѣтописи, впрочемъ большею частію исполненныя баснями, между прочимъ построеніе его приписываютъ Александру Македонскому, творцу всѣхъ древнихъ городовъ въ Азіи, какъ замѣчаетъ г. Савельевъ (1). Во всякомъ случаѣ достовѣрно извѣстно, что Булгаръ на Волгѣ существовалъ уже и былъ столицею царства въ первой половинѣ X вѣка. Въ 309 г. гиджры (921 по Р. Хр.) Булгарскій царь Алмасъ, имѣвшій свою резиденцію въ означенномъ городѣ Булгарѣ, рѣшившись принять или уже принявъ магометанскую вѣру чрезъ посольство свое въ Багдадъ къ калифу Муктедиру, просилъ прислать къ нему людей, свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ и художни-

(1) См. Савельева Мухамеданская Нумизматика, Спб. 1846 стр. LXXIII.

ковъ для постройки мечети и крѣпости. Калифъ послалъ къ нему въ Булгаръ Соусена эль-Раси и Ахмеда ибнъ-Фоцлана. Они ввели или утвердили здѣсь магометанство,—и Ибнъ-Фоцланъ при этомъ составилъ любопытное описаніе Волжской Болгаріи, столицы ея Булгара и прочихъ на пути видѣнныхъ имъ странъ (1). По этому описанію, посламъ выслалъ на встрѣчу далеко отъ столицы Булгарскій повелитель (Малекъ эль Саклабъ—владавецъ Славянъ) своихъ братьевъ, дѣтей и четырехъ подвластныхъ ему царей, потомъ самъ встрѣтилъ ихъ и между прочимъ осыпалъ ихъ мелкими серебреными деньгами, самъ прочелъ письмо къ себѣ Багдадскаго калифа и его визиря и принялъ пословъ въ своей палаткѣ сидя на престолѣ, покрытомъ Греческой парчею, окруженный дѣтьми и подвластными ему царями. Въ столицѣ этого царя, говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, мы видѣли такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно, городъ примѣрно отстоялъ отъ рѣки Ителя (Волги) на парасангу (версты 4). Послѣ Ибнъ-Фоцлана былъ въ Булгарѣ на Волгѣ около 970 г. многостранствовавшій и любознательный купецъ изъ Мосуля Ибнъ-Гаукаль, въ своемъ «Землеописаніи» также сообщающій намъ довольно о немъ извѣстій. Въ это время городъ Булгаръ имѣлъ въ себѣ до 10 т. жителей, дома здѣсь строили искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ (Астрахани), хотя не было такихъ высокихъ минаретовъ при мечетяхъ и каменнаго дворца, какъ въ Итилѣ; избъ, обыкновенно деревянныхъ, считалось не много болѣе пяти сотъ. Изъ этого числа домовъ и жителей нельзя впрочемъ заключать о незначительности города: потому что Ибнъ-Гаукаль видѣлъ Булгаръ послѣ разоренія его Руссами въ 968 г. и имѣлъ въ виду только уцѣлѣвшую часть или центръ города изъ настоящихъ домовъ, не упоминая о подвижныхъ жилищахъ, кибиткахъ и юртахъ, обыкновенно окружавшихъ тогдашніе Волжскіе и Азіатскіе города. Въ началѣ XI в. по свидѣтельству Абу Хамеда Андалузи, также бывшаго въ Булгарѣ, городъ былъ обнесенъ дубовыми стѣнами (2).

Развалины Булгара посѣщали и описали многія знатныя и ученыя лица. Сколько извѣстно, Петръ Вел. первый обратилъ царственное вниманіе на эти развалины. Въ 1722 г. во время Персидскаго похода, плывя Волгою изъ Казани въ Астрахань, онъ осмотрѣлъ бывшую столицу Волжскихъ Булгаръ и отдалъ приказъ о поддержаніи и предохраненіи отъ разрушенія клонящихся къ тому зданій. Тогда же были сняты и переведены на Русскій языкъ 49 Татарскихъ и Армянскихъ надписей на памятникахъ Булгарскихъ Татарскимъ ученымъ ахуномъ Кадыръ-Маметемъ и Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Но обстоятельно описалъ развалины Булгара прежде всѣхъ академикъ Палласъ въ 1768 г. (3) и въ томъ же году студентъ Озерецковскій (4). Въ 1822 г. сдѣлалъ ученое описаніе его съ новыми открытіями и объясненіями профессоръ Ердманъ (5). Въ 1824 г. краснорѣчиво описалъ развалины Булга-

---

(1) Jbn Foszlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, von C. M. Frähn, St. Petersburg 1825.

(2) Савельева тамъ же, стр. LXIX—LXX.

(3) P. S. Pallas Reise durch verschiedene Provincen des Russischen Reiches, Frankfurt u. Leipzig 1768—69 Th. 1, въ Рус. переводѣ: П. С. Палласа—Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. имперіи, Спб. 1773 г. ч. 1 стр. 185 и слѣд., съ рисунками.

(4) Описаніе его, отличающееся измѣреніями зданій, помѣщено въ Дневныхъ Запискахъ Лепехина, Спб. 1771, ч. 1 стр. 265—283.

(5) Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland von D. F. F. Erdmann, Riga und Leipzig 1822—26, 1 Th. S. 280—305.

ра Павелъ Свиньинъ, съ видомъ ихъ (1), въ 1832 г. болѣе обстоятельное описаніе составилъ нѣкто г. Кафтанниковъ, житель Казанскій (2), потомъ профессоры Казанскаго университета Второвъ (3) и Березинъ (4). Извѣстно наконецъ намъ, что къ настоящему Съѣзду Русскихъ археологовъ въ Москвѣ Казанскій помѣщикъ Спасскаго уѣзда близь бывшаго Булгара на Волгѣ г. Лихачевъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество литографическіе рисунки древностей найденныхъ въ Булгарѣ и приготовленныхъ имъ для особаго изслѣдованія объ этомъ замѣчательномъ городѣ.

По мнѣнію г. Березина (5), весьма вѣроятному, существующіе нынѣ остатки отъ Булгара принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV столѣтіе, притомъ преимущественно ближе къ XIII столѣтію. Послѣднее выводится изъ характера самыхъ зданій (раскрытаго далѣе) и подтверждается историческими извѣстіями,—о разрушеніи Монголами Булгара въ XIII в., послѣ коего вскорѣ однако онъ оправился, какъ лѣтняя резиденція золотоордынскихъ царей. Для безопасности отъ непріятеля городъ былъ обведенъ валомъ и рвомъ, уцѣлѣвшими доселѣ, и по всей вѣроятности—деревянною только стѣною.

Въ знаменитыхъ развалинахъ Булгара на Волгѣ, какъ это было нерѣдко въ древней Россіи, что въ сѣдалищахъ язычества или магометанства открывались иноческія обители, въ 1712 г. учрежденъ мужескій монастырь. Казанскій митрополитъ Тихонъ относительно сего писалъ тогда къ Казанскому губернатору Апраксину, что издревле по походѣ благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго (6) пустѣетъ въ Казанскихъ предѣлахъ царственнное Болгарское мусульманское городище, весьма преславное и прекрасное, что *царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ весьма любилъ и почиталъ оное* и потому тогдашнему митрополиту Казанскому Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ и Болгарскимъ митрополитомъ, и что весьма прилично сіе городище возобновить и просвѣтить строеніемъ въ немъ церквей Божіихъ, основаніемъ монастыря и населеніемъ благочестія. Когда это дѣло по общему разсудительному совѣту митрополита съ губернаторомъ было рѣшено такъ, чтобы въ городищѣ устроить монастырь въ честь Успенія пресв. Богородицы: то въ томъ же 1712 г. назначенный въ новоначинающійся монастырь строитель Авксентій просилъ Губернаторскую Канцелярію объ отмежеваніи земли, положенной подъ строеніе монастыря, братскихъ келей и разныхъ службъ, также и пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ и поверстнаго лѣса, и о дачѣ ему на все это владѣніе выписи съ межевыхъ книгъ. Въ наказѣ изъ Губернаторской Канцеляріи дьяку Михайлову, посланному по сей просьбѣ на Болгарское городище, вмѣнено было въ обязанность «осмотря, что на городищѣ какого древняго строенія есть, описать, и землю отмѣря отвесть подъ монастырь». И опытный въ своемъ дѣлѣ дьякъ въ сентябрѣ тогоже 1712 г. хорошо исполнилъ то и другое, об-

(1) Отечественныя Записки 1824 ч. 18 № 48.

(2) Въ Заволжскомъ Муравьѣ 1832, и потомъ въ Библіотекѣ для чтенія 1847, Іюль, отдѣлъ III, стр. 41—65.

(3) Въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ 1840, Авг. «Казанскія Древности».

(4) Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853, стр. 5—71, съ рисунками тамошнихъ древностей.

(5) Булгаръ на Волгѣ, стр. 10.

(6) Вѣроятно, разумѣется походъ на Болгаръ самого Боголюбскаго въ 1164 г. или сына его Мстислава около 1172 г., см. Карамзина Исторія Гос. Рос., изд. Ейнерлинга, т. II стр. 182 и т. III стр. 13.

стоятельно описавъ бывшія на Булгарскомъ городищѣ древнія строенія. Это описаніе для насъ теперь весьма замѣчательное, составлено такимъ образомъ ровно за 10 лѣтъ до посѣщенія Булгарскихъ развалинъ Петромъ Вел. и слишкомъ за 50 лѣтъ до описанія ихъ знаменитымъ Палласомъ. Мы нашли означенную Выпись съ межевыхъ книгъ Успенскому монастырю съ описаніемъ всѣхъ зданій Булгарскаго городища въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты, въ одномъ спорномъ дѣлѣ о земляхъ въ позднемъ спискѣ (Старыя дѣла № 2,215), который мы потомъ имѣли случай повѣрить съ подлинною Выписью, хранящеюся въ Московскомъ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, въ числѣ грамотъ и другихъ актовъ по Казани съ городами подъ № 227-мъ. Естественно, что нѣкоторыя зданія Выпись представляетъ въ болѣе цѣльномъ видѣ, нежели какъ они оказались при Палласѣ (см. ниже зданія №№ 12—15, 18), нѣкоторымъ даетъ иное и весьма правдоподобное значеніе, напр. три палаты подъ №№ 8—10 называя царскими, №№ 7, 14, 15 мечетями, другія же напротивъ при Палласѣ напр. слывущія подъ именами Греческой и Судной палатъ, не отмѣчаетъ сими названіями, хотя представляетъ, особенно о первой, замѣчательныя извѣстія. Названіе царскихъ палатъ и мечетей, данное вышепоказаннымъ зданіямъ, тѣмъ болѣе должно имѣть для насъ правдоподобіе и важность, что, какъ видно, дьякъ при этомъ слѣдовалъ указаніямъ одного уважаемаго и свѣдущаго, здѣсь или по близости жившаго, Татарскаго ахуна Кадырмамета, того самаго, которому и при Петрѣ I поручено было разсмотрѣніе и переводъ Арабскихъ надписей на Булгарскихъ памятникахъ. Противъ позднихъ описателей городища иногда оказывается разность въ измѣреніи, въ Выписи вообще нѣсколько уменьшенномъ. Мы передаемъ буквально эту, по старому выраженію, Владѣную выпись, доколѣ она содержитъ описаніе Булгарскихъ развалинъ и имѣетъ для насъ историко-археологическій интересъ.

Выпись съ межевыхъ книгъ, письма и мѣры дьяка Андрея Михайлова, на землю новостроющагося Болгарскаго Успенскаго монастыря 1712 года.

«Въ нынѣшнемъ 712 году сентября въ 15 день билъ челомъ Великому Государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, у межеваго дѣла дьяку Андрею Михайлову новоначатаго Болгарскаго монастыря строитель Авксентій съ братіею. По указу де Великаго Государя велѣно подъ строеніе того монастыря и брацкихъ келій и иныхъ служебъ и конюшенного и житного дворовъ отвести земли на Болгарскомъ городищѣ, да къ томужъ монастырю пашенной земли и поверстный лѣсъ и сѣнные покосы, противъ указнаго числа, какъ о томъ опредѣлено губернаторскимъ приказомъ. И та земля и сѣнные покосы и лѣсъ къ тому монастырю отведена и отмѣрена и межи и грани той землѣ учинены. А для владѣнья впредь въ тотъ монастырь на ту землю и на сѣнные покосы и на поверстный лѣсъ отъ межеваго дѣла ему строителю Выписи не дано. Чтобъ Великій Государь пожаловалъ его велѣлъ, въ тотъ монастырь на ту землю и на другіе угодьи съ межевыхъ мѣрныхъ книгъ дать Выпись. А въ наказѣ, каковъ данъ изъ Губернаторской Канцеляріи дьяку Андрею Михайлову, написано: прошедшаго августа 18 дня въ письмѣ преосвященнаго Тихона, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго, къ ближнему боярину Казанскому и Астраханскому губернатору къ Петру Матвѣевичу Апраксину, въ Казани, въ большую Губернаторскую Канцелярію писано: издревле де по плѣненіи благовѣрнаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго пустѣетъ въ Казан-

скихъ предѣлѣхъ оное царственное Болгарское мусульманское городище, которое весьма преславно и прекрасно, иже на ономъ мѣстѣ нижѐ яковыхъ не точію православныхъ, но ни мусульманскихъ селеній есть, развѣ древнихъ каменныхъ зданій, иже высокодостоблаженнѣйшія памяти благочестивѣйшимъ Великимъ Государемъ, царемъ и великимъ княземъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, весьма любимо и почитаемо бысть, иже тогда бывшему въ Казани архіереови преосвященному Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ и Болгарскимъ митрополитомъ, иже достодолжно оное царственное древнее мѣсто во славу Христа Бога, ради многолѣтнаго здравія благочестивѣйшаго монарха нашего и благополучнаго его царствованія, возобновить и просвѣтить строеніемъ святыхъ Божіихъ церквей и населеніемъ благочестія, и состроить монастырь: понеже оное мусульманское царство, по плѣненіи оного благочестиваго князя Россійскаго пустѣетъ, посреди благочестія, кромѣ всякія святыни, по гранограѳамъ пять сотъ тритцать семь лѣтъ, и иже нынѣ, по предъувѣденію Божію, по усмотрѣнію же и ревностному во благочестіи разширенію, онъ преосвященный митрополитъ, по разсудному совѣту съ ближнимъ бояриномъ и губернаторомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ, намѣрялся на томъ царственномъ Булгарскомъ городищѣ строить на общее жительство монахомъ монастырь, во имя пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, всесвятѣйшаго и преславнаго ея успенія, и на соборную молитву изъ оныхъ каменныхъ древнихъ зданій церкви святые возградить, и ближнему боярину и губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину о отводѣ подъ то монастырское строеніе оного Булгарскаго городища, и ко удовольству къ тому Булгарскому Успенскому монастырю пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей учинить указъ Великаго Государя, по своему разсмотрѣнію. И по указу Великого Государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, ближній бояринъ Казанскій и Астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, слушавъ того доносительнаго письма, приказалъ подъ то монастырское строеніе оное Булгарское городище отвесть, да къ тому монастырю около того городища намѣря отмежевать земли пять сотъ четьи въ полѣ, а вдву потомужъ, да сѣнныхъ покосовъ на пять тысячь копенъ, да лѣсу поверстного въ угодье, вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ, и къ степи по двѣ версты длиннику и поперечнику, кромѣ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ дачь; а на строеніе того монастыря велѣно дать изъ казны Великаго Государя, изъ большой Губернаторской Канцеляріи, денегъ двѣсти рублевъ, желѣза сто пудовъ, извести двѣсти бочекъ четвертныхъ, да хлѣба, ржи и овса по сту четьи. А для отводу онаго Булгарскаго городища подъ монастырское строеніе и къ тому монастырю земли и всякихъ угодей велѣно изъ Казани ѣхать ему дьяку Андрею, а пріѣхавъ то Булгарское городище, осмотря, что на немъ какаго древняго строенія есть, описать, и землю измѣря отвесть подъ тотъ новоозначенный Успенскій монастырь, положа въ десятины, что его будетъ; да къ тому монастырю около того городища намѣрять и отмежевать земли на пашню пять сотъ четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣна пять тысячь копенъ, да лѣсу поверстного въ угодье вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ и къ степи по двѣ версты длиннику и поперечнику, и учинить межи и грани и всякіе признаки по статьямъ писцоваго наказу. И какъ оное Булгарское городище подъ тотъ новоозначенный Успенскій Булгарскій монастырь отведено, и земля отмежевана будетъ, и по которымъ урочи-

щамъ, тому всему учинить, написавъ со всякимъ извѣстіемъ, книги; да тѣ книги за своею и стороннихъ людей за руками подать въ Казани ему ближнему боярину и губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину.

И по оному врученному ему наказу дьякъ Андрей Михайловъ, пріѣхавъ на то прежде бывшее Булгарское городище, древнее строеніе, что во окружномъ земляномъ валу нынѣ есть, описалъ, и землю и лѣсъ и всякія угодья и сѣнные покосы мѣрилъ, и измѣривъ подъ строеніе того монастыря, и для населенія крестьянъ пашенныя земли и лѣсу и сѣнные покосы, противъ положеннаго указу, къ тому монастырю отвелъ, и той описи и земляной мѣрѣ учинилъ мѣрныя межевыя книги».

Слѣдующее за симъ описаніе Булгарскаго городища и древнихъ его зданій для большей опредѣленности и ясности мы изложимъ въ сличеніи вышепоказанныхъ позднѣйшихъ описателей городища—Палласа, Лепехина (собственно Озерецковскаго), Свиньина, Кафтанникова, Второва и Березина, текстъ Выписи отличая отъ ихъ описаній коммочками. Самыя зданія подведемъ подъ числа. Думаемъ, что не безполезенъ будетъ этотъ сводъ и самихъ прежнихъ описателей между собою, тѣмъ болѣе съ первоначальнымъ описаніемъ зданій у дьяка Михайлова. Для большей ясности къ статьѣ прилагается: *планъ* мѣстности Булгарскаго городища и отдѣльно нѣкоторыхъ болѣе или менѣе сохранившихся зданій, нарочито сдѣланный на самомъ мѣстѣ для предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, графа А. С. Уварова въ 1869 году. Сверхъ сего мы будемъ ссылаться на *виды* Булгарскихъ зданій, отлитографированные въ Иллюстраціи 1846 г. № 4 и 5. Издателю ихъ, Кавелину, достались они по случаю отъ изыскателя древностей, вышепомянутаго Казанскаго жителя Кафтанникова. Рисунки эти, говоритъ Кавелинъ, сняты Кафтанниковымъ съ натуры во время неоднократнаго посѣщенія развалинъ. Въ настоящее время они тѣмъ болѣе интересны, что теперь противъ нихъ въ зданіяхъ многое уже утратилось.

«А въ межевыхъ книгахъ писано: по осмотру и по мѣрѣ того городичнаго мѣста въ окружномъ валу длиннику девять сотъ дватцать саженъ, поперегъ шесть сотъ девяносто саженъ трехъ-аршинныхъ, а десятинами триста двѣнатцать десятинъ три четверти».

Позднѣйшіе описатели въ семъ случаѣ несогласны съ Выписью, равно и между собою. Палласъ стр. 186 говоритъ, что укрѣпленіе имѣетъ видъ неправильнаго полукружія, примыкающаго концами къ крутому берегу (съ сѣвера), и валъ, оное окружающій, длиною (въ Нѣм. подлинникѣ im Umfange—въ объемѣ) по крайней мѣрѣ на шесть верстъ, по Лепехину стр. 266 онъ имѣетъ цѣлую милю въ окружности, или по Второву стр. 181 около 7 верстъ, по Свиньину стр. 7 валъ заключаетъ въ себѣ 7 верстъ въ длину (слишкомъ преувеличено!) и около 4 въ ширину, по Березину стр. 13 около 9 верстъ въ окружности, считая и сѣверный бокъ обращенный къ утесу. См. планъ мѣстности Булгарскаго городища 1869 г. и общій видъ Булгарскихъ развалинъ въ Иллюстраціи 1846 г.

«И изъ того числа подъ строеніе того монастыря отведено земли внутрь малаго окопа, гдѣ былъ царскій домъ, длиннику восемьдесятъ, поперегъ шестдесятъ саженъ трехъ-аршинныхъ».

Позднѣйшіе описатели—Палласъ и другіе вовсе не упоминаютъ объ этомъ окопѣ; видно, что тогда слѣды его уже сгладились. Онъ находился на сѣверной части окружнаго

вала, въ центрѣ нынѣшняго села и обнималъ нижеописанные четвероугольникъ, большой минаретъ, зданія, бывшія подъ церковію и погребомъ монастырскимъ, и три царскихъ палаты. Этотъ окопъ надобно отличать отъ другаго такъ называемаго малаго городка, находившагося уже за окружнымъ валомъ, на югѣ, который также былъ обведенъ небольшимъ валомъ въ видѣ четвероугольника и составлялъ предмѣстіе или цитадель города. Объ этомъ маломъ городкѣ всѣ означенные описатели Булгара говорятъ въ другомъ мѣстѣ, и описываютъ его иначе, кромѣ Палласа и Кафтанникова, которые о немъ вовсе не упоминаютъ. См. Лепехина стр. 271 (№№ 40—44), Свиньина стр. 31, Второва стр. 195, Березина стр. 11 и 12, слич. стр. 26. Тогда какъ Березинъ ханскій дворецъ полагаетъ въ этомъ маломъ южномъ городкѣ или цитадели (стр. 26), приведенныя и нижеслѣдующія слова Выписи съ бо́льшимъ, конечно, авторитетомъ ханскій дворецъ указываютъ въ сѣверномъ окопѣ. Свиньинъ стр. 11 находитъ и ясные признаки бывшаго здѣсь большаго ханскаго дворца, имѣвшаго въ фундаментѣ до 80 футовъ въ длину и ширину, съ башенками по угламъ.

Развалины №№ 1—4: «Да на томъ городичномъ мѣстѣ, въ окопѣ, гдѣ напредъ сего былъ тотъ царевъ домъ, древняго каменнаго строенія, по четыремъ угламъ четыре полаты круглыхъ, въ знакъ малаго городка, мѣрою полата отъ полаты по осмнадцати саженъ, вышины тѣ полаты по полуторы сажени, а внутри тѣхъ полатъ, по однимъ стѣнамъ тринадцать, а по другимъ пятнадцать саженъ» (т. е. такова мѣра уцѣлѣвшимъ между палатами стѣнамъ, слич. нижеприведенныя слова Кафтанникова, также и Лепехина № 33, гдѣ въ длину вм. 30 чит. по 13 сажень).

У Лепехина сіи четыре башни описаны подъ №№ 30 — 33, у Кафтанникова на стр. 42, 43, у Второва на стр. 184, у Свиньина помянуты на стр. 10. Кафтанниковъ о четвероугольникѣ, каковый здѣсь изображается, пишетъ такъ: въ срединѣ селенія, по близости новой церкви, видны развалины въ видѣ ограды, окружавшей неправильно четырехъ-угольное мѣсто или площадь; къ угламъ ограды примыкаютъ основанія бывшихъ башенъ... Длина стѣнъ между этихъ башенъ: западной 14 саженъ—въ срединѣ ея были ворота, что примѣтно по угламъ; восточной 12 саженъ, южной и сѣверной длина съ небольшимъ по 12 саженъ. Тоже повторяетъ и Второвъ: минаретъ примыкаетъ къ неправильно—четвероугольному мѣсту, образующемуся изъ слѣдовъ стѣнъ, совершенно уже разрушенныхъ, по угламъ которыхъ видны четыре основанія, какъ полагать можно, башенъ. Березинъ (стр. 19): большой минаретъ стоялъ въ связи стѣнъ четвероугольника, по угламъ котораго находятся основанія башенъ. См. сей четвероугольникъ съ прилежащимъ къ нему большимъ минаретомъ на планѣ Булгарскихъ зданій 1869 г. подъ № 1.

№ 5. «Да всходный столпъ, котораго еще и нынѣ въ вышину одиннадцать саженъ, а по сказкѣ Татарскаго ахуна Кадыръ-мамета, что де между тѣхъ (т. е. въ числѣ тѣхъ четырехъ?) полатъ была мусульманской вѣры большая мизгить» (т. е. мечеть).

Всходный этотъ столпъ, извѣстный подъ именемъ большаго минарета, подробно описанъ Палласомъ, который представилъ и видъ его (стр. 186, 187), и всѣми другими, Лепехинымъ (№№ 270 и 341), Свиньинымъ (стр. 1 — 9), Кафтанниковымъ (стр. 43 и слѣд.), Второвымъ (стр. 182, 183) и Березинымъ (стр. 18, 19). Видъ его

см. въ Иллюстраціи подъ заглавіемъ: столпъ первый. Онъ находится вблизи вышеупомянутаго четыреугольника, въ одной только сажени (Лепехинъ и Кафтанниковъ) отъ угловой сѣверозападной его башни; онъ весь сложенъ изъ дикаго камня, основаніе имѣетъ квадратное, въ поперечникѣ $7^1/_2$ арш., въ высоту 5 арш., второй уступъ осмиугольный высоты 4 арш. и на немъ возвышается круглый столпъ въ 8 арш. (Кафтанниковъ); отсюда открывается все позорище развалинъ Булгара и богатая перспектива окрестности верстъ на 20. Палласъ говоритъ, что столпъ этотъ или минаретъ нѣсколько выше 12 саженъ и ведущая на верхъ его лѣстница имѣетъ 72 ступени, покрытъ вновь сдѣланною деревянною крышею. Помянутая въ Выписи палата, служившая мизгитью, на сѣверозападномъ углѣ четыреугольника, къ которому примыкалъ минаретъ, по словамъ Палласа, было большое каменное зданіе съ толстыми углами, въ которомъ онъ также предполагаетъ большую мечеть. Минаретъ преимущественно предъ прочими зданіями уцѣлѣлъ отъ того, что Петръ I-й, посѣтивъ развалины Булгара, приказалъ верхнюю часть его оковать желѣзными обручами, а Казанскій вицегубернаторъ Гурьевъ покрылъ досчатою кровлею (Свиньинъ). Подкапываемый крестьянами, ищущими клада подъ нимъ, около 1832 года онъ значительно наклонился къ церкви (Кафтанниковъ), а около 1837 года, не смотря на эту наклонность, Казанскими Татарами онъ былъ оштукатуренъ и покрытъ желѣзною кровлею (Второвъ); но въ 1841 году онъ палъ и теперь уже не существуетъ (Березинъ). Существованіе при этомъ минаретѣ въ четвероугольникѣ большой сборной или ханской мечети Кафтанниковъ, Второвъ и Березинъ выводятъ и изъ того, что пріѣзжающіе къ развалинамъ Магометане, Казанскіе Татары, Башкирцы, Хивинцы и Бухарцы, на этомъ мѣстѣ совершаютъ свое обрядное поклоненіе.

№ 6. «Да подлѣ тѣхъ четырехъ полатъ пятая (а въ общемъ счетѣ 6-я) полата круглаяжъ, въ которой нынѣ назначена Николаевская церковь; а мѣрою та полата длины и ширины по четыре сажени безъ полъаршина, вышины четырехъ саженъ».

Болѣе обстоятельное описаніе дѣлаютъ Палласъ и другіе. Палласъ говоритъ (стр. 187): въ восточной сторонѣ отъ минарета (по Кафтан. въ 12 саж.) находится небольшая Татарская мечеть со сводами, которая очень крѣпко складена изъ разныхъ и неровныхъ камней. Нижняя часть оной четвероугольна, а верхняя осмиугольна и величиною простирается до пяти саженъ квадратно. Вычинивъ мечеть посвятили церковію Николая Чудотворца и пр. У Лепехина см. подъ № 29, у Кафтанникова стр. 52, 53, у Второва стр. 185, 186, у Березина стр. 20. Видъ ея см. въ Иллюстраціи подъ заглавіемъ: палата обращенная въ церковь, а на планѣ 1869 г. подъ № 2-мъ. Кафтанниковъ и Второвъ замѣчаютъ, что входъ въ зданіе былъ прежде съ южной стороны чрезъ полукруглую дверь, которая впослѣдствіи закладена и сдѣлано въ срединѣ окно потому, что въ палатѣ оконъ не было. При передѣлываніи ея въ церковь дверь сдѣлана съ западной стороны; въ стѣнахъ внутри четыре круглыя впадины или ядра. Березинъ основательно предполагаетъ, что это была первоначально магометанская надгробная молельня, а Свиньинъ стр. 10 замѣчаетъ, что церковь Николая Чудотворца, по построеніи въ 1734 году новаго каменнаго храма усердіемъ купца Вихляева, оставлена безъ всякаго употребленія.

№ 7. «Да посторонь тѣхъ полатъ еще полата четвероугольная, въ которой есть и каменья кладбищныя съ Татарскою подписью, длиною и шириною по четыре сажени съ аршиномъ».

Изъ описанія Кафтанникова, болѣе точнаго и обстоятельнаго, видно, что здѣсь разумѣется зданіе, въ бытность здѣсь монастыря обращенное въ погребъ. На планѣ 1869 г. см. оное подъ № 3-мъ. Кафтанниковъ говоритъ (стр. 52): отъ минарета къ сѣверу въ 16 саженяхъ находится палатка. Основаніе этого зданія четырехъугольное, въ поперечникѣ внутри четыре сажени одинъ съ четвертью аршинъ, высота до свода двѣ сажени, а къ верху снаружи имѣетъ осьмиугольный видъ; палатка эта, какъ замѣтно, была со сводомъ, который теперь уже обвалился, внутри ея круглыя (какъ у предыдущей палаты) ядра или впадины и также, какъ тамъ, входъ въ палатку съ юга чрезъ полукруглую дверь, и окошекъ нѣтъ, кромѣ фальшивыхъ внутри. Зданіе складено изъ дикаго камня значительной величины. Близь дверей снаружи по обѣ стороны видны признаки бывшихъ галлерей. Во время существованія здѣсь монастыря палатка эта служила ему вмѣсто погреба. Тоже отчасти повторено у Второва стр. 186. У Палласа о семъ зданіи упомянуто стр. 188 также вслѣдъ за предыдущимъ, обращеннымъ въ Никольскую церковь, у Лепехина оно значится подъ № 35. Березинъ стр. 20, судя по сходству его съ предыдущимъ, полагаетъ, что и это зданіе было надгробной молельней. Такое предположеніе совершенно подтверждается извѣстіемъ нашей Выписи о надгробныхъ здѣсь камняхъ съ Татарскою подписью. Палласъ и другіе описатели умалчиваютъ о сихъ камняхъ, конечно, потому, что при обращеніи зданія въ погребъ, они были отсюда вынесены или, вѣроятнѣе, употреблены въ фундаментъ вышепомянутой новой церкви, такъ какъ для сего, по сказкѣ старожиловъ, собраны были сюда таковые камни со всѣхъ развалинъ (см. Свиньина стр. 12). Свиньинъ (стр. 10) это, равно какъ и предыдущее зданіе Николаевской церкви, несправедливо считаетъ наугольными башнями четвероугольника.

№ 8—10. «Да противъ тѣхъ четырехъ полатъ отшедъ сажень съ десять три полаты большихъ, въ которыхъ былъ домъ прежнихъ царей».

Кажется, объ этихъ зданіяхъ вслѣдъ за монастырскимъ погребомъ говоритъ Палласъ с. 188: всѣ прочія старинныя строенія, изъ коихъ еще четыре стоятъ безъ поврежденія, находятся внутри вала со множествомъ развалившихся стѣнъ и съ основаніями жилыхъ домовъ. Но прямо существованіе здѣсь трехъ ханскихъ палатъ признаетъ Свиньинъ. Онъ говоритъ стр. 11: можно полагать, что и прочія три башни (близь четвероугольника) были подобнаго размѣра и вида,—и далѣе изъ огромности фундаментовъ выводитъ, что здѣсь былъ ханскій дворецъ.—Отъ этого ханскаго дворца нужно отличать такъ называемыя ханскія палаты надгробныя или мавзолеи, о которыхъ говорятъ Кафтанниковъ и Второвъ. Первый на стр. 55: на этомъ кладбищѣ (царскомъ или ханскомъ къ востоку отъ малаго минарета) одна изъ палатъ, выстроенная надъ прахомъ какого-то Болгарскаго хана, и до сихъ поръ называется ханскою. Второвъ на стр. 194 пишетъ: такъ называемыя ханскія палаты, лежащія саженяхъ въ 200 отъ предыдущей палаты къ сѣверу (отстоящей въ 15 саженяхъ отъ малаго минарета, см. о немъ ниже) нынѣ совершенно уже разрушились. По грудамъ камней, которые теперь можно видѣть здѣсь, трудно рѣшить объ устройствѣ зданія.

№ 11. «Да за окопомъ въ большомъ окружномъ валу полата снизу четвероугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина,—знатно была о дву жиль-

яхъ, съ исподи входъ въ одни двери, въ верхнемъ жильѣ шестеры двери, вверхъ до сводовъ осмигранная; въ той полатѣ оконъ, въ нижнемъ ярусѣ четыре окна четвероугольные, въ верхнемъ ярусѣ восемь оконъ круглыхъ, вверху свода окно круглое. Кругъ тоя полаты придѣлы безъ сводовъ, ветхіе: съ одной стороны съ приходу отъ монастыря на правой сторонѣ два придѣла длины по двѣ сажени, ширины по сажени, на лѣвой сторонѣ тойже полаты одинъ придѣлъ длины пять саженъ съ аршиномъ, поперегъ сажень съ аршиномъ».

Изъ сличенія прочихъ описателей мѣстности видно, что здѣсь говорится о слывущей въ народѣ Черной или судебной палатѣ: зданіе великолѣпное, отстоящее по Второву (стр. 187) саженяхъ въ 200 отъ большаго минарета къ югу. Видъ этой палаты см. въ Иллюстраціи: Черная палата и внутренность ея, на планѣ 1869 г. № 6. Предварительно мы разрѣшимъ здѣсь нѣкоторыя кажущіяся несогласія Выписи съ помянутыми описаніями. Во 1-хъ, выраженіе «да за окопомъ въ большомъ окружномъ валу» отнюдь не означаетъ, чтобы сей окопъ былъ внѣ окружнаго вала. Онъ былъ въ чертѣ сего же вала, но составлялъ особую въ немъ часть съ вышеописанными зданіями, особенной важности; всѣ нижеслѣдующія зданія находились внѣ этой части, въ чертѣ лишь большаго окружнаго вала. Во 2-хъ, палата эта по Выписи снизу четвероугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина, тогда какъ Свиньинъ (с. 21) въ основаніи ея показываетъ около 4 саженъ, Кафтанниковъ (с. 59) съ сѣверной и южной стороны по 4 сажени съ половиною, а съ восточной и западной по 4 саж. съ аршиномъ, что самое по Второву (с. 187) составляетъ 17 аршинъ въ діаметрѣ. Но надобно замѣтить, какъ мы сказали въ самомъ началѣ, мѣра дьяка Михайлова вообще нѣсколько меньше нынѣшней, если и не брать во вниманіе разныхъ способовъ измѣренія (см. и ниже мѣру Бѣлой палаты). Далѣе Выпись говоритъ только о двухъ жильяхъ или этажахъ зданія, и притомъ лишь предположительно: *знатно* была о двухъ жильяхъ. Два эти жилья, очевидно, включаютъ въ себѣ всѣ четыре этажа, въ описаніяхъ допускаемые, именно нижнее жилье означаетъ 1 и 2-й этажъ, а верхнее 3 и 4-й.

Такимъ образомъ въ нижнемъ жильѣ Выпись указываетъ четыре окна четвероугольныя; по прочимъ описаніямъ это суть четыре полукруглыя (точнѣе арочныя) двери во второмъ этажѣ. Если описателямъ, между 1-мъ и 2-мъ этажами недопускавшимъ никакого сообщенія, для входа во вторый естественно было предположить въ немъ двери (но къ чему такое множество дверей?): то дьяку, составившему настоящій актъ, когда онъ два мнимые этажа совмѣщалъ въ одно жилье, естественно было тѣ же самыя отверстія назвать окнами,—и въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, правда была на его сторонѣ. Только эти окна назвалъ дьякъ четвероугольными, а не арочными, не потому ли, что арки надъ окнами вѣроятно сдѣланы уже послѣ, когда вновь были пробиты здѣсь же два небольшихъ окна съ южной и западной стороны (см. о семъ ниже). Въ верхнемъ жильѣ восемь оконъ круглыхъ, очевидно, суть восемь оконъ въ осмерикѣ (на мнимомъ 4-мъ ярусѣ) съ овальными или острыми сводами, а находящіяся въ 3-мъ ярусѣ окна съ длинными и многогранными капителями дьякъ принялъ за двери, какъ скоро допустилъ въ зданіи два жилья: только вмѣсто четырехъ оконъ откуда у него взялось шесть дверей, не понимаемъ. Что касается до пристроекъ или придѣловъ; то, когда, по словамъ дьяка, съ приходу отъ монастыря

на правой сторонѣ два придѣла, а на лѣвой одинъ, полагая монастырь съ сѣверной стороны подъ сею правою стороною зданія мы разумѣемъ С.западную, а подъ лѣвою С.восточную. Въ семъ случаѣ Выпись ближе подходитъ къ словамъ Свиньина, показывающаго на восточной сторонѣ одну только пристройку, а на западной три, тогда какъ по Палласу, Кафтанникову и Второву выходитъ совсѣмъ на оборотъ.

Теперь мы приведемъ слова прочихъ описателей, служащія къ объясненію описываемаго зданія. Палласъ говоритъ, стр. 189, что оно находилось въ самой срединѣ бывшаго города Булгара и, по отмѣнной архитектурѣ его, при своемъ описаніи помѣщаетъ самый рисунокъ его на таблицѣ къ стр. 186 подъ буквою С. Склоняясь къ молвѣ народной, что это была судебная палата, и предполагая въ зданіи нѣсколько отдѣленій или ярусовъ, Палласъ замѣчаетъ, что нижній ярусъ со вторымъ не имѣлъ никакого сообщенія. О пристройкахъ по Палласу сказано выше. Свиньинъ стр. 20 и слѣд. также склоняется признать зданіе верховнымъ судилищемъ и допускаетъ въ немъ 4 яруса, отдѣляющіеся между собою деревянными полами или накатами. Въ нижнемъ ярусѣ, по его словамъ, не имѣющемъ никакого сообщенія съ слѣдующимъ и ни одного окна къ освѣщенію своему, онъ предполагаетъ тюрьму, а пристройки около сего этажа считаетъ галлереею всего зданія. Во второмъ этажѣ, говоритъ, находится по полукруглой двери въ срединѣ каждой изъ четырехъ сторонъ, а съ южной и западной стороны еще по два окошечка по бокамъ; третій ярусъ освѣщенъ только четырьмя окошками, устроенными надъ дверьми втораго яруса и украшенными карнизомъ съ острыми углами или фронтономъ; четвертый ярусъ, представляя видъ осьмиугольника, имѣетъ столько же окошекъ, подобныхъ симъ послѣднимъ. Но, замѣтимъ мы, когда эта мысль о 4-хъ ярусахъ, якобы раздѣляющихся накатникомъ, ничѣмъ не доказана и явно несообразна съ высотою самыхъ ярусовъ (см. ниже): то при этомъ само собою падаетъ и предположеніе о тюрьмѣ въ нижнемъ этажѣ. Кафтанниковъ стр. 59, допуская въ зданіи 4 яруса, говоритъ однакоже, что они, кажется, не отдѣлялись между собою, кромѣ нижняго, надъ которымъ примѣтны гнѣзда для перекладинъ пола; единственный входъ въ нижній этажъ съ сѣверной стороны, во второмъ этажѣ надъ сѣверною дверью съ наружной стороны сдѣлана каменная доска, на которой, кажется, была надпись. Пристройки къ зданію (съ восточной стороны три, съ южной двѣ, съ западной одна) Кафтанниковъ считаетъ основаніями для галлереи. Второвъ, какъ и вообще, повторяетъ здѣсь (стр. 187, 188) слова Кафтанникова, но уже рѣшительно опровергая мнѣніе Свиньина объ отдѣленіи четырехъ этажей зданія одного отъ другаго деревяннымъ поломъ. Тщательнѣе всѣхъ и ближе къ истинѣ изслѣдовалъ и опредѣлилъ зданіе г. Березинъ стр. 15-18. Мнѣніе, что здѣсь было ханское судилище съ тюрьмами внизу, говоритъ онъ, во всѣхъ частяхъ своихъ совершенно ложно: Судная палата есть не что иное, какъ одна изъ лучшихъ Булгарскихъ мечетей. Расположеніе зданія переднею частію на юго-западъ (т. е. къ Меккѣ) указываетъ его назначеніе, а названіе Судной палаты принадлежитъ къ числу новѣйшихъ и притомъ ложныхъ толкованій. Единственный входъ былъ съ сѣверо-восточной стороны;—прямо противъ входа внутри зданія находился «михрабъ»—указаніе Меккской стороны съ разными украшеніями и ниши квадратныя или полукруглыя. Мечеть дѣлится на четыре яруса только разною фигурою кладки ихъ, но не на самомъ дѣлѣ, и напрасно нѣкоторые видятъ здѣсь даже слѣды половъ и потолковъ: дѣленіе на ярусы полами

и потолками нельзя допустить самымъ неопытнымъ глазомъ даже и потому, что въ этихъ ярусахъ приходилось бы не ходить прямо, а ползать на четвереньках,—такъ они оказались бы низки. Архитектура зданія и его отдѣлка, продолжаетъ Березинъ, совершенно слѣдуютъ правиламъ Арабскихъ архитекторовъ; но мечеть представляетъ и нѣкоторыя оригинальности—въ окнахъ съ ихъ овальными или острыми сводами, въ пилястрахъ съ длинными и многогранными капителями, въ большихъ звѣздахъ по бокамъ оконъ третьяго этажа, въ фальшивыхъ аркахъ, въ переходѣ изъ четвероугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ,—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ условіямъ Арабской архитектуры, притомъ Месопотамской, такъ какъ Болгары состояли преимущественно въ сношеніяхъ съ Багдадомъ. Освѣщеніе мечети достаточно отъ тѣхъ оконъ, которыя она имѣетъ. Небольшія четвероугольныя отверстія съ южной и западной стороны Березинъ объявляетъ вновь пробитыми, а въ самомъ началѣ небывшими, и наконецъ оригинальность постройки мечети находитъ еще въ дѣленіи ея на ярусы, хотя, говоритъ, подобное встрѣчается и у Арабскихъ мечетей, но не въ такомъ числѣ ярусовъ. Примыкавшія къ мечети постройки весьма правдоподобно Березинъ считаетъ помѣщеніями для служителей мечети и можетъ быть для духовнаго магометанскаго училища (медресé). Все это объясненіе г. Березина сколько сообразно съ устройствомъ Арабскихъ мечетей, столько же съ словами перваго описателя Булгарскихъ развалинъ дьяка Михайлова.

№ 12. «Полата крестообразная, мѣрою пяти саженъ, въ той полатѣ въ глубину восемь ходовъ выкладены каменьемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ строеніе, того осмотрѣть за утѣсненіемъ проходовъ не возможно; въ той же полатѣ въ стѣнахъ четыре окна круглыхъ, да вверху свода окно круглоежъ. Да въ углахъ той полаты четыре полаты, мѣрою длины и ширины по сажени съ аршиномъ, въ томъ числѣ въ дву полатахъ въ глубину ходъ; да во всѣхъ тѣхъ полатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой полаты двѣ полаты ветхи, длиною (1-я) по три сажени съ аршиномъ, шириною по сажени съ аршиномъ; у той же полаты въ сторонахъ двѣ полаты ветхи и своды обвалились; (2-я) полата четвероугольная, мѣрою длины и ширины по три сажени съ полуаршиномъ, ходъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольные, да вверху свода окно большое круглое».

Очевидно, здѣсь описано другое не менѣе предыдущаго замѣчательное по строенію своему зданіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Бѣлой палаты, отстоящее отъ Черной по прямой линіи къ югу во 100 саженяхъ. У Палласа представленъ какъ видъ, такъ и планъ палаты съ масштабомъ на таблицѣ къ стр. 190 подъ буквами: D и E. Видъ ея см. въ Иллюстраціи: Бѣлая палата и средняя въ ней комната, на планѣ 1869 г. № 7-й. Описаніе ея въ настоящемъ актѣ отчасти представляетъ существенныя дополненія и объясненія позднѣйшимъ описаніямъ, по которымъ съ большею вѣроятностію можно заключать и о назначеніи зданія. Мѣра палатѣ, т. е. главному квадрату безъ пристроекъ его, положена здѣсь во всѣ стороны 5-ти саженная, также, какъ выше, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ нынѣшняго; во глубинѣ или подъ поломъ ея имѣется восемь ходовъ, выкладенныхъ камнемъ, которыхъ глубину и строеніе за тѣснотою проходовъ не могъ осмотрѣть описатель—дьякъ: очевидно, здѣсь разумѣются открытые впослѣдствіи профессоромъ Ердманомъ пять параллельныхъ каналовъ подъ поломъ крестообразной палаты отъ сѣвера къ югу и столько же отъ запада на

востокъ, такъ что они пересѣкаются прямыми углами, каждый изъ сихъ каналовъ, по мнѣнію профессора, имѣлъ не болѣе 1 ½ фута шир. и 2 ½ глубины. Въ стѣнахъ палаты по Выписи четыре окна круглыхъ, да вверху обнимающаго ее свода окно круглое же: послѣднее Свиньинъ (стр. 25) и за нимъ прочіе точнѣе называютъ осьмиугольнымъ; а оконъ по сторонамъ у Свиньина показано только два, но у Кафтанникова (стр. 61) и Второва (с. 190), равно и у Березина (стр. 23) всѣ четыре, только послѣдній (стр. 24) напрасно сомнѣвается въ существованіи отверстія въ главномъ куполѣ. Двѣ угловыя палаты или точнѣе комнаты, изъ коихъ по Выписи былъ спускъ внизъ въ вышеозначенные каналы или каменные ходы, по словамъ Березина (тамже) были южныя, т. е. юговосточная и югозападная (тоже и Палласъ стр. 191 и друг.). Значущіяся по сторонамъ главной крестообразной палаты двѣ пристройки, первая, состоящая изъ трехъ комнатъ, по прочимъ описаніямъ должна быть съ южной стороны, вторая—четвероугольная—съ сѣверной стороны; о кругломъ окнѣ въ сводѣ ея говоритъ и Кафтанниковъ (стр. 61), но странно, что Выпись не упоминаетъ о слѣдующей за симъ продолговатой комнатѣ, изъ которой ходъ былъ въ главную крестообразную палату. Палласъ (стр. 190) въ дополненіе Выписи говоритъ, что сѣверная пристройка, содержащая четвероугольную, т. е. квадратную переднюю и потомъ продолговатую комнаты, сдѣлана изъ кирпичей, а главное зданіе—изъ огромныхъ отесаныхъ камней, длиною почти въ аршинъ, шириною больше полуаршина, и толщиною въ пядень, что четыре угловыхъ комнаты въ главномъ зданіи, между которыми въ срединѣ остается просторный ходъ накрестъ, имѣютъ двери не въ боковыхъ своихъ стѣнахъ, но въ самомъ томъ углу, который выходитъ къ этому среднему ходу. Въ подпольныхъ ходахъ или погребѣ, Палласъ думаетъ, хоронились тѣла умершихъ, а въ пристройкахъ были медресе или мусульманскія духовныя училища. Свиньинъ (стр. 24—30) замѣчаетъ, что кирпичная пристройка съ сѣверной стороны съ двумя означенными комнатами въ его время совершенно уже разрушилась и отъ нея остались только два отдѣльные столба или полуарки, а отъ южной пристройки только фундаментъ, равно какъ обрушилась и капитальная стѣна съ сей южной стороны,— и не знаетъ, за что принять все зданіе, за храмъ ли Греческій, судя по крестообразному его строенію, за магометанскую ли мечеть, какъ думалъ Палласъ, или за ханскую баню, которой довольно признаковъ открылъ Ердманъ. При этомъ Свиньинъ высказываетъ свое (впрочемъ странное) мнѣніе: что зданіе первоначально, когда Болгары исповѣдывали еще Браминскую вѣру (?), было не что иное, какъ Индійскій пагодъ, но потомъ по обстоятельствамъ изъ сего назначенія перешло въ другое, при чемъ и дѣланы были къ нему разныя пристройки и поправки. Кафтанниковъ (стр. 60—64) длину всего зданія съ пристройками отъ сѣвера къ югу опредѣляетъ 13 саж. и 2 арш.; въ обѣихъ комнатахъ пристройки съ сѣверной стороны, равно и въ главномъ зданіи въ угловой югозападной комнатѣ находитъ слѣды вставленной въ стѣны глиняной трубы, а въ юговосточной комнатѣ признаки бассейна; находящіеся подъ поломъ ходы, совершенно теперь разрушенные и заваленные мусоромъ, Кафтанниковъ разсмотрѣть не могъ, но изъ разсказовъ старожиловъ и собственныхъ вышеозначенныхъ открытій убѣдился, что здѣсь были водопроводы, и въ зданіи вслѣдъ за Ердманомъ призналъ ханскую баню, указывая сходныя съ нею и въ Крыму и въ Азовѣ. Второвъ (стр. 190—192) между прочимъ пишетъ, что въ главномъ зданіи четыре отдѣльные купола, бывшіе надъ угловыми комнатами, большею частію обруши-

лись, кромѣ югозападнаго, болѣе прочихъ уцѣлѣвшаго. Высота большому среднему куполу надъ крестомъ 3 сажени, а этимъ четыремъ надъ угловыми комнатами съ небольшимъ 2 саж. Въ назначеніи зданія Второвъ согласенъ съ предположеніемъ Ердмана, перечисляя всѣ сдѣланныя имъ въ подтвержденіе сего открытія. По словамъ Березина (с. 22—26) крестообразная архитектура Бѣлой палаты съ угловыми комнатами весьма употребительна на Востокѣ, что въ Персіи, Турціи и другихъ странахъ съ одной стороны такъ строятся увеселительныя загородныя дачи или пріемныя залы въ большихъ домахъ и дворцахъ, а съ другой мусульманскія бани. Самъ онъ рѣшительно склоняется въ Бѣлой палатѣ признать таковую баню, хотя и представляетъ нѣкоторыя на то возраженія, сѣверную и южную пристройки онъ оставляетъ за служителями въ банѣ.—Съ своей стороны, предположенію проф. Ердмана, основанному на ясныхъ, открытыхъ имъ признакахъ и такъ распространившемуся, мы думаемъ найти подтвержденіе въ Землеописаніи Абулфеды. Здѣсь въ 28 таблицѣ, описывая Булгаръ на Волгѣ, никакой другой замѣчательности въ немъ Абулфеда не поставляетъ на видъ. кромѣ трехъ бань, которыми, видно, славился городъ. Именно онъ говоритъ: Боларъ, у Арабовъ называемый Болгаръ, городъ на крайнемъ обитаемомъ сѣверѣ, не далеко отъ берега Волги... находится на низменномъ мѣстѣ: три тамъ бани. Жители—мусульмане Ганефитскаго толка (1); нѣтъ тамъ ни плодовъ садовыхъ, ни деревъ, производящихъ оные, по чрезвычайной стужѣ, равнымъ образомъ вовсе нѣтъ тамъ винограда (2).

№ 13—15. «Всходный столпъ вышины семь саженъ, кругомъ восемь саженъ. У того столпа двѣ мечети четвероугольныя, безъ сводовъ, мѣрою тѣ мечети длины и ширины по три сажени, въ томъ числѣ у одной мечети трои двери, четыре окна четвероугольныхъ, у той же мечети придѣлокъ безъ своду длины и ширины по сажени, входъ въ одни двери безъ оконъ, у другой мечети три стѣны цѣлыхъ, на тѣхъ стѣнахъ по окну четвероугольныхъ, четвертой стѣны половина до своду вывалилось. Вышины тѣ полаты по двѣ сажени».

Всходный столпъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, по соображенію съ другими описателями, есть названный у нихъ малый минаретъ, съ прилежащими къ нему зданіями. Видъ сего минарета съ прилежащими къ нему палатами см. въ Иллюстраціи № 8 и 9, планъ минарета 1869 г. подъ № 5, а смежныхъ зданій подъ № 4-мъ. Малый минаретъ, по Второву, находился въ полуверстѣ отъ большаго минарета къ юговостоку, а двѣ мечети саженяхъ въ 15 отъ малаго минарета къ сѣверо-западу.

Палласъ говоритъ стр. 188, что эта башня или минаретъ находилась въ полѣ (т. е. за селомъ) въ 50 саж. отъ монастыря (т. е. отъ ограды или черты монастырской) въ югозападной (ЮВ?) сторонѣ, что въ стѣнахъ она очень толста и вышиною (д. б. въ окружности, см. ниже у Второва) около 9 саженъ. Не далеко отъ оной и нѣсколько ближе къ монастырю, продолжаетъ Палласъ, видно основаніе пространнаго строенія, на которомъ, можетъ быть, находилась принадлежащая къ сей башнѣ мечеть. По Лепехину (стр. 267, № 5. 6.) минаретъ этотъ есть круглый каменный столпъ, въ окружности 8, а вышиною 7 саженъ. При ономъ столпѣ стоятъ двѣ палаты, изъ коихъ одной длина и ширина по 3 сажени съ половиною, а другой ровно по 3 саж.:

(1) Tria ibi sunt balnea, incolae sunt Moslemi Hanefitici, слич. Herbelot Orient. Bibl. II, 659 Hanifiah.

(2) Büsching Magazin für die neue Histrorie und Geographie, Hamburg 1771, V, 365. Abilfedae Tabulae geographicae.

вышина обѣихъ въ двѣ сажени. Свиньинъ (стр. 19) башню или малый минаретъ называетъ подобною большому минарету и при ней, замѣчаетъ,—фундаментъ мечети или неправильнаго четвероугольника въ $3^1/_4$ саж. длины, а съ юга и запада отъ нихъ, говоритъ, еще остатки двухъ небольшихъ палатъ, при коихъ, по преданію, похоронены мусульманскіе святые. Но зданія болѣе обстоятельно описаны у Кафтанникова стр. 53. 54. и Второва стр. 192—194. Лѣстница, ведущая на высоту малаго минарета, говоритъ Кафтанниковъ, о 48 каменныхъ ступеняхъ. Зданіе, теперь въ большомъ упадкѣ и потому рѣшаться взойти на него трудно и опасно. Къ востоку отъ него въ 60-ти шагахъ (по Палласу, Второву и Березину къ сѣверо-западу) два четвероугольныя зданія, которыя прежде были соединены между собою (1); длина и ширина перваго около 4 саж., верхъ втораго яруса внутри осьмиугольный. Замѣтно, что зданіе имѣло сводъ, въ южной и западной сторонахъ небольшія полукруглыя двери. У восточной стороны снаружи примѣтно основаніе четырехъугольнаго зданія. (2) Второе зданіе, продолжаетъ Кафтанниковъ, отъ перваго въ разстояніи $2^1/_2$ саж., въ основаніи продолговато-четырехъугольное а къ верху осмиугольное; сѣверная и восточная стѣны совершенно разрушены. Второвъ говоритъ о маломъ минаретѣ: квадратное основаніе его, имѣющее около 9 саж. въ окружности и до 4-хъ арш. высоты, переходитъ потомъ въ осьмиугольный уступъ, вышиною въ 2 арш. На этомъ уступѣ возвышается круглый столбъ въ 4 сажени, оканчивающійся отступомъ вышиною въ сажень. За симъ говорится о недавномъ возобновленіи этого столба на пожертвованія Татаръ и о развалинахъ палатъ близь него. Саженяхъ въ 15 отъ малаго минарета къ сѣверо-западу (по Кафтанникову въ 60-ти шагахъ къ востоку) лежатъ развалины палаты, имѣющей квадратное основаніе до 4-хъ саженъ въ діаметрѣ. Палата сія изъ квадрата переходитъ въ осьмиугольникъ, а потомъ въ шестнадцатиугольникъ и, какъ замѣтно, оканчивалась круглымъ сводомъ, нынѣ совершенно обрушившимся. Вышина ея $2^1/_2$ саж., входы съ южной и западной сторонъ чрезъ полукруглыя двери. Палата освѣщается только двумя небольшими окнами, находящимися въ тѣхъ же стѣнахъ, гдѣ двери. Къ восточной и западной сторонамъ примыкали строенія, изъ коихъ около послѣдней еще уцѣлѣли двѣ стѣны. По предположеніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ это развалины мечети, вблизи которой находящаяся башня служила минаретомъ. Березинъ стр. 21 въ маломъ минаретѣ также даетъ замѣтить совершенное сходство съ большимъ. Зданіе, находящееся къ сѣверозападу отъ малаго минарета также, говоритъ, есть не что иное, какъ сборная мечеть, въ которой моленіе совершалось, вѣроятно, въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ. Главное, оно же и среднее, отдѣленіе стоитъ донынѣ, и направленіемъ къ юго-западу указываетъ свое назначеніе (т. е. мечети). Остатки зданія на западъ носятъ тотъ же характеръ.—Вообще эти зданія ни способомъ постройки, ни архитектурою не отличаются отъ тюрбэ—надгробныхъ молельней, пристраиваемыхъ при мечетяхъ. Зданія сіи, вѣроятно, состояли въ связи съ малымъ минаретомъ и, глядя на молящихся здѣсь Татаръ, обведшихъ особенною загородкою могилы своихъ шейховъ, я согласенъ

---

(1) Конечно посредствомъ придѣла между обоими зданіями, упоминаемаго и въ Выписи и значащагося на планѣ 1869 г. подъ № 4-мъ.

(2) Тоже замѣчалъ и Палласъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Фундаментъ этого зданія показанъ и на планѣ 1869 г. ближайшимъ къ минарету подъ № 4 мъ.

допустить на дворѣ этой мечети кладбище, на коемъ дѣйствительно, какъ утверждаетъ Татарское преданіе, были похоронены какіе нибудь Булгарскіе чтимые мужи.

№ 16. «Полата четвероугольная безъ своду, мѣрою длины полсемы сажени (т. е. $6^1/_2$ саж.), ширины пять сажень съ аршиномъ, вышины полторы сажени; посреди съ тѣхъ двухъ сторонъ вывалилось до пошвы стѣнъ (sic)».

Ни у кого изъ прочихъ описателей нѣтъ ни описанія, ни даже упоминанія объ этой палатѣ. Только Лепехинъ подъ № 1, кажется, ее описываетъ слѣдующимъ образомъ: палата, стоящая въ околицѣ Болгарской слободы, длиною 6, шириною 5 саженъ, а вышины показать не можно, потому что стѣны ея развалились.

№ 17. «Полата четвероугольная съ одного угла до половины стѣны до своду цѣлы, мѣрою по пошвѣ длины и ширины по три сажени, входъ въ одни двери».

И объ этой палатѣ у прочихъ нѣтъ никакого извѣстія, исключая развѣ того же Лепехина, разумѣющаго ее подъ 2 или 3 №№ описываемыхъ имъ зданій. Подъ № 2 онъ говоритъ: въ той же околицѣ палата, разстояніемъ отъ первой въ 45 саж., въ длину и ширину по 3 сажени, а верхъ у оной, также какъ и у первой, развалился. Подъ № 3: разстояніемъ отъ второй палаты въ 16 саженяхъ видно одно только палаты основаніе, которое въ длину и ширину по три сажени.

№ 18. «Да за валомъ къ Волгѣ рѣкѣ полата четвероугольная безъ сводовъ, мѣрою длины пять сажень съ аршиномъ, поперегъ полчетверты (т. е. $3^1/_2$) сажени, вышины сажень: входъ въ тое полату въ одни двери, — знатно, что та полата была напредъ сего церковію; потому что около ея многіе есть кладбищные каменья съ подписьми, а подписи походили на Армянскія письма. Отъ той полаты столпъ небольшой въ знакъ часовни, вышины полторы сажени, кругомъ три сажени».

Изображаемую здѣсь палату прочіе описатели называютъ *Греческою*, которая по Второву стр. 194 находилась около полуторы версты отъ большаго минарета къ западу, въ лѣсу за валомъ. Палласъ о ней говоритъ стр. 188: за валомъ есть въ западной сторонѣ остатки знатнаго строенія, которое *мужики*, *не знаю по какой причинѣ*, называютъ Греческою палатою. Лепехинъ, вѣроятно, это строеніе разумѣетъ подъ № 40: за валомъ отъ столба въ 79 саженяхъ (а столбъ самъ отстоялъ отъ вала въ 67 саж.) развалившейся палатѣ длина и ширина по 5 саж. Свиньинъ стр. 31 на то, что зданіе простолюдины называютъ Греческою палатою, замѣчаетъ, что нѣтъ никакого признака, по коему археологъ могъ бы угадать и подтвердить истину сего преданія: въ такомъ развалины его находятся разрушенія, и оно должно быть весьма давнее, ибо на самомъ фундаментѣ выросли толстыя березы. Второву (стр. 194) также неизвѣстно, почему палата, теперь почти совсѣмъ уже разрушившаяся, называется Греческою: стѣны ея, говоритъ онъ, возвышающіяся еще аршина на два, составляютъ четвероугольникъ, имѣющій около 6 саженъ въ длину и до 5 въ ширину. Березинъ говоритъ (стр. 26): въ предмѣстіи городскомъ сохранилось основаніе одного зданія, извѣстнаго подъ именемъ Греческой палаты (у Лепехина N 40). Направленіе зданія показываетъ, что это не была церковь: вѣроятно, здѣсь было складочное мѣсто для цѣнныхъ товаровъ, или жилище какого нибудь богатаго иностраннаго купца,—постояннаго жителя Булгара. Г. Шмидтъ придаетъ этому зданію башни и валъ, но этого нынѣ не примѣтно.—Что касается до значащагося въ Выписи небольшаго столба при палатѣ, принятаго дьякомъ за часовню, то о ней изъ означенныхъ описателей

ни у кого никакого слѣда нѣтъ. Относительно назначенія палаты съ своей стороны скажемъ, что объясненію Березина противорѣчатъ указываемые при ней дьякомъ кладбищные каменья съ подписьми, показывающіе, что здѣсь былъ храмъ. И храмъ этотъ самъ дьякъ предполагаетъ не магометанскій, а христіанскій, когда называетъ его не мечетію, какъ выше, а церковію, и столпъ при ней не мизгитью, а часовней. Не принимая и не отвергая преданія, по сказанію простолюдиновъ, чтобъ это была Греческая церковь, мы можемъ указать на вещи, повидимому, подтверждающія оное: на найденный въ развалинахъ Булгара мѣдный, вызолоченный образъ древней Греческой работы и такой же работы мѣдный крестъ, о которыхъ говоритъ Свиньинъ (стр. 17—28) и Березинъ (стр. 68—71). Но, съ другой стороны, когда дьякъ надгробныя подписи находитъ Армянскими, и когда въ развалинахъ Булгара дѣйствительно открыты и при Петрѣ 1-мъ и въ недавнія времена епитафіи христіанскихъ Армянъ (Березина—Булгаръ на Волгѣ, стр. 64—66), а никакихъ Греческихъ не найдено: то это наводитъ на мысль, не былъ ли означенный храмъ Армянскій.

№ 19—21. «Да у другова конца тогожъ пеперечника (?!), за валомъ же, три полаты, двѣ стоятъ одна противъ другой, развалились до половины, а третья особо отъ нихъ, въ десяти саженяхъ, развалилась вся».

Мѣсто это такъ неопредѣленно, что изъ сличенія съ прочими описателями (хотя и въ нихъ, сказать вообще не къ чести Русскаго пера, замѣчается подобная неопредѣленность) нельзя понять, что такое описывается. Кажется, что объ этихъ зданіяхъ говоритъ Лепехинъ подъ № № 36, 37 и 38.

Этимъ заключается у дьяка Михайлова описаніе развалинъ Булгарскихъ. При этомъ странно намъ кажется, что ни въ Выписи, ни у прочихъ описателей не видно того хорошо уцѣлѣвшаго и описаннаго Палласомъ на стр. 188 квадратнаго зданія, которое онъ принимаетъ за мечеть и на таблицѣ къ 188 листу прилагаетъ самый видъ его.—Далѣе въ Выписи слѣдуетъ длинное и утомительное описаніе межей и граней отведенной монастырю земли, что̀ къ нашей статьѣ вовсе не относится. Замѣтимъ развѣ здѣсь для топографіи Болгарскаго городища два слѣдующія мѣста: въ первомъ изъ нихъ говорится, что грани стоятъ въ углу подлѣ увалу и рѣчки Меленки *по конецъ стараго Татарскаго селища*, гдѣ напредъ сего бывалъ ихъ Татарскій Яга-Базаръ. Рѣчка Меленка протекаетъ отъ развалинъ Булгара на западъ въ Волгу. А помянутый Ага Базаръ, извѣстный и нынѣ, есть пристань, находящаяся въ 6 верстахъ отъ Булгара близъ Волги (какъ оказывается она и по Выписи) съ признаками и остатками бывшихъ зданій. Во второмъ мѣстѣ говорится, что монастырю сверхъ указнаго числа земли оставлено «длиннаго болота, скрозь которое течетъ вышеписанная рѣчка Меленка, на скотинный выпускъ 50 десятинъ для того, что та рѣчка и болото подъ самымъ Болгарскимъ городищемъ». Означеніе показаннаго селища Ага-Базаръ, рѣчки Меленки и этого болота въ настоящемъ актѣ, относительно древнемъ, имѣетъ вѣсъ и въ рѣшеніи вопроса, занимающаго многихъ, о первоначальномъ теченіи Волги мимо самаго Булгара (см. Свиньина стр. 6, Кафтанникова 50. 51, Второва 180 и Березина 7—9).

Южный городокъ и другія тамъ зданія не показаны въ Выписи: ибо дьякъ по дѣлу своему занимался только сѣверною половиною развалинъ. Этому недостатку мы нѣсколько поможемъ выпискою изъ другаго акта XVII в. У Березина (стр. 26) гово-

рится, что въ этомъ южномъ городкѣ или цитадели находился якобы ханскій дворецъ съ помѣщеніемъ для войскъ и придворныхъ служителей, что дворецъ былъ обведенъ особымъ неглубокимъ рвомъ; у сѣвернаго входа его стояли двѣ башни, у южнаго одна,—всѣ четвероугольныя, что къ СВ. углу дворца примыкалъ небольшой четвероугольникъ, обведенный валомъ. Все это утверждается лишь по фундаментамъ зданій, и уже по аналогіи наводится, что башни и дворецъ былъ каменный. Сверхъ того Второвъ (стр. 195) говоритъ, что въ недальнемъ разстояніи отъ подошвы горы, на которой находятся развалины малаго городка, за болотомъ возвышается довольно большой бугоръ съ кучею камней, свидѣтельствующихъ, что и на этомъ мѣстѣ было зданіе,—по преданію тутъ стоялъ *маякъ*. Въ нижепомянутой памяти 1659 г. о патріаршей землѣ и угодьяхъ по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ (1) указываются эти ровъ и валъ и башни *каменные* и вышепомянутый маякъ такимъ образомъ: «а ѣдучи дорогою (отъ Балымскаго городища, т. е. съ юга) къ Болгарскому городищу да по каменной старой Татарской столбъ, а стоитъ тотъ столбъ возлѣ дороги на правой сторонѣ, а съ того каменнаго столба направо по старому Татарскому валу во рву береза, а съ той березы на старые Татарскіе каменные на двѣ полаты, а на тѣхъ полатахъ выросли рябины, а передъ тѣми полатами стоитъ дубъ кудреватой въ долинѣ, а передъ тѣмъ дубомъ стоитъ близко третья Татарская полата каменная».

2—5 Городища Маинское, Кокрышское, Балымерское и Уткинское

по рр. Уткѣ и Майнѣ, и нѣкоторыя другія.

Верстахъ въ 15-ти отъ Булгара на Волгѣ къ югу протекаютъ двѣ рѣки, Утка и Майна, параллельно одна другой идущія, но въ устьяхъ соединяющіяся и обѣ впадающія въ Волгу. На этихъ двухъ рѣкахъ было четыре городища или укрѣпленныхъ мѣста: 1) Маинское 2) Кокрышское, 3) Балымерское и 4) Уткинское. Всѣ они—Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда. Мы имѣемъ свѣдѣнія о нихъ изъ двухъ древнихъ актовъ: а) изъ памяти Макарію Кисловскому 167 (1659) года Марта 31 о бывшихъ по вышеозначеннымъ двумъ рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ за Патріаршимъ Домомъ рыбныхъ ловляхъ, земли и покосахъ, которые теперь велѣно было отдавать въ оброкъ охочимъ людямъ (2), и б) изъ отводныхъ книгъ Казанца Баракова и при немъ подъячево Чередѣева по наказу отъ Казанскихъ воеводъ въ апрѣлѣ 176 (1668) года объ измѣреніи и описаніи земли по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ, особенно же старыхъ городищъ, валовъ, осыпей и бывшихъ крѣпостей, съ тою цѣлію, чтобъ отдать сіи земли подъ поселеніе и въ надѣлъ плѣнной (послѣ Польской войны) Польской шляхтѣ полковнику Гаславскому съ прочими, а бывшія городища и всякія крѣпости обновить (3). Въ памяти пишется: «межь рѣкъ Майны и Утки 1) *Маинское городище* въ длину сажень въ пятьдесятъ, поперекъ сажень съ сорокъ». По Подробной картѣ Рос-

(1) См. ниже о городищахъ 2 — 5 Маинскомъ и другихъ. Память эта находится въ Московскомъ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ между Казанскими актами № 80.

(2) Хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи въ I отдѣленіи—Государственныхъ старыхъ дѣлъ, въ числѣ жалованныхъ грамотъ и другихъ актовъ по Казани съ городами подъ № 80-мъ.

(3) Списокъ тамже въ III отдѣленіи въ Вотчинномъ архивѣ подъ № 410: Казанскія писцовыя книги Сем. Волынскаго 156 (1648) года, л. 594 об. и дал.

сійской Имперіи, сочиненной при собственномъ Его Императорскаго Величества депо картъ, на картѣ XVIII здѣсь означенъ *Городокъ*, отъ Булгара на Волгѣ по прямому направленію верстахъ въ 20-ти на югѣ; см. и его на приложенной при семъ картѣ городищъ. «Межь Утки и Болгарскаго городища (Булгара на Волгѣ)—продолжаетъ память—пашенной земли на 4200 чети и вверхъ той пашенной земли стоитъ 2) Старое Татарское *городище*, близко Утки рѣки, словетъ *Кокрышское* (въ той же Подробной картѣ оно названо: Козмодемьянское, Кокрятское городище тожъ, верстахъ въ 8 отъ Маинскаго городища на СВ. См. карту городищъ), а нынѣ на томъ городищѣ варятъ селитру про государевъ обиходъ, а того Кокрышскаго городища по мѣрѣ въ длину на полверсты, поперекъ тожъ. А ѣдучи отъ того Селитреннаго городища къ Волгѣ рѣкѣ, по одной сторонѣ подлѣ Утки рѣки на низъ хоромной лѣсъ длины 3 версты, поперекъ полверсты, да въ отмѣрной пашенной землѣ два озерка небольшихъ круглыхъ длиною по сту. сажень. поперекъ по 70-ти сажень—а переѣдучи ту отмѣрную пашенную землю на высокой горѣ 3) Татарское *Балымерское городище* (въ вышеозначенной Подробной картѣ оно стоитъ подъ симъ же именемъ Балымеръ, см. на картѣ городищъ—отъ Котрятскаго городища верстахъ въ 15-ти на СЗ). въ длину того Балымерскаго городища на 300 сажень, поперекъ на 250 сажень. Отъ Волги версты съ двѣ, а отъ того Балымерскаго городища версты съ четыре, близко Утки рѣки другое 4) Татарское *городище* словетъ *Утинское* (чит. Уткинское, какъ въ другихъ мѣстахъ), а около того городища ровъ, глубиною въ сажень, а по мѣрѣ того селища (т. е. какъ изъ послѣдующаго видно, бывшаго тутъ села, Никольскаго-Полянки, см. на Подробной картѣ Рос. имперіи, и на нашей картѣ городищъ) въ длину на 70 сажень, поперекъ на 40 сажень. Отъ Болгарскаго городища и до Балымерскаго городища хоромнаго сосноваго лѣсу и съ бортными ухожаи на 12 верстъ, поперекъ 4 версты». Въ отводныхъ книгахъ Баракова говорится: (отведено сѣнныхъ покосовъ) «по Волгѣ рѣкѣ и за Майною рѣкою отъ *Вышняго городища* вверхъ по Майнѣ рѣкѣ (это—по предъидущему акту Маинское городище, въ отводныхъ книгахъ далѣе названное Высокимъ городищемъ, видно, по возвышенному своему положенію, около него пишется ровъ)... да подлѣ *Балымскаго городища* отъ Утки рѣки съ верху (т. е. съ самой сѣверной ея оконечности, подходящей къ Балымскому городищу) гдѣ прежь сего была патріаршая деревня Полянка. А Балымское городище отписано на Великаго Государя». Ниже: «по другую сторону Утки рѣки *городище* (по предъидущему акту и нижеслѣдующимъ словамъ—*Уткинское*), а въ немъ осыпь, а кругъ осыпи три рва, а по обѣ стороны того городища селище, что прежь сего было патріаршее село... За тѣмъ болотомъ городище, и на немъ преже сего варена селитра, а кругъ того городища валъ да два рва, а отъ того *Селитреннаго городища* ѣдучи вверхъ по Уткѣ рѣкѣ надъ Уткоюжъ рѣкою *городище*, словетъ *Кокря*». (Изъ предъидущаго акта, представляющаго селитренное производство въ Кокрышскомъ городищѣ, видно, что это Селитреное городище есть не что иное, какъ продолженіе того же Кокрышскаго). При всемъ стараніи и перепискѣ съ разными лицами мы не могли добиться свѣдѣній о настоящемъ положеніи всѣхъ сихъ городищъ.—Древній Татарскій городъ Балымеръ, о которомъ пишетъ въ своемъ Журналѣ капитанъ Рычковъ (см. ниже о городищѣ Билярскомъ) по всей вѣроятности надобно отличать отъ вышеозначеннаго Балымерскаго городища: онъ находился близь пригорода Билярска.

Верстахъ въ 20-ти отъ устья Майны на югозападъ, внизъ по теченію Волги, въ 5 отъ нея верстахъ, находится старое село *Ботма*, *Архангельское и Рѣпьевка* тожъ (нынѣ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда. См. на картѣ городищъ). Священникъ этого села Валентинъ Умовъ очень обязательно сообщилъ намъ, что въ оградѣ ихъ церкви, за особою загородкою, есть старинный надгробный камень съ Татарскою подписью въ длину четвертей 9, въ ширину 3, толщины $5^1/_2$ верш., а за тѣмъ, по просьбѣ нашей, прислалъ на тонкой прозрачной бумагѣ и точную копію съ сей подписи. Копія эта для разсмотрѣнія и перевода препровождена въ С.-Петербургъ къ извѣстному оріенталисту и г. академику Влад. Влад. Вельяминову-Зернову. Но къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще ни перевода, ни частнѣйшихъ свѣдѣній о подписи; знаемъ только вообще, что она относится къ XV или XVI вѣку и такого же характера, какъ три надгробныя Булгарскія надписи, переводъ съ коихъ помѣщенъ въ Извѣстіяхъ Спб. Археологическаго Общества т. IV стр. 395. Во всякомъ случаѣ памятникъ показываетъ, что прежде здѣсь жили Татары, какъ это видно, по словамъ священника, и изъ Татарскаго названія рѣчки Бикуль, при коей стоитъ село. За тѣмъ тотъ же священникъ писалъ, что около села Рѣпьевки есть слѣды нѣсколькихъ кладбищъ съ костями человѣческими, думать надобно, Татарскихъ. Одно изъ нихъ въ верстѣ отъ Рѣпьевки, другое въ трехъ верстахъ, третіе верстахъ въ семи, близь приходской деревни Ерзовки, и верстахъ въ 13-ти на СЗ. близь села Головкина; послѣднее кладбище у народа называется *мазарскимъ*, т. е. Татарскимъ (1). Крестьяне не рѣдко изъ земли выпахиваютъ серебреныя вещи, наприм. запястья и мелкія съ Татарскою надписью серебреныя деньги. «Въ приходской нашей деревнѣ *Юрманкахъ* (въ 10 верстахъ на востокъ, см. ее на картѣ городищъ), говоритъ онъ, тоже есть мѣсто съ костями человѣческими, а мѣстонаселеніе самой деревни, по моему мнѣнію, замѣчательно тѣмъ, что деревня эта стоитъ на мысу, съ двухъ сторонъ ея топкія болота, по третью сторону рѣка Урень, а съ четвертой, при въѣздѣ въ деревню—ровъ, который по отзывамъ стариковъ былъ весьма глубокъ, онъ былъ, какъ говорятъ, наполненъ водою и чрезъ него былъ мостъ. Ровъ этотъ нынѣ не такъ уже великъ, но валъ очень порядочный. Предполагаютъ, что тутъ была крѣпостца во время населенія этой мѣстности невѣрными».

6—9 Городища Кандалинское, Чибашское, Камкинское и Билярское

по рр. Кандалѣ и малому Черемшану, и нѣкоторыя другія.

Всѣ эти городища болѣе или менѣе удовлетворительно описаны въ 1770 г. капитаномъ Рычковымъ въ его Журналѣ или Дневныхъ Запискахъ путешествія по Россіи стр. 3—24. Первое (Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) находится на высокой горѣ при рѣчкѣ Кандалѣ, впадающей въ Майну, противъ самаго села Кандалы, стоящаго на другой сторонѣ рѣчки. Отъ Кокрякска-

(1) О Татарскомъ словѣ мазарки, коимъ обыкновенно называются Татарскія кладбища, см. въ статьѣ г. Артемьева «Древній Болгарскій городъ Жукотинъ», помѣщенной въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, 1851 Январь кн. 1, стр. 57 и слѣд. въ примѣчаніи.

го городища это будетъ верстахъ въ 15 на югъ. Городокъ укрѣпленъ или обнесенъ съ трехъ сторонъ двумя крутыми валами, отдѣленными одинъ отъ другаго довольно глубокимъ рвомъ, въ видѣ дуги или точнѣе скобы съ немного закругленными углами, такъ что оба конца его упираются въ крутизну горы, на которой онъ стоитъ. У Рычкова приложенъ и видъ его съ масштабомъ. Окружность городка, опредѣляемаго сими валами, составляетъ 300 саженъ. По преданію туземцевъ это было Болгарское жилище. Далѣе по дорогѣ къ пригороду Билярску, верстахъ въ 15 отъ Кандалинскаго городища, при Татарской деревнѣ Старый Боранъ (Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) въ густомъ лѣсу такой же и въ ту же мѣру городокъ, укрѣпленный валами, а въ 4-хъ отъ него верстахъ еще третій, съ двойными валами, и недалеко отъ него четвертый. Въ 15 отъ нихъ верстахъ, а въ 3-хъ отъ Татарской деревни Чибашъ (того же уѣзда, см. на картѣ городищъ) такое точно, какъ Кандалинское въ видѣ дуги или скобы укрѣпленіе, обнесенное тремя высокими валами и тремя глубокими каналами. Концы ихъ обращены къ рѣчкѣ Чибашъ, за коей—мѣста болотистыя. Широта городка 86 саж., а длина 91 саж., внутри—бугры изъ краснаго кирпича и бѣлаго дикаго камня, показывающіе, что тутъ были зданія. Эти признаки зданій находятся и внѣ укрѣпленія на большое пространство. Приложенъ видъ и этого городища. Верстахъ въ 15 отъ него по той же Билярской дорогѣ при Татарской деревнѣ Камкиной (того же Спасскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) на берегу малаго Черемшана на верху крутой горы, находится также городокъ, представленный на рисункѣ Рычкова. Своею дугообразною формою онъ совершенно похожъ на предъидущія, укрѣпленъ валами и рвами, въ окружности болѣе 300 саженъ, а высоты валы, считая и съ глубиною рва, около 3 саженъ, и сверхъ того хорошо защищенъ и укрѣпленъ самою природою; внутри его также довольно дикаго камня и кирпича. Въ 20 отсюда верстахъ —пригородъ Билярскъ (Казанской губ., Чистопольскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) близь малаго Черемшана, стоящій на развалинахъ обширнаго Болгарскаго города, втораго по Булгарѣ на Волгѣ, отъ котораго онъ отстоитъ по прямой линіи на востокъ верстахъ въ 70. Городъ обнесенъ тремя высокими валами и тремя глубокими рвами, во время Рычкова хорошо еще сохранявшимися: первый валъ въ окружности болѣе 12 верстъ; потомъ на довольное разстояніе, наполненное каменными развалинами, другой валъ; послѣдній валъ, болѣе прочихъ укрѣпленный, вѣроятно заключалъ замокъ или Кремль города,—и Рычковъ среди другихъ развалинъ въ центрѣ его видѣлъ большой каменный столпъ изъ краснаго кирпича и дикаго камня, не смотря на всегдашнія расхищенія ихъ, имѣвшій тогда высоты болѣе 5 аршинъ, толщины 7, а въ окружности 24 аршина.—Считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь выписку изъ Шерефъ еддина, Булгарскаго лѣтописца XVI в., о проповѣдникахъ магометанства въ въ Билярскѣ: «въ Билярскѣ на вершинѣ одной горы находятся могилы трехъ великихъ шейховъ (святыхъ): первый Ходжа Асгаръ, иначе Малюмъ Ходжа; вторый Абдулла Ходжа Чубаръ, извѣстный подъ именемъ Абдуллы, третій шейхъ Мухаммедъ. Изъ аула Баганэ Чакганъ-бай, сынъ Тирака, учившійся въ Багдадѣ, пришелъ въ Билярскъ и здѣсь наставлялъ людей» (1). Рычковъ принимаетъ Билярскъ за упоминаемый въ одномъ актѣ XVII в. городъ Булымеръ (2). Мѣсто это читается такъ: «въ прошломъ

(1) Березина Булгаръ на Волгѣ, стр. 89.

(2) Выпись, отпечатанная Мельниковымъ въ Актахъ Историческихъ и Юридическихъ по Казанской губерніи, Казань 1859, стр. 179.

185 (1677) году били челомъ Великому Государю мурзы и служилые и ясашные Татара всего Казанскаго уѣзда: въ прошлыхъ годѣхъ до Казанскаго взятія изстари построенъ былъ бусурманской городъ Балымерской за Камою рѣкою, а въ немъ былъ царь Балынъ-Гозя, и онъ-де, Балынъ-Гозя, умеръ; да въ тожъ-де время былъ царь Татарской Сафаралѣй, и того-де Балымерскаго царя похоронилъ и построилъ надъ нимъ полату каменную». Эту палату Рычковъ палагаетъ въ трехъ верстахъ отъ Билярска къ сѣверу на Татарскомъ кладбищѣ, называемомъ Балынъ-Гусь и особенно чествуемомъ магометанами, гдѣ кромѣ надгробныхъ камней есть остатки каменныхъ зданій. Палата (уже несомнѣнно) оказывается здѣсь и по дальнѣйшему содержанію акта. За этимъ кладбищемъ находятся также глубокіе рвы и крутые валы, защищающіе оное. Означенный царь Балынъ-Гозя, очевидно, жилъ въ концѣ XV или началѣ XVI в., когда по дальнѣйшимъ словамъ акта одинъ изъ приставленныхъ Сафаралѣемъ къ палаткѣ его сторожей татаринъ Барамгоскя умеръ уже по взятіи Казани; самый этотъ похоронившій его Татарскій царь Сафаралѣй долженъ быть Сафа-Гирей, царствовавшій въ Казани отъ 1524 до 1549 г. (1) А потому Балынъ-Гозя XV—XVI в. не могъ быть строителемъ или основателемъ города Балымерскаго, чего не требуетъ и актъ, а былъ только однимъ изъ позднихъ царей этого города. На этомъ основаніи Билярску, судя по развалинамъ, очень древнему городу, и можно усвоить другое наименованіе—Балымерскаго города. Въ противномъ случаѣ съ большою натяжкою надобно предположить, что Балынъ-Гозя изъ другаго царственнаго града своего Балымерскаго, примѣрно изъ вышепомянутаго городища Балымерскаго, по смерти перенесенъ на Билярское кладбище, гдѣ могъ лежать родъ его.

Соображая изложенныя городища 2—9 мы видимъ, что столица Булгарскаго царства обведена была полуциркульною линіею укрѣпленій по рѣкамъ Уткѣ, Майнѣ и малому Черемшану, начиная отъ Балымерскаго городища и кончая Билярскимъ. Скажемъ еще болѣе. Далѣе за Билярскомъ прямо на сѣверъ къ Камѣ доселѣ видны еще три городища: первое на рѣчкѣ Изгаръ, впадающей въ малый Черемшанъ, село *Никитинское Городище*, *Изгаръ тожъ*, отъ Билярска по прямому направленію 25 верстъ, второе прямо противъ этого городища на сѣверъ, въ 10 верстахъ отъ него деревня *Городище, Студеный Ключь тожъ* (равно и сосѣдственная деревня *Ромашкина*), третіе на Камѣ близь Чистополя *Жукотинское городище и Змієво* Жукотинское тожь (2). О всѣхъ этихъ городищахъ говоритъ осматривавшій ихъ г. Артемьевъ въ статьѣ своей: Древній городъ Жукотинъ (3). Никитинское городище по нему окружено было тройнымъ валомъ, какъ и Жукотинское, о коемъ и сами мы скажемъ ниже. Такимъ образомъ помянутая укрѣпленная линія городищъ идетъ отъ Булгара полукругомъ, простираясь до самой Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ Чистополь.— Такъ точно по Изслѣдованію городищъ оказывается, что въ половинѣ XII вѣка южную границу Руси съ кочевыми племенами составляла рѣка Донецъ и впадающія въ нее Уда и Можа,—и по берегамъ сихъ рѣкъ шла оборонительная линія укрѣпленій или городищъ. Именно на правой сторонѣ Донца городище Бѣлгородъ, потомъ Сал-

(1) См. Карамзина Ист. Госуд. Рос. VII. 81. VIII, 73.

(2) См. всѣ эти селенія на Подробной картѣ Россійской имперіи, изд. при Императорскомъ депо, и на приложенной здѣсь картѣ городищъ.

(3) Помѣщена въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ за 1851 г. Январь, кн. 1, стр. 57.

тановское, ниже его Колковское, еще ниже Гумнинье, за нимъ Чугуево городище, еще далѣе Мохначево, на устьѣ Уды Баново или Каганово, вверхъ по Удѣ Хорошово и выше его Донецъ-Городокъ, при вершинахъ Мерефы огромное городище Кукулевскаго. Всѣ эти древнія укрѣпленія, какъ и окружающія Булгаръ на Волгѣ, расположены одно отъ другаго верстъ на 10, на 20 и рѣдко далѣе (1).

10. Городище близь Тетюшъ.

Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Семена Волынскаго 7156 (1648) года (2) л. 343 об. послѣ города Тетюшъ (нынѣ Казанской губ.) пишется «Государево дворцовое село Ѳедоровское, Новый Усадъ тожъ, на рѣкѣ Улемѣ (къ сѣверу отъ Тетюшъ верстахъ въ 7-ми, см. на картѣ городищъ село Ѳедоровку). Того села полянка подлѣ рѣки Машновки, да за нею полянка подлѣ чернаго лѣса и по рѣчкѣ Городищѣ и вверхъ до пустоши *Городища Татарскова* 125 десятинъ». И затѣмъ о самомъ этомъ городищѣ: «тогожъ села пустошь Городище, что бывалъ городокъ Татарской на рѣчкѣ Городищѣ» (см. оное на картѣ городищъ). Въ переписныхъ книгахъ Казани съ городами 125 (1617) года (3) на л. 1375 въ дозорныхъ книгахъ помѣстнымъ и порозжимъ землямъ около Тетюшъ 127 (1619) года между прочимъ пишется: «сказали старожильцы Тетюшскіе: Государева дворцоваго села Ѳедоровскаго, что подъ Тетюшами, крестьяне владѣютъ сѣнными покосы на дикомъ полѣ до рѣки до Брусянки, а отъ Брусянки до Татарскова старого городища, безъ дачи, на 15 верстъ и больши въ длину; тогожъ села Ѳедоровскаго Мордва владѣютъ сѣнными покосы, безъ дачи, на дикомъ полѣ по Татарскому старому городищу и за городищемъ будетъ на столько же (?), что владѣютъ крестьяне села Ѳедоровскаго».

Въ дѣльной статьѣ о городѣ Тетюшахъ (4) неизвѣстный авторъ, исторически показавъ, что построеніе Тетюшъ Русскими по взятіи Казани для утвержденія Русскаго тамъ владычества надобно относить къ 1565—1575 годамъ, замѣчаетъ: «впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Тетюши, и въ самыя древнѣйшія времена находилось какое нибудь поселеніе. Дѣйствительно, есть преданіе, что на мѣстѣ Тетюшъ находился какой-то *Болгарскій городъ*, и въ немъ, также какъ и въ самой Болгарской столицѣ (развалины которой лежатъ въ 18-ти верстахъ отъ Тетюшъ), былъ выстроенъ высокій столпъ или башня, служившія телеграфами между столицею и этимъ городомъ. На сѣверной сторонѣ за Тетюшами указываютъ даже неясные признаки когда-то существовавшихъ укрѣпленій». Затѣмъ авторъ, излагая разсказъ лѣтописи о нападеніи въ 1181 году Вел. Князя Всеволода Юрьевича на столицу Болгарскую и о скороподанной ей помощи отъ *Болгаръ Тимтюзей*, этихъ Тимтюзей хочетъ отожествить съ Тетюшами, и отсюда вывесть, что городъ Тетюши былъ Болгарскій городъ. На это мы замѣтимъ: а) что указанные авторомъ на

(1) См. въ Русскомъ Историческомъ сборникѣ, изд. Погодинымъ, т. 3, Москва 1838, статью: Курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ, стр. 216. 217.

(2) Хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи отдѣленіе III Вотчинное подъ № 413.

(3) Хранящихся тамъ же подъ № 410.

(4) Помѣщена въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 г. часть неоффиціальная № 21 и слѣд.

сѣверной сторонѣ признаки укрѣпленій суть именно вышеизложенное нами старое Татарское Городище; б) въ Булгарской лѣтописи Шерефъ-еддина, XVI в., въ главѣ о проповѣдникахъ магометанства въ этой странѣ, между прочимъ говорится, что въ *аулѣ Тетюшъ* былъ (проповѣдникомъ и погребенъ) Бадамъ сынъ шахъ Селимовъ (1). Это ли именно мѣсто Тетюши, гдѣ нынѣ городъ сего имени, разумѣется здѣсь, или другое какое,—во всякомъ случаѣ отсюда видно, что слово, а потому и мѣсто Тетюши, гдѣ нынѣ городъ, Болгарскаго или точнѣе Татарскаго происхожденія. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ Булгарскій, разсказывая объ основаніи разбѣжавшимися изъ Булгара, когда онъ взятъ былъ Тимуромъ, многими знатными лицами разныхъ городовъ, прямо говоритъ о построеніи Тетюшъ (2): «старикъ Тетюшъ съ поколѣніемъ своимъ пришелъ къ оврагу Булги (Волги)—и стало селеніе Тетюшъ». Этимъ свидѣтельствомъ о позднемъ построеніи Тетюшъ XIV—XV в. опровергается производство Болгаровъ Тимтюзей отъ Тетюшъ.—Это же, вѣроятно, городище значится и въ актѣ у Мельникова 1636 г. въ межахъ Татарской деревни Чирковъ «старое городище близко Свіяги рѣки» (3).

11. Ундорскія городища.

Симбирской губерніи и уѣзда Симбирскаго, въ 35 верстахъ отъ Симбирска, находится въ 2 верстахъ отъ Волги старое село Ундоры, принадлежащее нынѣ А. П. Языкову (см. на приложенной при семъ картѣ городищъ). По преданію Ундоры первоначально было селеніе Татарское, и у нѣкоторыхъ крестьянъ его доселѣ сохраняются Татарскія фамиліи или прозвища. Мѣсто это посѣтилъ въ 1636 г. и въ своихъ запискахъ передалъ отъ Русскихъ конечно слышанное для насъ важное извѣстіе о немъ знаменитый Олеарій, плывшій отъ насъ въ Персію рѣкою Волгою. 19 августа былъ онъ у острова Старицы (на Волгѣ повыше Ундоръ) и противъ него на правомъ берегу Волги набралъ нѣсколько круглыхъ камней (коими берегъ былъ усѣянъ) въ разломѣ съ звѣздообразными фигурами серебристаго и золотистаго цвѣта, содержащихъ сѣру и селитру. «Затѣмъ, говоритъ, мы достигли до зеленой, прекрасной площадки, на которой нѣкогда находился *Татарскій городъ* Унеровска гора (Unerofska gora); здѣсь погребенъ одинъ знатный Татаринъ, котораго Татары считаютъ за святаго и къ гробу его и теперь еще ходятъ на поклоненіе окрестъ живущіе Татары. Мѣсто это отъ Тетюшъ лежитъ въ 65-ти верстахъ». Очевидно, что Unerofska gora или самъ Олеарій при перепискѣ своихъ записокъ или въ типографіи при изданіи ихъ ошибкою поставили вмѣсто Undorofska gora—Ундоровска гора, и что здѣсь именно разумѣется вышеозначенное село Ундоры, стоящее на горахъ, именуемыхъ Ундорскими. Въ дачахъ села Ундоръ и доселѣ обилуетъ горючій сланецъ и сѣрный колчеданъ серебристаго и золотистаго видовъ (4). Отсюда до города Тетюшъ дѣйствительно 65 верстъ, а ниже находится островъ Ботемскій, при которомъ

(1) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр, 84, и въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. XIII (Спб. 1859 г.) г. Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 272.

(2) См. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1852 г. № 43.

(3) Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губерніи, стр. 17.

(4) Матеріалы для исторіи и статистики Симбирской губерніи, выпускъ IV, Симбирскъ 1867, стр. 29. 38. 39.

впадаетъ рѣчка Ботма: на немъ Олеарій былъ въ слѣдующій день 20 августа (1). На мѣстѣ нынѣшнихъ Ундоръ Unerofska gora показана Олеаріемъ на картѣ и въ Нѣмецкомъ подлинникѣ его путешествія (2). Значеніе бывшаго здѣсь прежде немалаго города можетъ подтверждаться тремя указываемыми въ древнихъ актахъ Ундоровскими городищами. Именно въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 7156 (1648) г. (3) на л. 362 пишется: «за Казанцомъ Иваномъ Елизаровымъ сыномъ Юрьева, да за сыномъ его Михаиломъ село *Новое Воскресенское* близко рѣки Волги на Укоровскихъ (чит. Ундоровскихъ) горахъ, на большомъ врагѣ, что было *городище Ундоровское* (sic) *Середнее*, на дикомъ полѣ, по одной сторонѣ врага на ключѣ... За нимижъ на рѣкѣ Волгѣ на берегу *Старое Укоровское* (чит. Ундоровское) *городище Середнее* (Нижнее?) съ поляною, мѣрою 13 длинниковъ, 6 поперечниковъ... Государевы порозжіе земли, что владѣли Иванъ Юрьевъ и сынъ его Михайло и осталось за ихъ дачами и за граньми посторонь поль въ *Верхнее Укоровское* (чит. Ундоровское) *городище*, пашни и дикова поля по мѣрѣ 24 длинника и 69 поперечниковъ».

И такъ здѣсь различаются три городища: Середнее Ундоровское, гдѣ теперь село, Старое Середнее (чит. Нижнее) и Верхнее Ундоровское городище. По распоряженію владѣльца села Ундоръ Александра Петровича Языкова доставлено намъ отъ г. Русина свѣдѣніе о нынѣшнемъ состояніи упоминаемыхъ здѣсь трехъ городищъ съ планомъ ихъ, при семъ отлитографированнымъ. «Позади села Ундоръ, къ сѣверу, пишетъ г. Русинъ, за крестьянскими гумнами въ околицѣ такъ называемой части села Красной слободы находится валъ, безъ рва, длины 170 саженъ, шириною 6 саж., высоты 2 саж., состоящій изъ трехъ ломаныхъ линій». (См. оный на планѣ подъ буквою А). Надобно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ идутъ на подобіе вилъ два отрога или двѣ вершины большаго Черталинскаго оврага, при которомъ стоитъ село, и одинъ отрогъ длиною въ половину меньше другаго, съ ключемъ того же имени: отъ него-то въ параллель полному отрогу, упирающемуся въ лѣсъ, и сдѣланъ означенный валъ къ тому же лѣсу. Такимъ образомъ здѣсь и образовался съ трехъ сторонъ укрѣпленный городокъ, имѣющій съ четвертой стороны лѣсъ. Онъ въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ названъ Городищемъ Середнимъ что̀ стало потомъ село Ундоры, на большомъ врагѣ, у коего съ одной стороны ключь. Въ двухъ верстахъ отъ села Ундоръ и прямо противъ него на востокъ, надъ Волгою, на горѣ по г. Русину—другое укрѣпленіе: въ углу, образуемомъ здѣсь съ одной стороны Черталинскимъ оврагомъ и ключемъ, идущими въ Волгу, или точнѣе Воложку, а съ другой крутымъ берегомъ этой Воложки, проведенъ по прямой между ними линіи валъ и ровъ, длиною на 130 саженъ, ширины $2^1/_2$ саж., высоты 3 арш. Такимъ образомъ и здѣсь мы находимъ городокъ, въ видѣ треугольника, съ одной стороны обезопашенный крутизною Черталинскаго оврага, съ другой такою же крутизною къ Волгѣ, а съ третьей укрѣпленный рвомъ и валомъ. (См. на планѣ подъ буквою В). Этотъ городокъ въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ по отношенію къ нижеслѣдующему описанному тамъ прежде его, какъ замѣчаетъ и г. Русинъ, на-

(1) См. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію, составленное Ад. Олеаріемъ, перев. съ Нѣмецкаго Барсовъ, Москва 1870, стр. 422 423.

(2) Adami Olearii Ausführliche Beschreibung d. kundbaren Reise nach Muskow und Persien, Schleswig 1671, на картѣ ad pag. 340 Delineatio fluminis Wolgae.

(3) Хранящихся въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи отдѣленіе III Вотчинное подъ № 413.

званъ Верхнимъ Ундоровскимъ Городищемъ. Въ двухъ верстахъ отсюда внизъ по Волгѣ, въ Ундоровскихъ же дачахъ, близко берега на горѣ въ полянѣ, между двумя крутыми оврагами, Пустыннымъ и Писцовымъ, сходящимися у берега почти угломъ, проведены два вала съ двумя же рвами (по 6 саженъ ширины, 2 саж. высоты). Эти валы идутъ не прямо, но косвенными линіями отъ того и другаго оврага, по одной 95 саженъ, по другой 108 саженъ, такъ что въ срединѣ ихъ соприкосновенія выходитъ уголъ. Въ этомъ городкѣ поляны 5 десятинъ, а кругомъ лѣсу 4 десятины. (На планѣ см. оный подъ буквою С). Далѣе за означеннымъ Писцовымъ оврагомъ, гдѣ нынѣ деревня Городищи, впереди ея по горѣ опять идетъ отъ этого самаго оврага валъ и ровъ (ширины 6 саженъ, высоты 3 саж.), поворачивая круто въ утесистый берегъ Волги. Здѣсь опять выходитъ городокъ, почти квадратный, величиною почти равняющійся предъидущему и съ двухъ сторонъ обезопашенный крутизнами. (См. на планѣ подъ буквою D). Позади той же деревни Городищи въ 450 саженяхъ отъ предъидущаго передоваго городка, также по горѣ, опять проведенъ валъ и ровъ прямо съ востока на западъ отъ крутизнъ берега Волги въ кручу того же Писцоваго оврага, на протяженіи 470 саженъ. (См. на планѣ букву Е). Площадь между сими двумя укрѣпленіями деревни Городищъ, составляющая трапецію, распахана, и крестьяне, по извѣстію г. Русина, выпахивали здѣсь желѣзные бердыши, топорики, молотки, наконечники стрѣлъ, мѣдныя бляхи (?) отъ конской сбруи и проч. Сверхъ сего отъ этой же деревни Городищъ идетъ валъ къ лѣсу, т. е. на югозападъ къ Мордовской деревнѣ Вышкѣ, и отъ нея черезъ Тетюшскую дорогу лѣсомъ же, потомъ пашнею и наконецъ по низкому мѣсту лугомъ къ деревнѣ Ростокѣ и къ рѣкѣ Свіягѣ, при которой стоитъ деревня, разстояніемъ отъ деревни Городищъ верстъ на пять: валъ шириною 4, а высоты 2 сажени, глубина рва $1^1/_2$ саж. (дер. Растоку см. на картѣ городищъ). О деревнѣ Городищи и укрѣпленіяхъ ея и за ней пишутъ въ своихъ запискахъ Палласъ и Лепехинъ. Первый говоритъ (1): «при сѣверной сторонѣ (оконечности) горъ, называемыхъ Городищенскими, быстротекущая весенняя вода сдѣлала на обѣихъ сторонахъ мысъ, верхняя лощина котораго (разум. Пустынный оврагъ) укрѣплена поперегъ проведеннымъ къ нижней лощинѣ (разум. Писцовый оврагъ) валомъ и рвомъ. Сказываютъ, что сіе укрѣпленіе сдѣлалъ прежде славный разбойникъ Ерасимъ, также какъ приписываютъ ему и другіе малые окопы, которые въ лѣсистой странѣ близь сосѣдственной деревни (чит. села), Ундоры называемой, и понынѣ еще видны (2). На вершинѣ укрѣпленной горы построена нынѣ господская деревня, которая по оному укрѣпленію Городищи называется». О валѣ отъ сей деревни Палласъ говоритъ ниже (стр. 183): «внизу горы, почти въ двухъ (?) верстахъ отъ деревни Городищи проведена съ крутаго подмытаго берега Волги прямая линія къ западу сквозь небольшой лѣсъ, которая, прошедъ мимо отстоящей въ шести (въ трехъ) верстахъ деревни Вышки, кончится при текущей въ девяти (пяти) верстахъ отъ Волги рѣкѣ Свіягѣ, на берегу которой построена тамъ деревня Растока. Но можно ли — справедливо замѣчаетъ теперь Палласъ — и сію линію приписать вышепомянутому разбойнику, или кто

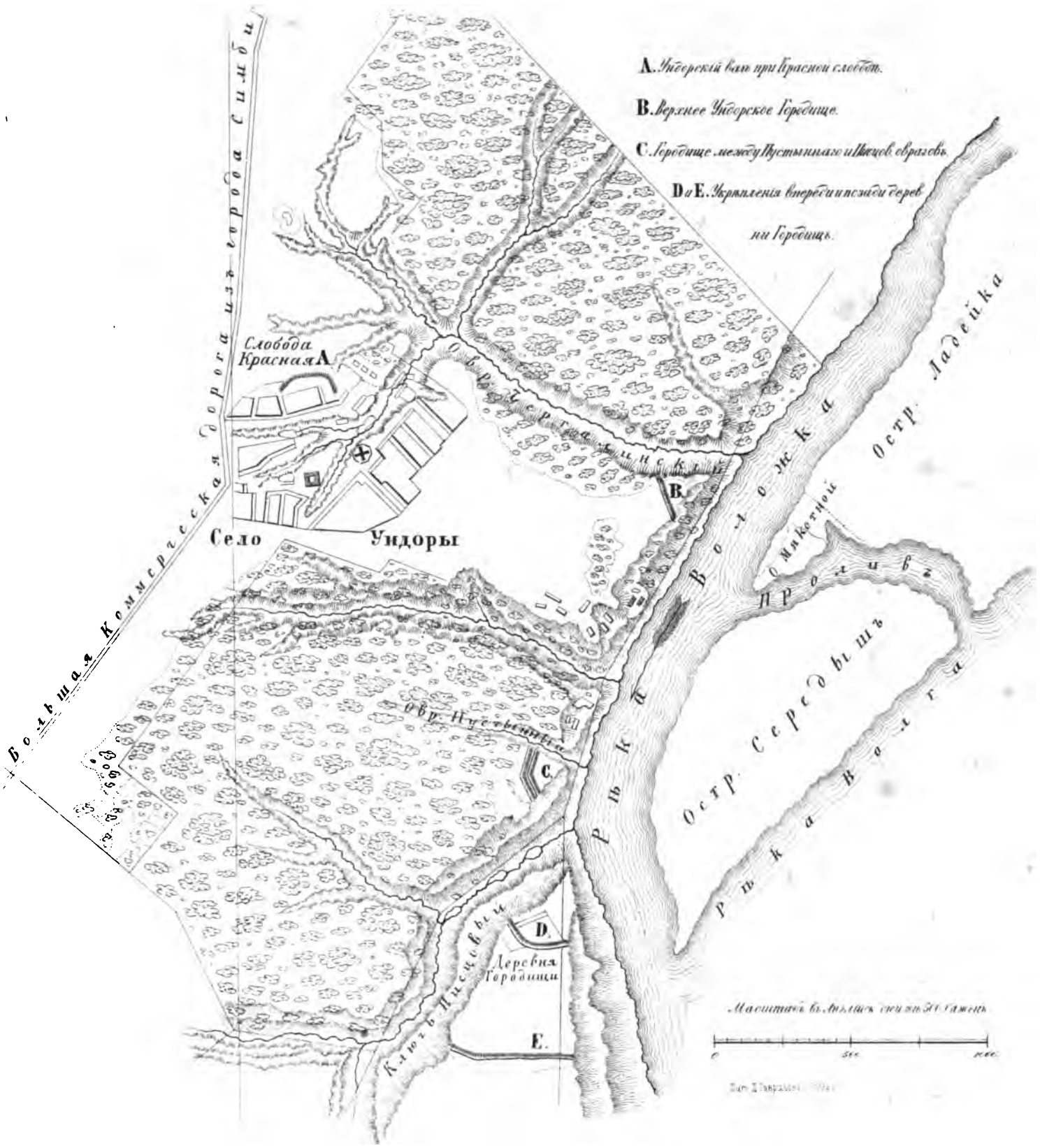
(1) Палласа Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи, ч. I. Спб. 1773, стр. 181.

(2) Преданіе, слышанное, конечно, отъ туземныхъ стариковъ, совершенно ложно. Разбойникъ Герасимъ, какъ мы имѣли случай находить въ старыхъ бумагахъ Симбирскихъ, жилъ при импер. Аннѣ и Елисаветѣ, и можетъ быть здѣсь только укрывался — въ готовыхъ окопахъ.

ПЛАНЪ

къ стр. 548.

Ундорской мѣстности съ городищами.



нибудь другой оную сдѣлалъ, о томъ я ничего заподлинно сказать не могу». Лепехинъ пишетъ (1): «на другой день (28 апрѣля 1769 г.) на разсвѣтѣ мы пріѣхали къ Ундорскимъ горамъ, которыхъ конецъ составляютъ Городищенскія горы, названныя отъ Городища или землянымъ валомъ укрѣпленнаго мѣста, въ окружности около 200 саженъ составляющаго; а когда, кѣмъ и для какой причины сдѣлано сіе укрѣпленіе, неизвѣстно».—Изъ всего вышеписаннаго видно, что деревня Городищи. съ укрѣпленіемъ по ту сторону Писцоваго оврага, какъ видно впослѣдствіи случайно образовавшагося, должно быть значащееся въ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго Старое Ундоровское городище съ поляною. Это, конечно, та самая зеленая прекрасная площадка, на которой по Олеарію находился Татарскій городъ Ундоровскій.

Что касается до проведеннаго отъ деревни Городищъ черезъ Тетюшскую дорогу къ Свіягѣ вала, о коемъ пишетъ Палласъ и подтверждаетъ теперь Русинъ: то оный можно относить также къ *Татарскимъ укрѣпленіямъ*. Потому что въ тѣхъ же Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 1648 г. (л. 363 об.) здѣсь при Свіягѣ, гдѣ нынѣ деревня Ростока, указывается *«деревня новая, Завороткова тожъ,* ставшая на рѣкѣ Свіягѣ, *подлѣ Уланова городка;* подъ самымъ городищемъ Улановымъ считается пашни и дикова поля 170 десятинъ, дубровы 42 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ». Городище это, по вторичному нынѣ осмотру, дѣйствительно оказалось близь деревни Ростоки: позади ея параллельно съ валомъ въ 40 отъ него саженяхъ тянется къ верху къ деревнѣ Вышкѣ на одну версту крутой оврагъ, въ концѣ круто поворотившій и впадшій въ ровъ вала. Названіе: Уланово городище—чисто Татарское: въ Русской исторіи извѣстенъ Татарскій вельможа царевичь Уланъ (2), и близь Казани есть село Карамышъ, Уланово тожъ. Впослѣдствіи этотъ валъ и городище вошли въ составъ новой Тетюшской засѣки (о которой сейчасъ скажемъ).

Въ древнихъ актахъ нерѣдко упоминается *старая Тетюшская засѣка*, т. е. оборонительная линія, состоящая изъ валовъ, заваловъ, сторожей и городковъ. Валъ этотъ, какъ видно, шелъ отъ Тетюшъ къ Свіягѣ и отсюда на западъ по теченію рѣки Карлы, верстахъ въ двухъ и трехъ отъ нея, такъ что верховья рѣки Улемы и рѣки Кильны въ актахъ изъ Казани пишутся за сею старою Тетюшскою засѣкою (3). Иногда эта засѣка называлась старою Карлинскою засѣкою или валомъ (4). О нынѣшнихъ остаткахъ этой засѣки говорится въ Описаніи Симбирской губерніи, сост. полковникомъ Липинскимъ (въ Матеріалахъ для географіи и статистики Росссіи, Спб. 1868, ч. 1 стр. 12) и въ Сборникѣ историч. и статист. матеріаловъ о Симбирской губерніи (изд. Симб. Статистическимъ Комитетомъ, Симбирскъ 1858, с. 112). Тетюшская засѣка или черта эта проведена уже Русскими при Ѳеодорѣ Ивановичѣ или

---

(1) Дневныя Записки путешествія Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, Спб. 1771, стр. 307.

(2) Исторія Гос. Рос. Карамзина (изд. Эйнерлинга) V. 75. 150.

(3) Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи Отдѣленіе III Вотчинное № 618 отводныя и другія книги по Казани съ городами л. 264. 309—о дикомъ полѣ Алекина на р. Улемѣ, л. 354—о дикомъ полѣ на р. Кертели, близь деревни Жуковой, л. 391—о помѣстьѣ Жукова на р. Кильнѣ; тамъ же № 410 переписныя книги по Казани съ городами л. 1375 дозорныя книги землямъ около Тетюшъ 127 г.—о сѣнныхъ покосахъ Кулунчукской Мордвы.

(4) Въ архивѣ Симбирской Гражданской Палаты Грамоты Симбирскія, связка 12 № 602: «во 192 (1684) г. промѣнена земля подлѣ Свіяжской засѣки и подлѣ старого Карлинскаго валу», № 603 о томъ же: «на рѣкѣ на Карлѣ къ старой засѣкѣ, къ валу», № 623: «на глухую башню, которая у Карлинскаго валу».

Борисѣ Годуновѣ (1). Впослѣдствіи южнѣе ея проведена *новая Тетюшская засѣка*, началомъ которой (отъ Волги до Свіяги) служилъ прежній валъ, можетъ быть теперь поновленный, отъ деревни Городищъ до деревни Ростоки, потомъ верстахъ въ пяти отсюда къ ней относилось Мошково городище, гдѣ нынѣ село Алекино, а отсюда за Свіягою черта шла на югозападъ. Городище Мошково на означенномъ мѣстѣ при Свіягѣ значится въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 1648 г. (2); въ 183 (1675) году оно отдано со смежною порозжею землею Григорью да Маркеллу Васильевымъ дѣтямъ Алекина, и здѣсь впослѣдствіи явилось нынѣшнее село Алекино, въ актахъ пишущееся селомъ Рождественскимъ, Алекинымъ, Мошково городище тожъ (3). Въ ввозной грамотѣ 157 (1649) г. Мордвину Безсонку Сатушу, построившему деревню Безсонову (по Подробной картѣ Россійской имперіи верстахъ въ 10-ти отъ села Ундоръ къ сѣверу, см. на картѣ городищъ), мѣсто сей деревни (Безсоновой) означено такъ: «а отъ старой Тетюшской засѣки то мѣсто по старой Самарской (нынѣ Тетюшская) дорогѣ 15 верстъ, а отъ новыя засѣки 10 верстъ» (4). Село Алекино по этой дорогѣ именно отстоитъ отъ дер. Безсоновой въ 10 верстахъ. По этому городища на той и другой засѣкѣ, помянутое Мошково, Куларово близь дер. Пилюгиной на сухомъ Бирючѣ, городище близъ села Кезмина и нѣкоторыя другія, какъ уже позднія Русскія укрѣпленія, не входятъ въ настоящее наше обозрѣніе.

12. Симбирское городище.

Симбирское городище находилось не на правой сторонѣ Волги, гдѣ нынѣ Симбирскъ, а на лѣвой, верстъ 13 ниже нынѣшняго города Симбирска, въ Самарской губерніи, между селами Краснымъ Яромъ и Кайбелою. Въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго уѣзда Ивана Болтина 7111 (1603) года, хранящихся въ Московской Межевой канцеляріи подъ № 332, на л. 55 об. такъ описывается одинъ Татарскій бортной ухожей, данный еще въ 1597 г.: «за князь Яковомъ (новокрещеннымъ) по выписи съ Казанской дачи 105 (1597) года, что̀ было за отцемъ его бортной ухожей и бобровые гоны и рыбные ловли за рѣкою Камою, и по рѣкѣ Волгѣ на Нагайской сторонѣ по Самарской дорогѣ ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ Алтыбаевскій лугъ по рѣчкѣ Уреню по вершинѣ да къ малому бору, а отъ малаго бору по верхней боръ и дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Яръ, повыше Синбирскаго городища». Слѣдовательно самое городище было нѣсколько ниже Краснаго Яра. Дѣти этого новокрещенаго князя Якова Асанова, Казанцы князь Степанъ и князь Якимъ Асановы въ 7189 (1681) году продали Казанцу же Ѳедору Зеленому эту «родовую свою вотчину отъ Маинскова устья по Красной Яръ и по Синбирское городище, рыбные ловли и бобровые гоны и пр.,— и Зеленый, очищая ее отъ постороннихъ вступщиковъ, просилъ изъ Казани выписи

(1) О стереженіи на этой засѣкѣ см. Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губ. стр. 22.

(2) См. въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 413 л. 364 об.

(3) См. Симбирской Гражданской Палаты дѣла апелляціонныя по столу Винокурова связка 1 № 1—4 дѣло о спорной у Карпова съ Ивашевою и Наумовою землѣ по селу Алекину 1826—1836 г., л. 148. 171. 183.

(4) См. эту грамоту въ архивѣ Симбирскаго Уѣзднаго Суда въ дѣлахъ уголовныхъ по описи № 370 л. 9.

на нее изъ писцовыхъ книгъ, каковая и дана ему изъ Казани съ означенныхъ писцовыхъ книгъ Болтина въ тѣхъ самыхъ словахъ о Синбирскомъ городищѣ, которыя мы привели выше (1). Олеарій, ученый Голштинецъ, путешествовавшій по Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 1636 г. и тщательно описавшій видѣнныя имъ мѣстности, плылъ отъ насъ въ Персію Волгою. Въ описаніи сего пути онъ говоритъ, что лежащая на правой сторонѣ Волги Синбирская гора (Simberska gora) получила свое имя отъ преждебывшаго города, разореннаго Тамерланомъ, но на картѣ самую эту гору (Simberska) полагаетъ не на правой, а на лѣвой сторонѣ Волги ниже Ботмы рѣки, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ по писцовымъ книгамъ Болтина значится Синбирское городище. У Олеарія при этомъ слѣдующимъ образомъ очерченъ, можетъ быть, видъ остававшихся еще здѣсь зданій крѣпости (2). Замѣчательно еще, что лѣтъ черезъ 30 послѣ Олеарія, именно въ 1668 г. путешествовавшій по Волгѣ Голландецъ Стрейсъ эту Синбирскую гору прямо указываетъ на лѣвой сторонѣ Волги. Онъ говоритъ: изъ Казани продолжая плаваніе внизъ, прошли мы 23 іюля мимо развалинъ городовъ, разоренныхъ Тамерланомъ, Синбирской горы, лежащей на лѣвомъ берегу Волги, и Арбухима, стоявшаго нѣкогда на горѣ сего имени, 29 прибыли къ горѣ, у которой жители занимались добываніемъ соли (3). Такимъ образомъ подъ именемъ Синбирской горы здѣсь разумѣется лежащая за селомъ Крестовое городище утесистая гора, упирающаяся въ Волгу, о которой говоритъ Палласъ, что на ней было городище—Синбирское (см. ниже); Арбухимъ городъ находился въ такъ называемой отъ него впослѣдствіи Арбугинской волости, близъ города Сингилея (о чемъ см. ниже въ главѣ объ Арбухимскомъ городищѣ). Лежащая за тѣмъ гора, жители коей занимались добываніемъ соли, есть извѣстное нынѣ на правой сторонѣ Волги село Усолье. Въ слѣдъ за Симбирскимъ городищемъ упоминалъ и Олеарій о бывшемъ городѣ Арбухимѣ на горѣ сего имени на правомъ берегу Волги (4). На картѣ Витзена, конца XVII в., но составленной по древнимъ картамъ (Imperii Rossici s. Moscoviae status generalis etc.), какъ Симбирская гора, такъ и городъ показаны на лѣвой сторонѣ Волги, а ранѣе сего у Клювера (Phil. Cluveri Introductio in universam Geographiam) и Витта (Tabulae Russiae vulgo Moscoviae) вмѣсто этого здѣсь или вблизи показана Sepultura celeberrima—знаменитѣйшая могила (5).

Симбирскъ, основанный по Татарской лѣтописи, какъ мы слышали, однимъ знатнымъ Булгарскимъ княземъ, отъ коего и получилъ свое имя, въ древнія времена былъ важный городъ Волжскихъ Болгаръ, главный въ особенной области этого царства, по нему названной Симбирскою. Шерефъ-еддинъ, Булгарскій писатель, жившій въ первой половинѣ XVI в. и написавшій краткую Булгарскую лѣтопись, вотъ что между прочимъ говоритъ въ ней о распространеніи магометанства въ Булгарскомъ царствѣ: «въ аулѣ Терберды-Чалли былъ изъ Булгаръ Идрисъ сынъ Зуль-Мугамме-

---

(1) См. ниже приложенную къ сему отписку изъ архива Симбирской Гражданской Палаты Грамоты Симбирскія № 1002.

(2) Viel vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung von Adam Olearius, Hamburg 1696, S. 189 vgl. zur S. 180 Accurata delineatio flum. Wolgae.

(3) Сѣверный Архивъ 1824 г., Мартъ № 5 Путешествіе Яна Янсена Стрейса по Россіи въ 1668 г.

(4) Ibid. p. 185 см. и карту zur S. 180.

(5) См. о сихъ картахъ Миллера: Ежемѣсячныя сочиненія 1761 стр. 413. 416.

довъ. Онъ отправился въ Яркендъ (1), поступивъ послушникомъ къ шейху Гидаетъ Уллѣ, и 15 лѣтъ учился тамъ магометанскимъ уставамъ и созерцанію (2). Потомъ, послѣ кончины суфія (3) Ишъ-Мугаммеда, Идрисъ сей былъ посланъ на мѣсто его въ городъ Булгаръ, Тубулгу и въ области Уфимскую, Казанскую и Симбирскую (по Татарски Синбиръ), чтобы учить созерцанію». Время этого Идриса-пропагандиста опредѣляется тѣмъ, что учитель его Гидаетъ Улла, какъ говорится выше, самъ былъ послушникъ Ходжи Ахмета Есевія, жившаго по Татарскимъ сказаніямъ во второй половинѣ XIV в. и слывущаго въ средней Азіи однимъ изъ величайшихъ святыхъ, надъ которымъ каменную мечеть въ городѣ Туркестанѣ построилъ самъ Темиръ Аксакъ или извѣстный Тамерланъ. Съ другой стороны, какъ говорится ниже, ученикъ Идриса шейхъ Касимъ, сынъ Ибрагимовъ, былъ изъ *новой* уже Казани и сдѣлался его намѣстникомъ. А новая Казань, какъ извѣстно, образовалась около 1445 г., вмѣсто прежняго города старой Казани (4). По симъ соображеніямъ проповѣдь Идриса въ Симбирской области надобно относить къ началу XV столѣтія. Наши оріенталисты, замѣтимъ мимоходомъ, Сенковскій и Григорьевъ, смѣшиваютъ Симбирскъ съ другимъ знатнымъ городомъ Булгарскимъ Сиваръ, въ коемъ били и монету (5). Объ этомъ Сиварѣ говоритъ Якутъ, что онъ въ отношеніи къ городу Буртасу, лежавшему къ сѣверу отъ земли Хазарской, находился на западѣ и имѣлъ двѣ мечети, простую и соборную (6). Городъ Буртасъ, по сему свидѣтельству Якута, надобно положить въ нынѣшней Саратовской губерніи по правую сторону Волги (въ чемъ согласенъ и г. Сенковскій, ibid.) и Сиваръ прямо противъ него—на западѣ въ той же или Тамбовской, Воронежской губерніяхъ, между тѣмъ Симбирскъ находится совсѣмъ въ другой—сѣверной сторонѣ, что чувствовалъ и самъ Сенковскій. Съ другой стороны, смѣшивать Сиваръ съ Симбирскомъ, допуская, что такъ собственнно назывался Симбирскъ, не позволяетъ прямое названіе его у Шерефъ-еддина Симбирскомъ, а не какимъ нибудь Сиваромъ.

Что древній Булгарскій или Казанскій Симбирскъ существовалъ ниже нынѣшняго Симбирска верстъ 13 на лѣвой сторонѣ Волги близь селъ Крестоваго городища и Кайбелы, на это есть и другія доказательства. И Симбирскъ и Кайбела—имена Татарскія (7). Въ одной изъ грамотъ Симбирской провинціи, хранящихся въ архивѣ Симбирской Гражданской Палаты, связка 5 № 218, данной въ сентябрѣ 190 (1681) года, между прочимъ пишется: «а есть-де въ Синбирскомъ уѣздѣ на луговой сторонѣ ниже Краснаго Яру на рѣчкѣ на Кайбулѣ городище, по обѣ стороны Кайбулы рѣчки до

---

(1) Городъ въ Бухаріи, откуда исходили проповѣдники магометанства.

(2) Религіозному, аскетическому.

(3) Мудреца, монаха мусульманскаго. См. Herbelot Orientalische Bibliothek, Halle 1790, 4 Band S. 272. Sofi.

(4) См. въ Запискахъ Импер. Археолог. Общества т. XIII, Спб. 1859, статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи стр. 277; о новой Казани его же: Изслѣдованіе о Касимовскихъ царяхъ, Спб. 1861, ч. 1. стр. 3—13.

(5) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, т. 7. стр. 420: Буртасы, слич. 304, Библіотека для чтенія т. 19 отд. 3, стр. 20: Волжскіе Булгары, о монетѣ—Описаніе Куфическихъ монетъ, найденвыхъ въ Рязанской губерніи, Григорьева, Спб. 1841, стр. 48. № 39—битъ диргемъ въ Суварѣ 338 (949 по Р. Хр.) года.

(6) Энциклопедич. Лексиконъ тамъ же.

(7) О названіи Симбирска отъ основателя своего—Болгарскаго или Казанскаго князя уже сказано. Кайбела, точнѣе Кайбула, также есть собственное имя лица, какъ видно изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ Ив. Болтина 7111 г. «деревня Исенгили, въ ней татаринъ Кайбула».

Волги рѣки». Въ 1767 году П. Рычковъ въ своей Казанской исторіи писалъ: сверхъ другихъ городищъ недалеко отъ Синбирска на луговой сторонѣ Волги близь села, называемаго Крестовымъ городищемъ, по увѣренію г. генерала-маіора Брахфельта есть знаки бывшихъ тутъ многихъ каменныхъ строеній, земляной валъ и рвы понынѣ еще видимы (1). Въ слѣдъ за Рычковымъ Палласъ въ своемъ Путешествіи по Россіи говоритъ: къ Красному Яру продолжали мы путь свой нáкось по Волгѣ, но какъ по чрезвычайной вышинѣ лѣваго берега въ семъ мѣстѣ подняться на оный невозможно было, то ѣхали (т. е. плыли) мы еще 5 верстъ далѣе до стоящей на низкомъ мѣстѣ деревни Крестовое городище, проименованной по старинному окопу, который въ южной сторонѣ отъ деревни находится на простирающейся вдоль рѣки, а къ сѣверу и востоку утесистой горѣ (2). Городище названо Крестовымъ уже впослѣдствіи Русскими, какъ говорятъ старожилы, отъ крестообразнаго взаимнаго пересѣченія здѣсь двухъ истоковъ Волги. Сіе видно и изъ отводныхъ книгъ Арбугинскимъ крестьянамъ въ 1670 году: «отъ Бѣльскова озера по мірскіе Синбирскіе воды, по прорву и по вышку и по озера и волошки, Застѣнная и Кайбелина, и озера, что подъ Краснымъ Яромъ, и истокъ, что подъ Крестовымъ городищемъ, и тѣ воды имъ отведены» (3). Къ югу за селомъ Крестовое городище доселѣ видѣнъ валъ, и другой отъ востока къ западу, упирающійся обоими концами въ крутояры. Въ 1851 г. не подалеку отъ этого мѣста при селѣ Кайбелѣ рыбаки нашли въ Волгѣ весьма древнюю, хорошей работы, золотую цѣпь съ бляхою, которая, какъ мы достовѣрно знаемъ отъ Симбирскихъ очевидцевъ, украшена была мусіею, зернами и двумя золотыми подвѣсками. Она представлена была покойному Государю Императору Николаю Павловичу,—и Его Величество, наградивъ поднесшаго деньгами и золотыми часами, приказалъ самую цѣпь хранить въ Московской Оружейной Палатѣ, гдѣ она подъ именемъ Булгарской гривны заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между рѣдкостями Палаты. Въ описи Оружейной Палаты, заведенной въ 1836 г., эта цѣпь на л. 115 подъ № 439 записана такъ: «Декабря 31 (1851) Гривна золотая, состоящая изъ четырегранной витой въ видѣ жгута цѣпи, украшенной крупными и мелкими бусами въ видѣ городковъ (4). По ободу у ней (т. е. бляхи) сквозной узоръ (филогранная работа), каковой находится также и съ обѣихъ сторонъ (бляхи, т. е. лицевой и оборотной) въ видѣ полумѣсяца; половина одного ушка (коими бляха прикрѣплялась къ цѣпи) отломлена. Вѣсу въ ней съ цѣпью 1 ф. 10 золотн. Куплена Государемъ Императоромъ у Московскаго купца Дементія Пискарева и по Высочайшему повелѣнію поступила въ Палату 1851 г.». Такъ какъ гривна своимъ достоинствомъ и древностію обратила на себя особенное вниманіе: то нашедшіе ее впослѣдствіи доставили къ ней одну изъ привѣсокъ, совсѣмъ утративъ другую. Эта привѣска въ той же описи на л. 133 записана такъ: «1853 апрѣля 7—Золотая вещица въ видѣ привѣски отъ древней золотой гривны, найденной близь Кайбелы, Самарской губерніи. Поднесена Государю Императору крестьяниномъ Алексѣемъ Комаровымъ». Такая находка, если принадлежала

---

(1) Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ П. Рычкова, Спб. 1767, стр. 22.

(2) П. Палласа Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи, часть 1. Спб. 1773, стр. 213. 214.

(3) Симбирскія Губернскія Вѣдомости 1855 № 40.

(4) Перекупившіе у рыбаковъ эту гривну, думая, что мусія можетъ унизить достоинство золота, къ сожалѣнію, всю ее сколупали. Потому она въ описи и не значится.

близь находящемуся Симбирскому городищу, также свидѣтельствовала о богатствѣ и важности этого мѣста (1).

Что касается до правой стороны Волги, гдѣ нынѣ существуетъ Симбирскъ: то до царствованія Алексія Михайловича мѣсто сіе было покрыто лѣсомъ и составляло Мордовскій бортный ухожей (пчеловодное мѣсто) и бобровые гоны. Въ 1686 г. по сказкѣ деревни Татаровы Кирдяева тожъ (Карсунскаго уѣзда) посопной Мордвы Москатки Туушева съ товарищами «вотчина у нихъ была за валомъ, за рѣкою Свіягою, верховой бортной Сингильской ухожей и бобровые гоны, и рыбные ловли были по Волгѣ и по Чувичинскому острову и по рѣкѣ Свіягѣ (Чувичинскій на Волгѣ островъ находится противъ самаго Симбирска, а городъ расположенъ между рѣкъ Волги и Свіяги). И какъ построенъ городъ Синбирскъ и отъѣзжія слободы, продолжаетъ сказка—и та вотчина запустѣла, дѣльные деревья вырублены и выжжены и ничего дѣльныхъ деревьевъ и бобровыхъ гоновъ нѣтъ и рыбные ловли розданы въ раздачу градскимъ и уѣзднымъ людямъ» (2). Мордва и другіе рыбаки, имѣя на Волгѣ противъ нынѣшняго Симбирска всегда удачный рыбный ловъ, ставили на берегу шалаши, рыбные дворы и хижины, и такимъ образомъ здѣсь подъ горою основалась рыбная слобода. Но на горѣ собственно городъ Симбирскъ началомъ своимъ одолженъ мысли Правительства провесть черту или военную укрѣпленную линію отъ Волги до Суры и далѣе къ прежде устроенной Тамбовской чертѣ для обереженія Русскихъ границъ отъ набѣговъ Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. Первымъ укрѣпленнымъ городомъ и исходнымъ пунктомъ этой черты долженствовалъ быть Симбирскъ, при Волгѣ на высокой и крутой горѣ, Симбирскъ вновь теперь построенный и такъ названный отъ древняго знаменитаго, на другой сторонѣ бывшаго, Синбирскаго городища. Такія переведенія древнихъ разоренныхъ городовъ, смотря по современнымъ обстоятельствамъ и большимъ удобствамъ, на новыя мѣста нерѣдки въ нашей Русской исторіи: вспомнимъ о старой и новой Рязани, о старой и новой Казани и т. д. Городъ Симбирскъ строилъ теперь довольно извѣстный въ XVII в. стольникъ, въ послѣдствіи оружейничій и бояринъ Богданъ Матвѣевичь Хитрово и преемники его въ 1648 и слѣдующихъ годахъ. По чертѣ построены были городки или остроги, обведенные валами: Юшанскъ, Тагай, Уренскъ, городъ Корсунь, малый Карсуновъ или Погорѣлый, Аргашъ, Сурскій острогъ. Но эти собственно Русскія и не древнія укрѣпленія не входятъ въ настоящее обозрѣніе городищъ.

Въ удостовѣреніе сказаннаго нами о мѣстоположеніи Симбирскаго городища, засимъ мы вполнѣ помѣщаемъ вышеозначенную Казанскую отписку о купленной вотчинѣ Ѳеодора Зеленаго.

Отписка Казанскаго воеводы Урусова Симбирскому воеводѣ Головину о вотчинѣ Ѳедора Зеленова, съ выписью о ней изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ.

Господину Матвѣю Алексѣевичу, да дьяку Алексѣю Григорьевичу Петръ Урусовъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ 195 году декабря въ 10 день билъ че-

---

(1) Вообще Татарское населеніе этого и смежныхъ мѣстъ видно и изъ того, что по репорту священника села Кайбелъ въ 1856 г. въ 10-ти верстахъ отъ сего села при рѣчкѣ Колмаюръ примѣтны древнія никому незапамятныя Татарскія кладбища, гдѣ между прочимъ тогда былъ (неизвѣстно, сохранился ли доселѣ) надгробный камень съ Татарскою надписью, такой точно величины (9 четвертей длины и 3 ширины), какъ вышепомянутый Татарскій камень въ оградѣ церкви села Архангельскаго Рѣпьевка тожъ.

(2) Въ архивѣ Симбир. Гражд. палаты Карсунскія писцовыя книги стольника Ив. Вельяминова 7194 г. л. 444.

ломъ Великимъ Государемъ Ѳедоръ Зеленой: въ прошлыхъ-де годѣхъ купилъ онъ у Казанцовъ у князь Степана да у князь Якима Асановыхъ родовую ихъ вотчину отъ Маинскова устья по Красной Яръ и по Синбирское городище рыбные ловли и бобровые гоны и бортной ухожей и сѣнные покосы со всѣми угодьи, и завладѣлъ тою вотчиною Артамонъ Максимовъ сынъ Рѣпьевъ, а называетъ тое ево вотчину Синбирского уѣзду, а не Казанскова. А въ писцовыхъ-де книгахъ во многихъ та вотчина написана за родственники ихъ въ Казанскомъ уѣздѣ, а не въ Синбирскомъ, и Великіе Государи пожаловали бы ево, велѣли послать въ Синбирскъ къ вамъ для вѣдома съ писцовыхъ книгъ отписку, что та вотчина Казанского уѣзду. А въ писцовыхъ книгахъ Ивана Болтина прошлаго 111 (1603) году написано: въ Казанскомъ уѣздѣ за князь Яковомъ Асановымъ по выписи съ Казанскія дачи 105 (1597) году, что было за отцемъ ево бортной ухожей и бобровые гоны и рыбные ловли за рѣкою за Камою по рѣкѣ по Волгѣ и на Нагайской сторонѣ по Самарской дорогѣ ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ Аттабаевской лугъ по рѣчкѣ по Уреню по вершину да къ малому бору, а отъ малаго бору по верхній боръ и по дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Яръ повыше Синбирскаго городища, а верхняя межа по Майнѣ рѣкѣ по нижнюю (т. е. по лѣвую) сторону вверхъ, и по тѣмъ урочищамъ бобровые гоны и рыбными ловлями и сѣнными покосами владѣетъ самъ князь Яковъ, рыбу ловятъ и бобры гонятъ на него его князь Яковлевы люди. А въ писцовыхъ книгахъ Семена Волынскаго съ товарищи прошлыхъ 156 и 157 и 158 и 159 и 160 и 161 годовъ та вотчина написана за князь Иваномъ да за князь Степаномъ Яковлевыми дѣтьми Асанова въ Казанскомъ же уѣздѣ. А въ купчей, какову дали Ѳедору Зеленому князь Степанъ да князь Якимъ Асановы въ прошломъ 189 году написано: продали они въ Казани Ѳедору Зеленому свою родовую вотчину рыбные ловли и бобровые гоны и бортной ухожей и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи противъ жалованой грамоты, какова дана прадѣдамъ и дѣдамъ и отцамъ ихъ, и та-де ихъ вотчина по Волгѣ рѣкѣ на луговой сторонѣ верхняя межа Маинское устье, а нижняя межа Красной Яръ, что ниже Синбирска (¹) по Волгу рѣку и по Самарскую большую дорогу съ Ботмою и съ Уренемъ рѣчками съ верхней и съ нижней межъ, съ истоки и съ протоки и съ озеры, которые въ тѣхъ межахъ, которая вотчина вопче съ дядею ихъ съ князь Степаномъ и съ сыномъ ево князь Петромъ, да съ братьями съ князь Григорьемъ Микитинымъ сыномъ да князь Яковомъ Павловымъ сыномъ Асановыми. И вамъ бы о той вотчинѣ противъ челобитья Ѳедора Зеленова учинить по указу Великихъ Государей.

(Изъ архива Симбирской Гражданской палаты, Грамоты Симбирскія № 1002).

13. Арбухимское и другія городища.

На слѣдующій день, какъ Олеарій проплылъ мимо Симбирскаго городища (Simberska gora), 22 августа, пишетъ онъ, «мы переплыли черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ (Arbuchim), лежащей на правомъ берегу

(¹) т. е. нынѣшняго города на правой сторонѣ Волги.

(Волги). Гора эта удержала имя свое отъ города, который когда-то находился на ней». Это было писано въ 1636 году. Тоже писалъ въ 1668 г. другой путешественникъ Голландецъ Стрейсъ: «изъ Казани продолжая плаваніе внизъ (по Волгѣ) прошли мы 23 іюня мимо развалинъ городовъ, разоренныхъ Тамерланомъ, — Симбирской горы (см. выше), и Арбухима, стоявшаго нѣкогда на горѣ сего имени» (1). Переводчикъ послѣдняго путешествія напрасно считаетъ Арбухимъ за упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ Бряхимовъ. Онъ находился въ извѣстной по актамъ XVII в. Арбугинской волости, лежавшей по Волгѣ ниже нынѣшняго Симбирска на правой ея сторонѣ и состоявшей изъ селъ Панскаго, Кріуши, Шиловки, Тушны и Ключищъ (см. приложенную при семъ карту городищъ). Арбугины горы значатся уже въ одной грамотѣ 1631 года (2), данной Тетюшскому Покровскому монастырю «на монастырскія воды—на озеро Бѣлое по конецъ Арбугиныхъ горъ на луговой сторонѣ (Волги) противъ Косломскаго яру, да на горахъ озеро Торопово, озеро Подгорное, озеро Княинка... да двѣ волошки Щучья и Кріуша» (3). Эти Арбугинскія горы, безъ сомнѣнія, суть выдающіяся по берегу Волги массы Тушнинскихъ и Шиловскихъ горъ. Высшая точка ихъ, такъ называемая Шиловская Шишка, выдвигается высокимъ конусомъ, имѣя надъ Волгою до 85 саженъ высоты (4). Въ 7173 (1665) году по указу царя Алексія Михайловича заведена здѣсь, на Арбугинскихъ поляхъ, десятинная пашня и построены на тѣхъ пашенныхъ поляхъ дворцовые волостные бѣглые крестьяне (5). Въ переписныхъ книгахъ Семена Нестерова 7186 (1678) г. эту Арбугинскую волость, имѣвшую свое особенное управленіе, составляли вышепом. пять слободъ: Кременская, Шиловская и др., въ коихъ оказалось 333 двора крестьянскихъ и 266 бобыльскихъ; они пахали на Великаго Государя по 130 десятинъ въ полѣ, а вдву потомужъ (6). Соображая теперь слова Олеарія о городѣ Арбухимѣ, стоявшемъ на горѣ сего имени, мы должны принять, что онъ стоялъ на мѣстѣ городища близь села Кріушъ, въ 30 верстахъ отъ Симбирска и въ 20 отъ Сингилея, на берегу Волги (7). Вотъ что благосклонно писалъ намъ объ этомъ городищѣ о. благочинный и протоіерей гор. Сингилея К. С. Базилевскій въ прошломъ 1870 г.: «близь Кріушъ на высокомъ утесѣ, по извѣстію ко мнѣ священника сего села, еще и теперь видны развалины городка, на берегу рѣки Арбужки, впадающей въ Тушонку. Крестьяне разсказывали ему (священнику), что на этомъ городкѣ находили прежде много металлическихъ вещей, относящихся къ оружію, украшенію женщинъ и лошадей, а также вырывали и выпахивали на этомъ мѣстѣ много глиняныхъ вещей, но ничего этого не сохранено по ихъ невѣжеству. Въ этомъ городкѣ недавно найдены и древнія, мѣдныя и серебряныя монеты, круглыя съ Татарскою надписью и *треугольныя*, нѣсколько изъ нихъ отправлено въ Моск. Археологическое Общество. Если тамъ покопать, при-

---

(1) См. въ Сѣверномъ архивѣ 1824 года, Мартъ № 5. Путешествіе Яна Янсена Стрейса по Россіи въ 1668 году.

(2) Въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи Отдѣленіе I старыхъ дѣлъ въ грамотахъ по Казани съ городами № 49.

(3) Слич. Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губ. стр. 96.

(4) См. Описаніе Симбирской губерніи полковника Липинскаго ч. I. стр. 68.

(5) См. въ архивѣ Симб. уѣзднаго суда по описи дѣлъ уголовныхъ N 25 стр. 116 грамоту о неотдаваніи Арбугинскихъ крестьянъ прежнимъ ихъ помѣщикамъ 7199 г.

(6) См. въ архивѣ Симб. Гражданской палаты отказныя книги Симбирскія 186 г. № 1070.

(7) Слич. Липинскаго I, 101: болѣе мелкія мѣста по фарватеру Волги встрѣчаются ниже Симбирска отъ Кріушъ до Бехтяшки, гдѣ при различныхъ переходахъ глубина бываетъ отъ 8 до 20 футовъ.

бавляетъ уже отъ себя о. протоіерей, то можетъ быть и теперь что нибудь найдется». Помянутыя серебряныя монеты дѣйствительно получены предсѣдателемъ Моск. Археологическаго Общества гр. А. С. Уваровымъ и оказались Татарскими. На мѣстѣ нынѣшней Кріуши показанъ Арбухимъ у самого Олеарія въ Нѣмецкомъ изданіи (Schleswig 1671 p. 340 Delineatio fluminis Wolgae). Къ сожалѣнію дальнѣйшихъ свѣденій объ этомъ городищѣ мы не могли пріобрѣсть (1). Въ слѣдъ за приведенными словами о гор. Арбухимѣ Олеарій сообщаетъ слѣд. куріозное, но и загадочное извѣстіе: здѣсь съ рѣки (Волги) видѣнъ выдающійся на берегу, между двухъ холмовъ, большой камень, длиною въ 10 локтей, а вышиною нѣсколько ниже. На одной сторонѣ этого камня высѣчена слѣдующая подпись (Олеарій приводитъ ее сперва по Славянски и Славянскими буквами, а потомъ то же самое Латинскими, и къ этому приставляетъ свой Нѣмецкій переводъ):

Бꙋдеш ти ма добро тобѣ бꙋдет.
Budesch ti mae dobro tobae budet.
Hiebstu mich auff, so wird dirs gut seyn.

т. е. *поднимешь* ты мя, добро тебѣ будетъ. Переводъ этотъ, совершенно идущій къ дѣлу, показываетъ, что въ приведенной Олеаріемъ по Славянски подписи первое слово: подъялъ или тому подобное пропущено, или вмѣсто бꙋдеш нужно читать поꙗмеш. Однажды Русскій стругъ, продолжаетъ Олеарій, долженъ былъ стать на этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, — и 50 человѣкъ, прочитавши надпись на камнѣ, и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ничего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня:

Чсто ищеш нечебо положѣ.
Tsto isches netzebo polosschen.
Was suchestu? ist doch nichts hingeleget.

т. е. что ищешъ ты? ничего не положено.—По сказанію Геродота (2) Семирамида, Ассирійская царица, на своей гробницѣ приказала высѣчь слѣдующую надпись: «если кто изъ царей Вавилонскихъ нуждается въ деньгахъ: то, открывши гробницу сію, получитъ тамъ то, чего желаетъ». Прочитавъ эту надпись, Дарій Истаспъ Персидскій открылъ гробницу, но вмѣсто денегъ нашелъ тамъ другую подпись: «если бы ты не былъ ненасытно жаднымъ до денегъ и гнуснымъ корыстолюбцемъ: то не раскрывалъ бы гробницы мертвыхъ». Русскіе въ XVII в. или ранѣе могли знать это сказаніе изъ хронографовъ, такъ называемой книги Пчелы или другихъ сборниковъ, и потому означенная шутка была подражаніемъ сего, хотя не удивительно принять ее и за оригинальную выдумку Русскую. Шутка эта указываетъ на то, что на этомъ мѣстѣ дѣйствительно было городище, привлекавшее кладоискателей.

Вообще въ этой мѣстности, т. е. въ означенной Арбугинской волости, около Сингилея, замѣчаетъ Олеарій (стр. 425), тамъ и сямъ виднѣются признаки и слѣды бывшихъ когда-то тутъ городовъ и селъ, которые всѣ были разрушены и опустошены

(1) Во время печатанія сей статьи полученное дополненіе см. въ концѣ, въ прибавленіи къ ней.
(2) Hist. lib. 1 cap. 34.

нашествіемъ Тамерлана. Дѣйствительно, преданіе и остатки указываютъ здѣсь и другія еще городища, сколько мы могли узнать.

Верстахъ въ 10 отъ Кріушинскаго городища на юговостокъ и верстахъ въ 7 отъ города Сингилея на западъ между рѣчекъ Тушнинки и Сингилейки также есть слывущій въ народѣ *Городокъ* (см. оный на картѣ городищъ). Онъ, какъ древній, значится и въ актахъ XVII в. Въ 1679 г. станичные казаки Сингилеевской слободы (нынѣ городъ Сингилей) въ челобитной своей писали: въ прошлюмъ 174 (1666) году дана имъ изъ Казани земля и сѣнные покосы противъ Бѣлаго Яра (нынѣ пригородъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.) на нагорной сторонѣ (Волги), по рѣчкѣ Сингилейкѣ съ вершинъ (ея) до Волги рѣки, и на той-де землѣ были они небольшое время. И какъ былъ въ Синбирску воеводою князь Иванъ Дашковъ (1665—1669 г.), съ той земли перевелъ ихъ отъ Башкирскаго разоренія жить на порозжую землю *для крѣпости* (ближе) къ Волгѣ рѣкѣ *на городище промежъ Тушны и Сингилейки»* (1). Ясно, что это укрѣпленіе, названное въ актѣ городищемъ, существовало задолго до перевода на оное станичныхъ казаковъ и, по всей вѣроятности, было построено Татарами, а не Русскими. Преданіе, доселѣ живое, представляетъ оное жилищемъ какого-то князя Кудеяра. Кудеяръ или Кудояръ—имя Татарское, и у насъ въ дѣлахъ Крымскихъ довольно извѣстенъ мурза и князь Кудеяръ (2). Съ другой стороны и названіе Сингилей также звучитъ по-татарски. И объ этомъ городищѣ, въ какомъ оно теперь положеніи, мы имѣемъ лишь скудныя свѣдѣнія. Г. Масленицкій, въ 1783 г. составившій Топографическое описаніе Симбирской губерніи (3), въ статьѣ о городѣ Сингилеѣ (№ 21), гдѣ прежде жили для наблюденія и охраненія края станичные казаки, говоритъ о нашемъ городищѣ: «знаки старинныхъ крѣпостныхъ строеній и деревянная дубовая башня видны еще и понынѣ въ 6 верстахъ отъ Сингилея на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ стремниною, называемою Широкій оврагъ». О. протоіерей К. С. Базилевскій, обѣщавшись впослѣдствіи лично осмотрѣть и описать это городище, на первый разъ писалъ мнѣ: «въ лѣсныхъ дачахъ верстахъ въ 8 отъ Сингилея есть мѣстность, именуемая Городки, гдѣ и самъ я бывалъ еще въ отроческомъ возрастѣ и смутно помню, что это мѣсто представляло какъ бы развалины древнихъ жилищъ и укрѣпленій, а въ народѣ есть легенда, что здѣсь жили давно Татары и существовалъ ихъ городъ. Разсказываютъ, будто на этомъ мѣстѣ есть подземные ходы, и въ нихъ когда-то видѣли бочки, висящія на цѣпяхъ. Князя этого города звали Кудеяромъ». Священникъ села Тушны Ив. Остроумовъ въ письмѣ стороною замѣтилъ объ этомъ городищѣ, что въ немъ кромѣ окоповъ хорошо и теперь замѣтны остатки каменныхъ строеній, въ самыхъ окопахъ выросъ большой величины лѣсъ,—и за тѣмъ о висящихъ съ деньгами бочкахъ, привлекающихъ кладоискателей, и о князѣ Кудеярѣ то же, что и выше. Городище со стороны Волги ограждено двумя валами и рвами (длиною каждый верстъ на 15-ть) между тѣми же рѣчками Сингилейкой и Тушонкой, у Сингилея впадающими въ Волгу. Валы эти теперь большею частію распаханы; по большой дорогѣ изъ Сингилея въ

(1) Въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты Грамоты Симбирскія № 721 и отводныя книги № 1082 и № 355 стр. 76. Актъ отпечатанъ, но съ ошибками, въ Матеріалахъ для исторіи и статистики Симбирской губерніи, изд. Симб. Статистическимъ Комитетомъ, Вып. 2, Симбирскъ 1866, стр. 24.

(2) Карамз. Ист. Гос. Рос. VII, 18. 19, прим. 105. 141. 143. 178.

(3) Отпечатано въ Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г. № 5 и слѣд.

Симбирскъ ихъ нужно переѣзжать. По замѣчанію полк. Липинскаго (въ Описаніи Симбирской губ. 2, 736) вообще по берегу Волги между Симбирскомъ и Сингилеемъ и внутри страны въ дачахъ села Шиловки, при послѣднемъ измѣреніи лѣсовъ удѣльныхъ имѣній, найдено нѣсколько городковъ.

Въ этихъ же мѣстахъ, въ горахъ, изъ коихъ беретъ свое начало рѣчка Тушонка, между нынѣшнихъ селъ Солдатской и Ясашной Ташлы (см. карту городищъ) Татищевъ (1) по дошедшему до него извѣстію указываетъ развалины, какъ онъ полагаетъ, города Ташлы, о которомъ будто бы упоминаютъ лѣтописи. Но мы не имѣемъ свѣдѣній, есть ли тутъ какія развалины.

На югъ отъ Сингилея къ селенію Елауръ (см. карту городищъ), по письму того же о. прот. Базилевскаго, находятся три кургана: первый на 6-й верстѣ въ лѣсу, близь дороги въ 200 саженяхъ въ правой рукѣ съ дороги къ западу, второй на 8-й верстѣ, близь дороги, третій на 16-й верстѣ на правой рукѣ. Эти и нѣкоторые другіе смежные курганы подъ туземнымъ именемъ *маровъ* значатся въ Межевыхъ книгахъ земель кн. Меншикова 1710 г. (2) л. 175, далѣе на л. 185 объяснено, что Чуваши и Татары маромъ называютъ большіе бугры, и именно одинъ изъ нихъ былъ длиною 27 саженъ, а шириною 8 саж., на л. 118 маръ между селомъ Бехтяшкой и (Татарской) деревней Тукіпумомъ названъ курганомъ. Въ прошедшемъ 1870 году на этихъ мѣстахъ, въ 14 верстахъ отъ Сингилея, близь деревни Елауръ пахавшимъ землю крестьяниномъ найденъ стальной кругъ, съ одной стороны гладкій и хорошо отполированный, а съ другой имѣющій изображенія рыбъ и какихъ-то химерическихъ животныхъ. Часть этого круга, изломаннаго и обезображеннаго еще на мѣстѣ, препровождена о. прот. К. С. Базилевскимъ въ Московское Археологическое Общество,—и по ней кругъ, очевидно, составлялъ употребляемое на Востокѣ и у здѣшнихъ Болгаровъ и Казанскихъ Татаръ зеркало и въ діаметрѣ имѣлъ вершка $2^1/_2$ или менѣе. Въ нашемъ собственно владѣніи есть зеркало изъ такого точно стальнаго кружка (только поменьше) съ одной стороны гладкаго, а съ другой съ изображеніями рыбъ. Найдено на противоположной сторонѣ за Волгою близь Черемшана, гдѣ процвѣтало какъ Булгарское, такъ и Казанское царство.

14—15 Городища на рр. Бушуйкѣ и Черемшанѣ,

съ нѣкоторыми другими.

Прямо противъ города Сингилея на другой, лѣвой сторонѣ Волги лежитъ пригородъ Бѣлый Яръ (Самарской губ., Ставропольскаго уѣзда); внизъ по Волгѣ въ семи отъ него верстахъ впадаетъ въ эту рѣку небольшая рѣчка Бушуйка, а за нею (въ десяти верстахъ отъ Бѣлаго Яра) рѣка большой Черемшанъ. По теченію той и другой рѣки были Татарскія городища.

---

(1) Исторія Россійская, Москва 1768, кн. 1 стр. 351 и кн. 3 стр. 515 прим. 606.

(2) Хранятся въ Московскомъ Вотчинномъ архивѣ подъ № 405 и въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты подъ № 6. Въ слѣдующей и дальнѣйшихъ выпискахъ мы будемъ цитовать по первому списку.

Въ помянутыхъ Межевыхъ книгахъ Ив. Лосева вотчинамъ бывшаго князя Менщикова въ Казанскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ 1710 г. (1) л. 194 пишется: (межа начинается) «отъ рѣки Волги отъ устья рѣчки Бушуйки вверхъ по ней 900 саженъ, отъ рѣчки вправо подлѣ угору, по заливъ вѣшней воды, до граннаго дуба 300 саж., (рѣчка Бушуйка отъ него въ правой сторонѣ, а озеро Чертаны впереди въ лѣвой сторонѣ въ 39 саж.), отъ того дуба подлѣ тогожъ угору до другаго дуба (что на угоркѣ противъ озерка съ лѣвой стороны въ 22 саж.) 674 саж., отсюда прямо по томужъ угору и увалу до осокори (что отъ Камышева озера въ 10 саж.) 324 саж., отъ осокори по томужъ увалу прямо подлѣ Камышова озера до осокоржъ 195 саж., отселѣ прямо по томужъ увалу 217 саж. поставленъ столбъ съ гранью, а отъ того столба прямо по томужъ увалу *до Татарскова городища* (что отъ межника въ лѣвой сторонѣ въ 18 саженяхъ) 265 саженъ, да по томужъ увалу прямо мимо того Татарского городища до граннаго дуба и ямъ межеванья стольника Петра Бестужева-Рюмина, который написанъ *у другова Татарскова городища* у валу во рву, 258 саж., на *валу* отъ дуба немного влѣво старая яма подновлена, а то городище на берегу рѣки старой Бушуйки въ лѣвой сторонѣ, а отъ того дуба и ямъ *черезъ валы того городища* подлѣ рѣчки Бушуйки до Бѣлоярской дороги въ степь 130 саженъ»... Мы съ намѣреніемъ буквально выписали все это мѣсто, дабы дать возможность найти по признакамъ эти два (или одно и тоже) Татарскія городища, потому что сами, при всѣхъ стараніяхъ, добиться таковыхъ свѣдѣній не могли, и только приблизительно поставили это городище на нашей картѣ городищъ. Далѣе въ тѣхъ же переписныхъ книгахъ л. 215 и слѣд. пишется, что въ 1706 году по указу Великаго Государя изъ Казанской Губернской канцеляріи въ Черемшанской волости (т. е. на рѣкѣ большомъ Черемшанѣ) поселены села Никольское Черемшанъ тожъ на р. Черемшанѣ, Богородское Грязнуха тожъ, на рѣчкѣ Грязнухѣ, *Архангельское Городище тожъ* на рѣкѣ Черемшанѣ и рѣчкѣ Городищѣ и еще нѣкоторыя другія. Изъ нихъ село Архангельское (верстахъ въ 25 отъ Бѣлояра на СВ. за р. Черемшаномъ, Самар. губ. Ставроп. уѣзда; см. на картѣ городищъ) названо Городищемъ по остаткамъ бывшаго здѣсь, конечно, Татарскаго городища. «Въ семи верстахъ отъ деревни Бирля, говоритъ объ этомъ мѣстѣ Лепехинъ (2), находится село Городище, котораго наименованіе происходитъ отъ остатковъ землянымъ валомъ обведеннаго небольшаго пространства, на подобіе крѣпостцы; а кѣмъ и для какой причины сдѣлано сіе укрѣпленіе, спровѣдать не могли». Тоже пишетъ и Палласъ (3): «на южной сторонѣ (отъ села Никольскаго на Черемшанѣ), находится деревня Городище называемая, при которой видны еще нарочито высокіе остатки крѣпкаго и какъ то сказываютъ Татарскаго шанца на самомъ берегу Черемшана находившагося; и такъ думать должно, что оная деревня по немъ проименована».

Въ 1652 г. сдѣлана такъ называемая Закамская черта или оборонительная линія съ городами, острогами и всякими засѣчными, земляными и деревянными крѣпостями отъ рѣки Волги до р. Ика и до Камы, въ которую впадаетъ Икъ. По этой чертѣ, опредѣляющей самое ея направленіе (см. карту городищъ), построены были

(1) Въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 и въ архивѣ Симб. Гражд. палаты № 6.
(2) Дневныя Записки, Спб. 1771, стр. 241.
(3) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. имперіи, Спб. 1773, ч. I. стр. 179.

тогда при Волгѣ городъ (нынѣ пригородъ) вышепомянутый Бѣлой Яръ, Ярыклинской и потомъ Тіинской остроги (нынѣ оба пригорода Самарской губ.), Новошешминской и Кечевской остроги и городъ Заинскъ (всѣ три Казанской губ.), наконецъ Мензелинскій острогъ на р. Икѣ (нынѣ городъ Уфимской губ.) (1). Черта эта съ ея укрѣпленіями къ нашему дѣлу не относится. Но для насъ важно слѣдующее мѣсто изъ строильныхъ книгъ ея: «а отъ тое валежные засѣки (по прямому направленію изъ Тіинскаго острога къ Новошешминскому въ 43 верстахъ отъ малаго Черемшана и верстахъ въ 20 отъ пригорода Билярска къ ЮВ.) дѣланъ валъ на верстѣ и 848 саженяхъ, въ вышину и съ обламы двѣ сажени, поперегъ тожъ, и въ томъ числѣ на 500 саженяхъ рублены тарасы въ вышину и съ обламы по полуторѣ сажени, для того, что *дѣланы по старому Татарскому валу*. Въ этомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Шербень стоитъ деревня *Шербень* (2). Г. Артемьевъ дѣйствительно указываетъ здѣсь доселѣ видное древнее городище (3). Около этихъ же мѣстъ въ вершинахъ рѣчки Мурасы въ Актахъ у Мельникова указывается старое (Татарское) городище (4).

16—20. Городища на Самарской Лукѣ близь селеній Усолья, Валовъ и Шелехмети, между Переволокой и Печерскимъ и Костычевское.

Самарская Лука въ юговосточной оконечности Симб. губерніи, состоящая изъ кряжа горъ, омываемыхъ Волгою, есть замѣчательнѣйшая мѣстность въ Россійскомъ государствѣ. (См. карту городищъ). Доселѣ Волга стремительно текла съ сѣвера на югъ, но здѣсь встрѣтила она выступившій поперегъ ей громадный оплотъ горъ, должна была уступить исполину, обогнула его на востокъ, давъ крюку верстъ на 200 (тогда какъ по прямому направленію чрезъ эти горы въ иныхъ мѣстахъ считается отъ 25 до 30 верстъ), и за тѣмъ потекла опять прямо на югъ до Каспійскаго моря. По этой самой излучинѣ Волги, въ вершинѣ коей стоитъ городъ Самара, вся мѣстность называется Самарскою Лукою. Мѣстность эта сколько поражаетъ своею возвышенностію, столько же дикостію и живописностію своихъ видовъ, и напоминаетъ собою и нашъ Крымъ и Кавказъ и Швейцарію Запада (5). Весьма она замѣчательна и въ геологическомъ отношеніи, и потому издавна привлекала къ себѣ ученыхъ и естествоиспытателей какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ. Горы съ сѣверной и восточной стороны почти обрывомъ или стѣною, поросшею однако лѣсомъ или кустарникомъ, упираются въ Волгу, и голые верхи ихъ, конусообразные, часто увѣнчанные дикими скалами, возвышаются надъ уровнемъ Волги—Усольская Вышка до 100 саженъ, Дѣвичій Курганъ и Два Брата до 110 саженъ, Лысая Гора до 120 саженъ. Южная сторона вообще имѣетъ отлогости къ Волгѣ, исключая Печерскихъ и Костычевскихъ горъ, однако не столь высокихъ и крутыхъ, какъ сѣверныя. Центръ или

(1) См. строильныя книги этой черты въ Моск. Вотчинномъ архивѣ подъ № 410 въ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго л. 521 об. и слѣд.

(2) См. ее на Подробной картѣ Росс. имперіи, изд. при Импер. депо, и на нашей картѣ городищъ.

(3) См. въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1851 г., Январь, кн. I. стр. 57. статью его: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ.

(4) Мельникова Акты ист. и юрид. по Казанской губ., стр. 97.

(5) Спутники Олеарія въ стихахъ изливали къ ней восторженныя свои чувства.

площадь горъ отличается холмами и многими глубокими оврагами, лощинами и буераками, идущими въ Волгу; сѣверная половина ея покрыта лѣсами (1). Таковая мѣстность представляла много удобствъ для безопасности, огражденія и укрѣпленія жилищъ, а съ другой стороны привлекала всякую вольницу, бѣглыхъ и голытьбу, которые и безопасно могли здѣсь укрываться, и въ тоже время наблюдать и грабить идущія по Волгѣ суда.

Сколько намъ извѣстно изъ указаній въ актахъ, преданія и памятниковъ, первоначально здѣсь жили и имѣли укрѣпленія или городки Татары Ногайскіе или вѣрнѣе Казанскаго царства. Памятниковъ Татарскаго владычества довольно встрѣчается на Самарской Лукѣ, и оное показываютъ также доселѣ сохранившіяся названія урочищъ Ногайскаго Брода на рѣкѣ Усѣ выше селенія Шигонъ, и Ногайскаго Ключа въ дачахъ села Куськина, и впадающая въ Усу рѣка Иштерекъ (такъ по древнимъ актамъ, Русскими впослѣдствіи передѣланная въ Тишерекъ)—отъ Татарскаго собственнаго имени. Урочища сіи пишутся на означенныхъ мѣстахъ и въ межевыхъ книгахъ земляхъ кн. Менщикова (2). Во владѣной выписи, данной 1690 г. Мордвѣ деревни Бахиловки на бортные ухожья противъ деревни Марквашъ, значилась жалованная ей на нихъ грамота Казанскаго хана Сафая 6858 (1350) года и царя Бориса Годунова 7108 (1600) г. (3). Хотя въ показаніи года или имени хана могла быть ошибка, однако эта грамота въ всякомъ случаѣ показываетъ бывшую зависимость Самарской Луки отъ Казанскихъ властителей (4). Соображенія по лѣтописямъ, что Казанское царство простиралось до Самары, см. въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества кн. VI Спб. 1852 г.: Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX—XII столѣтіяхъ стр. 231—232. Русскіе появились и укрѣпились здѣсь, по всей вѣроятности, во второй половинѣ XVI в., когда покорено было царство Астраханское,—и первое Русское поселеніе, заведенное здѣсь для соленыхъ промысловъ именитыми людьми Строгановыми, было нынѣшнее Усолье—въ началѣ Самарской Луки (см. на картѣ городищъ Надѣино Усолье). Это былъ укрѣпленный городокъ сперва внизу при Волгѣ, а потомъ перенесенный на нынѣшнее мѣсто на горѣ. Олеарій говоритъ о немъ (5): «25 августа прибыли мы къ одной соленой горѣ (Salzberge), гдѣ находятся хижины Русскихъ, въ которыхъ они варятъ соль, добываемую ими изъ лежащихъ вокругъ соляныхъ копей. Соль эту, обращенную дѣйствіемъ солнечной теплоты въ куски и высушиваемую, Русскіе отправляютъ по Волгѣ вверхъ и въ Москву въ громадномъ количествѣ (6)». Съ покореніемъ Казани и Астрахани и водвореніемъ Русскихъ на Самар. Лукѣ, жив-

---

(1) Сличч. Ляпинскаго Описаніе Симбирской губерніи ч. I, стр. 68—74.

(2) См. въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 9 и слѣд. Самыя селенія и рѣку см. на картѣ городищъ.

(3) См. вышепом. межевыя книги Ив. Лосева 1710 г. землямъ князя Менщикова въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 339 и слѣд.

(4) Если не въ подтвержденіе грамоты, то хотя въ поясненіе замѣтимъ, что по Казанской исторіи начало Казани относится еще къ XIII в., какъ представляетъ и Житіе Ѳеодора Яросл., а лѣтописи упоминаютъ о ней съ 1376 г. (Карамз. Истор. Госуд. Росс. изд. Ейнерлинга т. IV, 70. V, 25).

(5) Въ Рус. переводѣ Барсова, стр. 426.

(6) Въ извѣстіяхъ объ этомъ Усольѣ и нѣкоторыхъ другихъ мы слѣдуемъ рукописной и отчасти изданной въ Симб. Губ. Вѣдомостяхъ 1856 № 1—5 Исторіи Усолья, тщательно составленной по документамъ, преданіямъ и памятникамъ мѣстнимъ о. протоіереемъ Сергіемъ Мих. Преображенскимъ. Означенное Усолье производитъ онъ отъ именитыхъ людей Строгановыхъ, кромѣ преданія, на основаніи словъ Строгановской лѣтописи, приведенныхъ у Карамзина Ист. Гос. Рос. т. IX, прим. 704 «государь за ихъ (Строгановыхъ) службу и радѣнье пожаловалъ городы Солью Большею, *иже есть на Волгѣ*, и Солью Малою».

шіе грабежемъ и набѣгами Татары должны были оставить ее и перейти въ степи за Волгу и другія мѣста, такъ что нынѣ здѣсь не осталось ни одного Татарскаго селенія. Съ того же XVI в. это мѣсто является притономъ всякой вольности и разбойниковъ. Здѣсь, по преданію, имѣлъ свое пребываніе славный разбойничій атаманъ, впослѣдствіи покоритель Сибири Ермакъ Тимоѳѣевичъ съ своею шайкою,—и это подтверждается названнымъ по имени его селеніемъ въ южной части Луки Ермачихой (1). Олеарій пишетъ о разбойничавшихъ въ то время на Самарской Лукѣ казакахъ (2), а преданіе указываетъ и на извѣстнаго въ XVII в. казацкаго атамана Стеньку Разина. Но этимъ разбойничимъ шайкамъ, ни Правительству въ огражденіе отъ нихъ, конечно, нельзя приписать тѣхъ значительныхъ укрѣпленій, валовъ и городковъ, какія встрѣчаются на Самарской Лукѣ, а нужно относить ихъ къ осѣдло жившимъ здѣсь прежде Татарамъ (3).

Усольскій о. прот. Преображенскій, по просьбѣ нашей, сообщилъ намъ краткую, но вѣрную Записку объ остаткахъ городищъ въ Самарской Лукѣ, о чемъ мы имѣемъ еще нѣкоторыя другія извѣстія.

1. «Въ Усольскихъ дачахъ, пишетъ о. протоіерей, есть много кургановъ или на ровныхъ мѣстахъ насыпей круглыхъ и возвышенныхъ, доселѣ не уничтоженныхъ землепашествомъ. Одну такую насыпь, по приказанію управляющаго, недавно разрыли и вынули изъ нея множество камня дикаго, неотесаннаго, какой и теперь есть при подошвѣ Усольскихъ горъ. Внутри этихъ камней найденъ черепъ человѣческой головы и нѣкоторыя кости большаго размѣра, крупнаго возраста, нѣкоторыя металлическія вещи на подобіе браслетъ на рукахъ, по видимому мѣдныя. Болѣе не найдено ничего. Значитъ, всѣ эти курганы не что иное, какъ могилы знаменитыхъ людей своего времени и мѣстности, согласно съ общимъ мнѣніемъ и преданіемъ. Величина кургановъ въ окружности саженъ 8—10, а въ вышину не болѣе или даже менѣе одной сажени, въ настоящемъ видѣ». Мы съ своей стороны къ этому прибавимъ свое мнѣніе о значительной древности сихъ кургановъ, и желаніе, чтобы и прочіе нетронутые курганы были раскрыты и описаны—по правиламъ науки.

2. «Между селами Жегулихой и Валами, ближе къ послѣднему, влѣво отъ большой Самарской дороги (верстахъ въ 18 отъ Усолья, см. карту городищъ) есть валы, ряда въ два. Они начинаются изъ оврага Яблоннаго возлѣ самыхъ Жегулевскихъ горъ и, продол-

---

(1) По рукописной исторіи Усолья о. прот. Преображенскаго. Въ этой исторіи указывается еще на другую сосѣдственную деревню Кольцовку, такъ названную якобы по имени Ермакова есаула Ивана Кольцо. Но это несправедливо: такъ названа она по помѣщику своему Кольцову. Въ переписныхъ книгахъ землямъ кн. Меншикова 1710 года (въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405) л. 364 пишется: крестьяне Александра Никитича Кольцова деревни Кольцовой (на Самарской Лукѣ, той самой, что нынѣ Кольцовка) сказали.....

(2) Въ Русскомъ переводѣ Барсова, стр. 427 слич. 431.

(3) Въ этомъ отношеніи полковникъ Липинскій, въ Описаніи Симбирской губерніи ч. 1 стр. 19, не зная актовъ, совершенно несправедливо писалъ, будто Пальчиковъ и Соковнинъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ построили городки на Самарской Лукѣ по случаю сильныхъ грабежей—для преслѣдованія разбойниковъ и охраненія отъ нихъ тамошняго края. Дѣло было совсѣмъ иное. Въ 1614 г. по случаю возмущенія Заруцкаго, заключившагося въ Астрахани, для наблюденія по Волгѣ за соумышленниками его и защиты отъ нихъ означеннымъ Пальчикову и Соковнину велѣно было построить (временные) городки на устьѣ р. Усы и у Переволоки (См. Акты Историческіе т. 3 № 252. 259). И первый хотя дѣйствительно построилъ здѣсь городокъ (тамже № 261), но отъ него теперь никакихъ слѣдовъ не осталось, а о второмъ сомнительно, чтобы онъ сдѣлалъ что нибудь: ниже показанные близь Переволоки и Шелехмети городки—не его строеніе, развѣ воспользовался онъ здѣсь готовыми укрѣпленіями (См. ниже о Костычевскомъ городищѣ).

жаясь кругобразно верстъ болѣе трехъ, оканчиваются въ томъ же оврагѣ. Площадь внутри этихъ валовъ по склону къ оврагу представляетъ удобное мѣсто для обширнаго поселенія или городка. Внѣшніе рвы у этихъ валовъ широки и глубины болѣе сажени, высота же валовъ почти уничтожена землепашествомъ. Преданіе говоритъ, что здѣсь жила *Орда*». Въ параллель этому извѣстію о. протоіерея мы приведемъ описаніе сего же городища за сто лѣтъ ранѣе у акад. Лепехина (1). «Село Валы наименованіе свое имѣетъ отъ древняго укрѣпленнаго мѣста. Оно находится верстахъ въ трехъ между онымъ селомъ и селомъ Жегулихою. Съ сѣверовосточной стороны противоположны ему Яблонныя Волжскія горы, съ которыми параллельно идетъ глубокій буеракъ. Отъ сѣверозападной стороны другой находится буеракъ, глубиною сажени въ три, а индѣ и болѣе. Съ сѣверозападнымъ буеракомъ параллельно лежитъ третій буеракъ, въ разстояніи отъ него около 200 саженъ. Оба сіи противолежащіе буераки пересѣкаютъ параллельный буеракъ съ Яблонными горами (т. е. упираются въ нихъ). Отъ концовъ противолежащихъ буераковъ начинаются три нарочито высокіе вала съ принадлежащими каналами (т. е. со рвами при нихъ), изъ которыхъ средній всѣхъ ниже, а задній или внутренній выше. Они ведены на подобіе полукружія такъ, что если избрать среднее мѣсто въ укрѣпленіи, то средина валовъ будетъ соотвѣтствовать южнозападной сторонѣ. Рытвины, съ которыми соединяются валы, продолжаются къ Яблоннымъ горамъ даже до Волги верстъ на 10, на которыхъ есть другое укрѣпленіе. Дуга валовъ въ своей окружности составитъ около четырехъ сотъ саженъ. Самое пространство, валами и рытвинами окруженное, перерыто самородными прокопами, и тѣмъ мѣсто дѣлаетъ больше укрѣпленнымъ.—Кѣмъ укрѣплено сіе мѣсто, заподлинно сказать не можно. Старожилые изъ преданія объявляютъ, что тутъ до взятія Казани обитали Татара, а по взятіи оныя мѣсто сіе оставили. Впрочемъ не видно тутъ никакихъ другихъ остатковъ древности, какъ-то: развалинъ, каменныхъ зданій и сему подобнаго, но единственно на пашнѣ, которою все сіе пространство занято, выпахиваютъ иногда черепицу и другіе глиняные обломки. Какъ по валамъ, такъ и въ околичности оныхъ не къ малой пользѣ жителей довольно растетъ дикихъ яблоней, которыя, безъ сумнѣнія прежними сего мѣста насаждены были обитателями. Да и на Яблонныхъ горахъ по видимому въ старину были сады оныхъ; ибо и тамъ много яблоней находится, отъ чего и наименованіе дано горамъ» (2). Тоже о семъ городищѣ пишетъ и Палласъ (3): «деревня Валовка проименована по находящемуся за двѣ версты на дорогѣ къ Жигулихѣ позади Яблоннаго буерака обширному, и какъ то сказываютъ Татарскому шанцу, состоящему изъ трехъ валовъ со рвами, и имѣющему нѣсколько верстъ въ окружности. Въ семъ шанцѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ строенія; однако во время паханія попадаются иногда *Татарскіе кирпичи*, и то можетъ быть отъ находящихся въ землѣ могилъ».

---

(1) Дневныя Записки путешествія Лепехина, Спб. 1771, стр. 336. 337.

(2) Лѣтъ за полтораста до Лепехина также писалъ о Яблонномъ оврагѣ Олеарій (въ Рус. переводѣ Барсова стр. 427): въ концѣ горы (Дѣвичій Курганъ) поднимается новый горный хребетъ, который и тянется внизъ, вмѣстѣ съ рѣкою, на нѣсколько миль. Долина, лежащая между этими двумя горами, называется Яблочный квасъ (Iablonen quas), потому что тамъ падаетъ множество дико растущихъ яблокъ, изъ которыхъ дѣлается извѣстный напитокъ—квасъ.

(3) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. имперіи ч. 1 стр. 243.

3. По Запискѣ о. прот. Преображенскаго «за означеннымъ селомъ Валами (т. е. если ѣхать отъ Усолья) есть еще валы, идущіе поперегъ Самарской Луки съ сѣвера на югъ и поросшіе по мѣстамъ небольшимъ лѣсомъ. Съ сѣверной стороны они начинаются изъ того же оврага Яблоннаго, выходящаго въ Волгу среди Жигулевскихъ горъ пониже города Ставрополя и простираются на югъ въ другой оврагъ, впадающій также въ оврагъ Сухую Брусьяну, а имъ въ Волгу въ южной половинѣ Луки. Такимъ образомъ поперечникъ между обѣими Волгами (т. е. сѣверною и южною) составлялъ нѣкода препятствіе въ сообщеніи—естественное означенными оврагами и искуственное—валами между тѣми оврагами. Валы эти вышиною сажени полторы со рвомъ, въ сажень глубины, а длиною болѣе настоящей версты».

4. На южной сторонѣ Сам. Луки ближе къ Сызрану при Волгѣ стоятъ два села Переволока и Печерское (см. карту городищъ). Первое (въ 40 верстахъ отъ Сызрана) такъ названо, говоря словами древняго акта (1), отъ того, что здѣсь «переволочатся съ Волги въ Усу рѣку» (раздѣляемую отъ нея перешейкомъ версты на три) и Усою внизъ плывутъ въ Волгу, а Печерское (въ 30 верстахъ отъ Сызрана) названо отъ многихъ пещеръ или печоръ, вымываемыхъ въ здѣшнихъ берегахъ Волгою. Между этими селами верстахъ въ четырехъ отъ Переволоки къ Печерскому, на лѣвой сторонѣ дороги также было нѣкогда укрѣпленное мѣсто. Съ восточной и западной стороны здѣсь идутъ параллельно одинъ другому два большихъ оврага, упирающіеся въ Волгу, съ южной стороны—берега этой рѣки очень круты и высоки. Это естественное укрѣпленіе съ сѣверной стороны довершено искуственнымъ проведеніемъ валовъ отъ одного изъ вышепомянутыхъ овраговъ до другаго. Посреди валовъ сдѣланъ въѣздъ въ городокъ или ворота, а противъ въѣзда на южной сторонѣ крутой спускъ на Волгу, на верху котораго и на углахъ съ этой стороны у обоихъ овраговъ были нѣкогда каменныя кирпичныя укрѣпленія, можетъ быть, башни. Валы идутъ менѣе полверсты и съ одной стороны между ними и берегомъ Волги, а съ другой между означенными оврагами выходитъ квадратная площадь, простирающаяся отъ валовъ до берега саженъ на 200 и болѣе. Такъ пишетъ о. прот. Преображенскій. По другому сообщенію отъ Сызранскаго о. протоіерея Арс. Петр. Успенскаго здѣсь—съ южной стороны отъ Волги отвѣсная гора и также (какъ на сѣверѣ) небольшой валъ, внутренность городка—съ четверть версты, а внутри его почти четверть же обнесена еще особымъ валомъ; валъ въ вышину аршина два, въ ширину аршина три. Въ настоящее время крестьяне пашутъ въ городкѣ и будто бы (съ сомнѣніемъ пишетъ самъ о. протоіерей) находили иногда оружіе и монеты; по его же словамъ въ самомъ селѣ Переволокѣ никакихъ признаковъ города нѣтъ. По третьему сообщенію отъ одного воспитанника Симбирской Семинаріи—съ сѣверной стороны канава или ровъ былъ вырытъ не по прямому направленію, а подъ различными углами зигзаговою линіею, которая концами своими примыкала къ отвѣснымъ берегамъ буераковъ, но нынѣ только по мѣстамъ сохранилась и то не во всей цѣлости, по преданію городокъ устроенъ и былъ занимаемъ Татарами, жившими въ давнее время; вещей никакихъ въ немъ не находятъ. Сверхъ сего, по этому же сообщенію, верстами двумя выше села Переволоки на перешейкѣ между Волгою и Усою, въ три версты по прямому направленію съ юга на сѣверъ, отъ Волги къ Усѣ также проведенъ былъ валъ со рвомъ, но остатки

(1) Акты Истор. т. № 259—наказъ 1614 г.

отъ нихъ сохранились только кое-гдѣ. Это извѣстіе, нигдѣ и ни отъ кого нами не встрѣчаемое, кажется основательнымъ: помянутый валъ былъ очень умѣстенъ для описываемаго городка, защищая и въ дальнѣйшей территоріи входъ въ него съ восточной стороны, съ сѣвера и юга обезопашенный Волгою и Усою.

За симъ вполнѣ приведемъ гораздо полнѣйшее описаніе сего городища у Лепехина (1), подтверждающее и пополняющее современныя извѣстія. «Между селомъ Переволокою и Печерскимъ, разстояніемъ отъ перваго верстахъ въ четырехъ, наѣхали мы еще на остатки древняго жилища. Оно отъ проѣзжей (въ Сызранъ) дороги въ лѣвую сторону лежитъ саженъ на сто. Съ восточной стороны, то есть отъ села Переволоки, обросло частикомъ и для (по причинѣ) чрезмѣрной рытвины, простирающейся до самой Волги, неприступно. Съ полудня защищается крутизною Волжскаго берега; съ западной стороны возпящаетъ всякій доступъ подобная прежней рытвина. Концы сихъ рытвинъ на сѣверъ соединены двойнымъ изогнутымъ валомъ, по срединѣ которыхъ находится проѣздъ или остатки бывшихъ воротъ. Впрочемъ сіе укрѣпленіе гораздо меньше прежняго (вышеписаннаго подъ числомъ 2-мъ, описаннаго у Лепехина на стр. 336, 337). Въ немъ длиннику только 650, а поперечнику 360 шаговъ. Внутри не видно никакихъ остатковъ, кромѣ многихъ маровъ или холмиковъ, разрытыхъ отъ лакомыхъ кладоискателей. Между валами къ сѣверу обыскали мы глубокую яму, которыя отверстіе завалено огромнымъ четвероугольнымъ камнемъ. Силъ нашихъ не достало, отворить себѣ входъ далѣе; но камень, будучи ударяемъ обухомъ, отдавалъ звукъ пустаго погреба». За тѣмъ г. Лепехинъ справедливо дѣлаетъ общее замѣчаніе о подобныхъ древнихъ укрѣпленіяхъ: «изъ описанія сихъ малыхъ остатковъ древности видно благоразуміе древнихъ Волжскихъ жителей, которые избирали для укрѣпленія такія мѣста, чтобы они болѣе неприступны были своимъ положеніемъ, нежели укрѣпленіемъ искуства». Палласъ (стр. 245) только въ трехъ строкахъ упоминаетъ объ окопахъ между Переволокой и Печерской слободою.

Объ этомъ городищѣ, какъ о древнемъ Татарскомъ, есть свидѣтельства и въ древнихъ встрѣчавшихся намъ актахъ. Въ переписныхъ и межевыхъ книгахъ по Самарскому уѣзду 180 (1672) года (2) говорится: «и у Волги рѣки, у Переволоки, промежь дву буераковъ бывало городище, а межъ городищевъ (раз. буераковъ?) сажень съ 60 отъ степныя стороны были три рва, а отъ Волжской стороны на томъ городищѣ бывали большія каменья и заросли». Въ отказныхъ книгахъ на землю казакамъ новопостроеннаго города Сызрана Саввѣ Богомолову съ товарищи 192 (1684) года (3) ободная межа сей земли означена такъ: отведено въ Синбирскомъ уѣздѣ изъ порозжей земли въ урочищахъ отъ новопостроеннаго города Сызрана по Самарской дорогѣ отъ первой рѣчки до Печерскихъ горъ до осми избъ, и вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до *Татарскаго городища* и до рѣки Усы, и вверхъ по Усѣ рѣкѣ и до рѣки Киширена и до первой рѣчки, что отъ новопостроеннаго города Сызрана. И далѣе: а межа той земли отъ Печерскіе горы и отъ буераку, что выше Татарскаго городища, черезъ Волгу рѣку на луговую сторону противъ нижней изголовки Васильчиковой волошки.

---

(1) Дневныя Записки стр. 338.

(2) Хранятся въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи, отдѣл. I-е старыхъ дѣлъ, въ грамотахъ и дѣлахъ Коллегіи Экономіи по Самарскому уѣзду подъ № 12.

(3) Прописаны въ вышепомянутыхъ межевыхъ книгахъ землямъ князя Меншикова въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 39 и дал.

5. Въ помянутомъ третьемъ сообщеніи воспитанника Семинаріи (въ 1857 г.) поставляется на видъ и описывается еще особенное городище на южной половинѣ Луки близь Мордовской деревни Шелехмети—первой станціи отъ Самары въ Симбирскъ верстахъ въ 13-ти отъ Волжскаго берега (см. карту городищъ). «По сѣверовосточную сторону деревни Шелехмети тянется кряжъ горъ, составляющихъ продолженіе хребта Жегулевскаго. Ниже этой деревни (въ полуторѣ верстѣ) кряжъ горъ прерывается глубокимъ и широкимъ оврагомъ, который идетъ съ сѣверовостока позади горъ, почти въ параллель съ ними, и потомъ поварачиваетъ на югъ прямо къ Волгѣ. Близь него на горѣ, составляющей окончаніе помянутаго кряжа, видны слѣды древняго городища, построеннаго здѣсь, по всей вѣроятности, во время Татарскаго ига надъ Россіею. Гора, на которой устроена была крѣпость, очень удобна для этого назначенія: съ трехъ сторонъ—сѣверной, южной и западной она неприступна по причинѣ крутизны своей, только съ восточной стороны можно восходить на нее, и то съ небольшимъ удобствомъ. Потому въ крѣпости, занимающей площадь горы и съ трехъ означенныхъ сторонъ по природѣ неприступной, сдѣлано искуственное укрѣпленіе только съ четвертой, восточной стороны. Саженъ съ полтораста отъ окончанія горы, на которой находилась крѣпость, весь кряжъ горъ прорытъ поперегъ глубокою канавою, идущею по прямому направленію съ юга на сѣверъ, а позади канавы внутри крѣпости насыпанъ былъ земляной валъ. Глубина помянутой канавы въ настоящее время не вездѣ одинакова: по мѣстамъ она завалена или гнилымъ лѣсомъ, или землею, снесенною дождевою водою съ вала; ширина ея по мѣстамъ простирается и до 3 саженъ; высота вала тоже различна, а именно отъ $1^1/_2$ до 4 саженъ, толщина 3 — 5 саженъ, длина на 80 саженъ. Какъ канава, такъ и самый валъ проросли не только травою, но и толстыми и очень высокими деревьями, свидѣтельствующими своимъ возрастомъ о древности вала и канавы. По срединѣ вала и канавы на самой высотѣ нагорной площади видны слѣды воротъ, которыя вели во внутренность крѣпости, именно пространство на 2 сажени не прорыто канавою и во внутренности крѣпости нѣтъ земляной насыпи, составляющей валъ. Одинъ изъ старожиловъ дер. Шелехмети разсказывалъ, что отецъ его, бывши еще въ малолѣтствѣ, видѣлъ столпы, стоявшіе по сторонамъ входа. Какіе это столпы—деревянные или каменные, неизвѣстно, и слѣдовъ отъ нихъ никакихъ не сохранилось. Правда, нынѣ при одной сторонѣ входа лежитъ огромный кругообразный камень, въ толщину четверть аршина; но онъ не показываетъ изъ себя остатка отъ столпа, а болѣе ничего нѣтъ. Кромѣ сего на глубинѣ канавы и во внутренности крѣпости лежитъ много огромныхъ камней, поросшихъ мхомъ; ни на одномъ изъ нихъ не замѣчено никакихъ слѣдовъ надписи, кромѣ грубой отдѣлки ихъ. Близь вала во внутренности крѣпости находятся слѣды рвовъ; два изъ нихъ по сторонамъ входа еще очень замѣтны, они овальны,—бо́льшій ихъ діаметръ три сажени. Осмотрѣть хорошо всю площадь, которую занимала крѣпость, различныя ея возвышенности и углубленія нѣтъ возможности по причинѣ густоты лѣса, покрывающаго въ настоящее время весь кряжъ горъ и мѣстность, окружающую ихъ; только южная скалистая сторона горы обнажена отъ лѣса. Самая площадь, которую занимала крѣпость, имѣетъ форму не совсѣмъ правильнаго овала, усѣченнаго съ восточной стороны прямою линіею, по которой идетъ канава. Гора эта жителями деревни Шелехмети на ихъ Мордовскомъ языкѣ называется ошъ-панда, что въ переводѣ на Русскій языкъ значитъ гора города или городская гора».

«Разсказываютъ жители деревни Шелехмети, что въ недавнее время по сѣверному и южному склонамъ горы и въ ложбинѣ оврага, прерывающаго весь хребетъ и идущаго въ параллель ему съ сѣверной стороны, находили различныя вещи изъ домашняго быта: горшки цѣльные и разбитые, котлы, ножи, цѣпи и др., нѣкоторыя изъ вещей, составляющихъ женскій уборъ Татарокъ, Чувашокъ и Мордовокъ—серги, браслеты, кольца и перстни и янтарныя бусы, также оружіе и части вещей, составляющихъ наѣздническіе доспѣхи—ружья, пистолеты, желѣзныя стрѣлы, кинжалы, стремена, арчаки въ мѣдной оправѣ; находили также и монеты мѣдныя и серебреныя; въ оврагѣ попадаются въ настоящее время остатки доменныхъ печей, кузнечныхъ горновъ съ множествомъ шлака, также черепки отъ горшковъ и кости человѣческія и конскія въ могилахъ. Черепки и другіе остатки домашнихъ вещей показываютъ, что вещи эти въ отдѣлкѣ были гораздо грубѣе нынѣшнихъ,—черепки эти толстые и шероховатые. Всѣ эти остатки обыкновенно попадались вмѣсто искомыхъ сокровищъ кладокопателямъ. Въ одной изъ ямъ, вырытыхъ ими по склону горы и на верху ея, они вынули ружье большаго калибра».

«Преданіе о строителяхъ крѣпости и прежнихъ ея обитателяхъ различно. Одни говорятъ, что крѣпость устроена Татарами въ давнія времена; другіе утверждаютъ, что Ермакъ стоялъ въ этой крѣпости и подтверждаютъ это въ 15 верстахъ отъ Шелехмети находящеюся деревнею Ермаковкою и въ 10 отъ нея Кольцовкой, такъ названными по имени Ермака и его товарища; иные устроеніе крѣпости усвояютъ Стенькѣ Разину—и въ доказательство представляютъ три яблони на южной сторонѣ горы, посаженныя въ рядъ будто бы руками самого Разина».—Доселѣ корреспондентъ.

Что касается до насъ: то по сообщеннымъ отъ него извѣстіямъ мы полагаемъ, что это городище было древнее, Татарское, но впослѣдствіи занято было Русскими, казаками, охранявшими край или разбойничавшими, и состояло подъ какимъ нибудь заводомъ или кузницами. Потому вмѣстѣ съ огромными камнями и съ древними вещами Татарскаго употребленія здѣсь встрѣчаются и ружья и признаки доменныхъ печей и кузнечнаго производства.

6. Въ 24 верстахъ отъ Переволоки и 16 отъ уѣзднаго города Сызрана при подошвѣ Костычевскихъ горъ и при Пустыльскомъ буеракѣ находится село, съ древнимъ укрѣпленіемъ, Городище-Костычи (см. карту городищъ). По названію «Костычи» можно подумать, что это укрѣпленіе собственно Русское. На это скажемъ, что, тогда какъ укрѣпленіе было издревле, земля, занимаемая имъ, и вся окрестность до конца XVII вѣка состояла пустопорожнею, и только теперь, въ концѣ XVII вѣка, появилось на ней Русское селеніе—Костычи. Въ 7200 (1692) году игуменіи Московскаго Вознесенскаго монастыря Варсонофіи Бутурлиной Симбирянами Вас. Аверкіевымъ и Дав. Ильинымъ было вымѣнено и потомъ отмежевано «изъ дикихъ поль остаточной земли за дачами Сызранскихъ солдатъ отъ рѣки Волги и отъ Печерскихъ горъ, и за рѣкою Волгою, и по рѣкѣ Иштереку (нынѣ Тишереку) пашни и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій по 50 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по 500 копенъ» (1). На этой землѣ уже въ 1700 г. является населен-

(1) См. Симбирской Казенной палаты по 23 описи № 933 копіи съ крѣпостей и грамотъ Московскаго Вознесенскаго монастыря; находятся и въ мірской коробкѣ или въ архивѣ села Рачейки, Сызранскаго уѣзда, бывшей вотчины сего же монастыря.

ное монастырскими крестьянами село Вознесенское, Городищи тожъ (1), въ 1710 и слѣд. годахъ 1721. 1724. 1729, называемое также Городецкою слободою или селомъ Городищемъ Костычи тожъ, или селомъ Вознесенскимъ Костычи тожъ (2). Костычами, какъ передаютъ старожилы, селеніе названо отъ того, что прежде жители долгое время промышляли распродажею костычей (крестьянскаго простаго платья—понитокъ).

Если эта монастырская вотчина въ вышепоказанныхъ актахъ съ самаго начала называется Городищемъ: то значитъ, она была построена на мѣстѣ бывшаго городища (новое монастырское построеніе нельзя было назвать городищемъ),—и изъ послѣдующаго мы видимъ, что это было городище Татарское.

Городище сіе описали видѣвшіе еще каменныя развалины его академики Лепехинъ и Палласъ въ 1769 г. Первый говоритъ (3): «село Кастычи (sic) весьма пространно и живутъ въ немъ государственные крестьяна; а въ старину сіе мѣсто принадлежало Волжскимъ нагорнымъ Татарамъ. Татарскаго обиталища видны еще и по сіе время остатки, которые состоятъ изъ каменныхъ развалившихся стѣнъ. Числомъ ихъ три; а съ полуденную сторону защитою служитъ крутой Волжскій берегъ. Они складены были изъ известковаго камня, братаго съ Волги, что̀ просѣдающія жилки горной смолы свидѣтельствуютъ. Обширность сего мѣста средняя между укрѣпленіями при селахъ Валы и за селомъ Переволокой находящимися (4). Въ нутри также не видно никакихъ древнихъ развалинъ, но только нынѣ служитъ оградою сельскому погосту, и находящейся въ нутри деревянной церквѣ. Пожилой старикъ въ селѣ Кастычахъ намъ сказывалъ, что отцы ихъ, поселившіеся на семъ мѣстѣ за 120 лѣтъ, (слѣдов. въ 1650 г., но это въ отношеніи къ самому мѣсту Костычамъ слишкомъ преувеличено), нашли сей городокъ уже обвалившійся, и для защиты отъ набѣговъ дикихъ народовъ, кочующихъ по луговому берегу рѣки Волги, построена была на сихъ развалинахъ деревянная крѣпостца; однако оныя нынѣ никакихъ не видно признаковъ» (5). Палласъ пишетъ о селѣ и городищѣ Костычахъ (6): «за двѣ версты отъ большой слободы Костычей предъ въѣздомъ на гору, на которой стоитъ оная слобода, ѣздятъ по мосту чрезъ глубокой между горами издалека простирающейся буеракъ. Онъ называется Пустыльскій оврагъ, а небольшой лѣсъ, въ которомъ онъ начинается,—Пустыльскій лѣсъ. Сія слобода, прежде сего къ монастырскимъ деревнямъ принадлежавшая, состоитъ изъ 300 домовъ, построенныхъ улицею, которая въ длину почти до трехъ верстъ простирается. Два глубокіе буерака раздѣлили сію слободу на три неравныя части. Верхній или при восточномъ концѣ деревни находящійся называется *банный взвозъ*, а другой почти въ срединѣ слободы проходящій именуется *монастырской*. При семъ буеракѣ посреди слободы на высокой части берега остатки старой

(1) Въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты Симбирскія отказныя книги № 1272 стр. 19.

(2) Симб. Казенной палаты по 7 описи № 74 дѣло 1710 г. л. 36 и слѣд., по 7 описи № 154 дѣло 1721 г. л. 5 и слѣд. переписныя книги землямъ князя Меншикова 1710 г. въ Моск. Вотчиномъ архивѣ № 405 л. 362. 364, Симбирской Гражд. палаты перечневая книга крѣпостныхъ записей за 1724 годъ № 48 л. 51, крѣпостная книга 1729 г. № 76 л. 262.

(3) Дневныя Записки. стр, 340.

(4) Выше Лепехинъ окружность перваго городища опредѣлилъ въ 400 саженъ, а во второмъ показалъ длиннику 650, поперечнику 360 шаговъ.

(5) Не эту ли деревянную крѣпостцу въ 1614 г. построилъ вышепомянутый Соковнинъ?

(6) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. государства 1, 247.

крѣпости, состоявшей изъ толстой каменной стѣны, основаніе которой еще и нынѣ видно. Она построена была полукружіемъ до 500 шаговъ и простиралась отъ заключающагося между помянутымъ буеракомъ и Волгою угла до крутаго ея берега. Внутри сей разореной крѣпости находится нынѣ нѣсколько крестьянскихъ (д. б. церковнаго причта) хижинъ и слободская деревянная церковь».

Въ 1857 г. вышепомянутый воспитанникъ Симбирской Семинаріи (пожелавшій скрыть свое имя) писалъ о Костычевскомъ городищѣ: среди села Старыхъ Костычей на площади, гдѣ нынѣ стоитъ церковь, видны слѣды бывшаго здѣсь нѣкогда укрѣпленія. Въ старину оно окружено было канавою, за которою во внутрь крѣпости шла каменная стѣна; нынѣ замѣтна только небольшая возвышенность или фундаментъ каменной стѣны, устланный кое-гдѣ твердымъ плитнякомъ. Лѣтъ 70 или 80 назадъ стѣна, говорятъ, имѣла еще по мѣстамъ высоты 3 четверти аршина, но изъ нея жители села Костычей на свои постройки постоянно выбирали твердый и крупный плитнякъ и такимъ образомъ довели ее до настоящаго едва замѣтнаго состоянія. Укрѣпленіе это сдѣлано было съ востока и сѣвера въ видѣ правильнаго полукруга, который однимъ концомъ (восточнымъ) примыкалъ къ глубокому, имѣющему отвѣсныя стороны, оврагу, а на западѣ къ другому его концу шла отъ берега рѣки Волги по прямой линіи каменная же стѣна; южную сторону крѣпости составлялъ берегъ Волги, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ семь саженъ отвѣсной высоты (1). На площади, которую занимала крѣпость, нынѣ кромѣ церкви построены удѣльные приказъ и училище и дома священноцерковнослужительскіе, она занимала пространство около 6000 квадратныхъ саженъ. Преданіе объ этомъ укрѣпленіи говоритъ, что оно было устроено Татарами во дни ихъ владычества на Волгѣ. Въ двухъ верстахъ отъ Костычей на одномъ курганѣ было Татарское кладбище, на которомъ и нынѣ находятъ остовы человѣческіе, похороненные въ сидячемъ положеніи, и мелкую серебряную Ордынскую монету. Лѣтъ семь назадъ одинъ крестьянинъ села Костычей въ окрестностяхъ его нашелъ кольчугу, а въ настоящемъ году въ колкѣ (рощицѣ, въ лѣску—мѣстное слово), недалеко отстоящемъ отъ села Костычей, найденъ въ землѣ жерновой камень.

Наконецъ въ прошломъ 1869 г. мѣстный священникъ села Костычей Арс. Забѣлинъ объ этомъ городищѣ сообщилъ: въ этомъ селѣ до населенія Русскими жили Татары, у которыхъ здѣсь былъ небольшой городокъ, обнесенный каменною стѣною съ глубокимъ рвомъ съ наружной стороны. Признаки этой стѣны сохранились до нынѣ,—доселѣ уцѣлѣли остатки каменнаго фундамента стѣны, судя по которымъ стѣна начиналась отъ берега Волги саженяхъ въ 30 отъ церкви (нынѣшней) и, полукругомъ обходя церковную площадь, другимъ концомъ опиралась въ берегъ рѣки за домами священноцерковниковъ. И если посему эта крѣпость надежна была съ сѣверной стороны: то съ южной при обрывистомъ берегѣ Волги была неприступна. Когда и чья рука разрушила стѣну—неизвѣстно, но ровъ сравненъ съ землей въ недавнее время, по распоряженію удѣльнаго начальства.—Татары имѣли свое кладбище на бугрѣ, называемомъ Пустыльнымъ бугромъ, что около Пустыльнаго оврага (слич. вышеприведенныя о немъ слова Палласа). На бугрѣ этомъ нерѣдко находили крестьяне черепа и другія человѣческія кости. Это мѣсто долгое время привлекало

(1) Тоже и Палласъ, стр. 248.

охотниковъ до кладовъ. Въ разное время пытались отыскивать здѣсь клады; нѣкоторые изъ нихъ, какъ говорятъ, дѣйствительно находили старинныя Татарскія серебряныя монеты, съ которыми, вѣроятно, Татары хоронили своихъ покойниковъ. Сказывали также, что назадъ тому не болѣе 15 лѣтъ пріѣзжалъ сюда чиновникъ, назвавшійся чиновникомъ Департамента удѣловъ, и на этомъ бугрѣ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, заставлялъ крестьянъ рыть землю. Бывшій участникомъ при рытьѣ разсказывалъ мнѣ, что на саженной глубинѣ найденъ ими человѣческій скелетъ женска пола въ сидячемъ положеніи. Этотъ скелетъ и былъ, какъ открылось послѣ, предметомъ исканій. Чиновникъ взялъ съ собою головной черепъ и украшенія, которыя были на скелетѣ. Сказываютъ, на шеѣ былъ крупный жемчугъ, на рукахъ блестящія наручни, но—какія, объяснить не могутъ. Говорятъ также, что вблизи Пустыльнаго оврага доселѣ сохранился когда-то и кѣмъ-то устроенный поземный ходъ на разстояніи двухъ верстъ, который, начинаясь отъ берега Волги, оканчивается въ Пустыльномъ оврагѣ подъ Чернымъ мостомъ. Многоразличные толки объ этомъ ходѣ приводятъ къ мысли, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ есть ходъ. Разсказываютъ, будто бы нѣкоторые изъ крестьянъ не такъ давно пытались тутъ совершить подземное путешествіе, но по удушливости воздуха отказались отъ своего предпріятія.

II. ГОРОДИЩА ПО КАМѢ И ВПАДАЮЩИМЪ ВЪ НЕЕ РѢКАМЪ.

21. Городище Чаллынское.

Въ дозорныхъ книгахъ Чаллынской пустоши, что близь Чаллынскаго городища, 127 (1619) года (1) пишется, что «по указу ѣздилъ изъ Казани Григ. Кузминскій по Зюрейской дорогѣ на пустошь, что бывало *Чаллынское городище*, близко деревни Чалловъ. Для того во 126 (1618) году били челомъ Государю Казанскіе служилые Татары Ишей Хозяшевъ и другіе, чтобы Государь въ ихъ помѣстье пожаловалъ ихъ по Зюрейской дорогѣ, что было *изстари* городище Чаллынское на рѣчкѣ Чаллынской вверхъ Мамы рѣчки, по обѣ стороны, а та-де пустошь Татарская изстари отъ Казанскова взятья лежитъ впустѣ. А въ ясашныхъ хлѣбныхъ книгахъ написано: прошлого 121 (1613) года дана грамота Зюрейской дороги деревни Чалловъ Чувашенину Сатышу, велѣно ему жить по Зюрейской дорогѣ на пустоши, что по конецъ деревни Чалловъ. И Григорій, пріѣхавъ на пустошь, взялъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей деревень Шихазды, Пимеръ, Мослякъ, Біюртъ (чит. Скіюртъ), верхнихъ Чалловъ новыхъ, и нижнихъ Чалловъ, и тѣми людми дозналъ про тое пустошь, что бывало изстари Татарское городище и отъ Казанскова взятья лежитъ впустѣ. По смѣтѣ на томъ городищѣ пашни паханые 20 чети, да перелогу на 200 чети». Зюрейская дорога, такъ названная въ Казанскихъ писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгахъ по селу Зюрямъ, на востокъ отъ Казани (см. карту городищъ), шла въ эту восточную сторону, направляясь къ нынѣшнему городу Мамадышъ. Въ Ка-

(1) См. въ Московскомъ Вотчинномъ архивѣ переписныя и другія книги по Казани съ городами, переп. въ книгу въ 4 д. подъ № 410, на л. 1348.

занскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 156 (1648) года (1) л. 153 об. вышепоказанная деревня и сельцо Чаллы по Зюрейской дорогѣ описываются такъ: «деревня Чаллы на рѣкѣ *Сулѣ* за служилыми новокрещены Аѳанасіемъ Бурнаковымъ съ товарищи... Сельцо Чаллы на рѣкѣ Сулѣ, по обѣ стороны, за Кадрейкомъ мурзою князь Камаевымъ сыномъ Смиленева». Затѣмъ пишется деревня новая Мамла—выставокъ (выселокъ) изъ ясашной старой деревни Мамлы на р. Мешлякѣ. Она указываетъ въ предъидущемъ актѣ на Маму рѣку. Выше, л. 123 об., по этой же Зюрейской дорогѣ и на той же рѣкѣ Сулѣ пишутся сельцо Шигалѣево, и выставка изъ него—починокъ Шигалѣевской, село Большая Шихазда и выставка изъ него—Малая Шихазда, л. 134 сельцо Карамышъ-Уланово; подлѣ нихъ, хотя уже не на Сулѣ, л. 122,—сельцо Новоцаревское, л. 123 сельцо Шемелка, л. 133 село Петрицы. Всѣ эти селенія, начиная съ Шигалѣева, въ Подробной картѣ Россійской имперіи, изданной при Императорскомъ депо (1805 г.), дѣйствительно показаны на востокъ отъ Казани на одной безъимянной рѣчкѣ, впадающей въ Мешу, по Зюрейской дорогѣ въ 20 верстахъ отъ Казани. (См. ихъ на картѣ городищъ). Тамъ же находится и помянутая въ дозорныхъ книгахъ 127 г. дер. Пимеръ или Бимеръ. Село Большая Шихазда значится на р. Сулѣ и въ другихъ древнихъ актахъ—въ отводныхъ книгахъ 157 (1649) года (2). И такъ здѣсь, на вышеозначенной рѣчкѣ, впадающей въ Мешу, надобно полагать Чаллынское городище, о мѣстоположеніи и настоящемъ состояніи котораго, хотя мы и сносились, но не получили никакого свѣдѣнія. А на нынѣшней рѣкѣ Сулѣ, на сѣверной сторонѣ отъ Казани впадающей въ рѣку Казанку, какъ она показана въ нѣкоторыхъ картахъ, искать его не слѣдуетъ.

Когда по взятіи Казани луговая Черемиса и другіе инородцы взбунтовались противъ Русскаго владычества и война длилась не одинъ годъ: весною 1556 года посланный противъ нихъ бояринъ Морозовъ съ казаками, стрѣльцами и новокрещенными инородцами выступилъ къ «Чаллинскому городку» и сжегъ его, повоевавши и побивши затѣмъ многихъ людей, которые встрѣтили его на Мешѣ (3). По всему видно, что этотъ Чаллынскій городокъ былъ вышепоказанное нами Чаллынское городище. Съ другой стороны можно допустить, что это было то самое мѣсто Чалли или Терберды-Чалли, довольно важное въ Булгаро-казанскомъ магометанствѣ, о которомъ пишетъ въ своей Исторіи этого царства Шерефъ-еддинъ (XVI в). Въ главѣ о знаменитыхъ шейхахъ—проповѣдникахъ магометанства въ Булгарѣ (4)—онъ говоритъ: изъ Булгарскаго племени изъ аула Тербери-Чалли (5) (происходилъ) Идрисъ сынъ Зуль Мугаммеда,—и сказавъ, какое важное занималъ онъ мѣсто и какія оказалъ услуги въ магометанской пропагандѣ, замѣчаетъ: онъ скончался (въ томъ же) Терберди-Чалли. Потомъ говоритъ о двухъ другихъ проповѣдникахъ магометанства: близъ Чалли (родился) въ аулѣ Казанскомъ Ахундъ Шемъ бенъ Иштерекъ, учился въ Багдадѣ

---

(1) Хранятся въ Моск. Вотчинномъ архивѣ подъ № 413.

(2) См. въ Москов. Вотчинномъ архивѣ собраніе таковыхъ книгъ подъ № 618 л. 348.

(3) Карамзина Исторія Гос. Рос., изд. Ейнерлинга, т. VIII прим. 396, слич. Соловьева Исторію Россіи т. VI Москва 1856, стр. 121.

(4) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр. 88. 89 и въ Запискахъ Импер. Археологическаго Общества т. XIII статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 277. 278.

(5) Березинъ при этомъ замѣчаетъ, что въ одной изъ бывшихъ у него рукописей онъ называется то Тербери-Чалли, то Терберди-Чалли, а въ другой вездѣ называется просто Чалли.

и проч.—могила его находится въ Тербери-Чалли у казаковъ (1). Близь Чалли-Терберди въ аулѣ Бердибекъ хана находится могила намѣстника ходжи Хабибъ-Уллы изъ Бухары.

22. Городище Ташъ-Кирменское.

Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Семена Волынскаго 156 (1648) года (2) л. 47 пишется: «въ ясашной деревнѣ Ташъ-Кирменѣ, на рѣкѣ Мешѣ, что *у Татарского старого городища*, за служивыми новокрещены за Елизаркомъ Ивановымъ сыномъ Пареенова и другими 77 десятинъ». Въ жалованной грамотѣ Казанскому Преображенскому монастырю на рыбныя ловли въ Чертыкѣ (большомъ рукавѣ Волги, ниже устья Камы) 1639 г. (3) въ межахъ сихъ ловель значатся сѣнные покосы деревни Епанчины, да деревни Ташъ-Кирменъ Татаръ. Деревня Епанчина стоитъ на большой луговой дорогѣ изъ Казани въ Симбирскъ, при впаденіи Меши въ Каму и сосѣдственна съ помянутымъ Чертыкомъ, слѣдовательно здѣсь надобно искать Ташъ-Кирменское городище. Въ вышепом. Подробной картѣ Россійской имперіи, сост. при Императорскомъ депо, дѣйствительно показана Татарская деревня Ташъ-Кирмень по той же дорогѣ въ 6 верстахъ отъ Епанчина на рѣкѣ Мешѣ (Лаишевскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) и по разсказамъ бывшихъ на мѣстѣ намъ извѣстно, (а путемъ корреспонденціи свѣдѣній добиться мы не могли), что здѣсь доселѣ видны остатки городища.

Въ помянутое возмущеніе (вскорѣ по взятіи Казани) Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ и др. сіи инородцы—Арскіе Татары, побережные (д. б. прикамскіе) и луговые Черемисы въ 1553 году, какъ пишетъ лѣтописецъ, поставили себѣ городъ на Мешѣ въ 70 верстахъ отъ города Казани и землею стѣну насыпали, хотяще тутъ отсидѣтися (т. е. сдѣлавъ насыпь, хотѣли въ ней выдерживать осаду). Отсюда они непрестанно безпокоили горную сторону набѣгами. Но вскорѣ эта Мешенская крѣпость была сожжена и разорена Русскими (4). Нѣтъ сомнѣнія, что эта крѣпость было вышеописанное Ташъ-Кирменское городище на рѣкѣ Мешѣ. Отъ Казани доселѣ считается именно 70 верстъ, и отселѣ мятежникамъ легко было волновать и безпокоить горную сторону или правый берегъ Камы и Волги.

23. Жукотинское городище.

Въ лѣтописяхъ нашихъ неоднократно упоминается Болгарскій городъ Жукотинъ. Первое о немъ извѣстіе встрѣчается въ Никоновой лѣтописи т. III, стр. 216 подъ 6868 (1360) годомъ, именно, что «сего лѣта изъ Великаго Новгорода разбойницы пріидоша въ Жукотинъ и множество Татаръ побиша и богатство ихъ взяша».

---

(1) Особый классъ народа или служилыхъ людей подъ именемъ казаковъ былъ и у Татаръ. Въ Исторіи Гос. Рос. Карамз. т. VIII прим. 396 говорится: переимали многихъ Татаръ и побили ихъ князей, мурзъ, да сотныхъ князей, да лучшихъ казаковъ. Казакъ на Татарскомъ языкѣ значитъ холостякъ.

(2) Въ Московскомъ Вотчинномъ архивѣ подъ № 413.

(3) Въ Москов. архивѣ Министерства Юстиціи отд. I въ грамотахъ по Казани съ городами № 24.

(4) Царственная книга, Спб. 1769, стр. 335, слич. Карамз. Исторію Гос. Рос. VIII, стр. 124. 134.

Это впрочемъ, по сказанію той же лѣтописи, не прошло даромъ: во 1-хъ, въ отмщеніе отъ Татаръ пограблены были *христіане въ Булгаръ на Волгѣ*, во 2-хъ, Жукотинскіе князи жаловались на это разбойничество Ордынскому хану Хидырю,— и сей потребовалъ отъ Русскихъ князей выдачи разбойниковъ, которые и были выданы.—Когда въ 1391 г. отправленный Тохтамышемъ царевичь Бектутъ разорилъ Вятку, перебилъ и плѣнилъ жителей ея: Новгородцы, соединясь съ Устюжанами и другими, всѣ вмѣстѣ въ слѣдующемъ 1392 г. поплыли на судахъ по рѣкѣ Вяткѣ и *Камѣ* въ Болгарію, «и взяша Жукотинъ и Казань и пакы (т. е. далѣе) поидоша на Волгу и пограбиша гостей всѣхъ и тако возвратишася во свояси со многою корыстію и богатствомъ» (тамъ же т. IV стр. 198. 199.). Подобнымъ образомъ въ 1399 г. Вел. Князь Василій Дмитріевичъ, услышавъ о взятіи Болгарами Нижняго Новгорода, отправилъ противъ нихъ брата своего Юрія Дмитріевича; но сей, не нашедши ихъ подъ Нижнимъ, двинулся далѣе въ Болгарскую землю «и взя городъ Болгары Великіе, и градъ Жукотинъ, и градъ Казань и градъ Керменчюкъ (чит. Кременчюкъ) и всю землю ихъ повоева и много Бесерменъ и Татаръ побиша» (Воскрес. лѣтоп. въ Пол. Собраніи Рус. лѣт. т. VII, ч. 2 стр. 72). Наконецъ подъ 1411 г. Никонова лѣтопись (т. V, стр. 36. 37) говоритъ о битвѣ близь нынѣшняго села Лыскова князя Петра Дмитріевича Московскаго съ Нижегородскимъ Даниломъ Борисовичемъ и союзниками его Болгарскими князьями и *Жукотинскимъ*. Этотъ ли самый Жукотинскій князь названъ далѣе царевичемъ Талычею, съ которымъ Данилъ Борисовичъ ограбилъ городъ Владиміръ, неизвѣстно, а скорѣе—иной. За симъ въ лѣтописяхъ о Жукотинѣ вовсе не упоминается. Вѣроятно, въ 1431 г. онъ разоренъ вмѣстѣ съ прочими Болгарскими городами Ѳедоромъ Давидовичемъ Пестрымъ. Въ Никон. лѣтописи объ этомъ походѣ говорится такъ: «тое же весны (6939 г.) Князь Великій Василій Васильевичъ посылалъ ратью на Болгары Воложскія (Волжскія) и *Камскія* князя Ѳедора Давыдовича Пестраго; онъ же шедъ воева ихъ и всю землю ихъ плѣни».

По нѣкоторымъ изъ выписанныхъ мѣстъ можно заключать, что городъ Жукотинъ находился на Камѣ. Но несправедливо Карамзинъ (Ист. Гос. Рос., т. IV прим. 396) въ слѣдъ за Татищевымъ принимаетъ его на устьѣ Камы (1).

Древніе акты ясно указываютъ этотъ городъ на Камѣ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 156 (1648) года (2) л. 121 об. пишется по Нагайской дорогѣ *село Новое Никольское Жукотино тожъ* въ вотчинѣ за Саввою Тимоѳеевымъ сыномъ Аристова, у рѣчки Жукоти. Въ выписи съ межевыхъ

(1) Татищевъ говоритъ: суть же и еще (Болгарскіе) города великіе видимы, яко на устьѣ Камы на луговой сторонѣ Жукотинъ, сказываютъ великіе развалины были, на нагорной сторонѣ ниже Камы верстъ съ пять былъ городъ Ашла (или Ошелъ); въ Симбирскомъ уѣздѣ близь села Ташла на горахъ сказываютъ не малое зданіе города Ташлы, о которомъ въ лѣтописи упоминается (Татищева Исторія Россійская, Москва 1769, кн. I ч. 2, стр. 351). Извѣстія эти, несостоятельныя съ одной стороны, съ другой замѣчательны. Когда Татищевъ при устьѣ Камы указываетъ развалины города: то дѣйствительно здѣсь надобно полагать хотя не Жукотинъ, но другой какой нибудь Болгарской городъ. Ашли или Ошелъ Татищевъ въ другомъ мѣстѣ (кн. 3, стр. 515, прим. 606) опредѣленнѣе полагаетъ ниже устья Камы на правой сторонѣ верстахъ въ семи, котораго остатки видимы и имя въ памяти хранится. Здѣсь нынѣ село Кирельское при устьѣ Кирелки (см. карту городищъ). Дѣйствительно, по сказанію лѣтописи, городъ Ашла долженъ быть на Волгѣ ниже устья Камы (Карамз. Истор. Гос. Росс. III, 107 и прим. 187). Нельзя принять и Симбирскую Ташлу за упоминаемый въ лѣтописи городъ. Но всѣ эти три мѣста, указываемыя Татищевымъ, надобно принять къ свѣдѣнію, тщательнѣе изслѣдовать по актамъ, преданію и остаткамъ или развалинамъ ихъ—и тогда можетъ быть получится хорошій результатъ.

(2) Въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 413.

книгъ, данной Моск. Донскому монастырю въ 194 (1686) году на рыбныя ловли и перевозы по рѣкѣ Камѣ (1), пишется «перевозъ по Камѣ рѣкѣ на большомъ Версутѣ (другой) перевозъ Жукотинскій, а по мѣрѣ отъ перевозу до перевозу 7 верстъ 700 саженъ, а островъ Нагайской данъ къ селу Никольскому Жукотинское тожъ на животинный выпускъ.» Въ отказныхъ книгахъ.., Аристову (2): отказано ему отписное помѣстье Саввы Аристова село Никольское Жукотино тожъ за Камою рѣкою (въ отношеніи къ Казани); близь нея значатся деревня Кривуша Кубердѣева тожъ и Жукотинскій острогъ на рѣчкѣ Жукоткѣ, близъ Камы рѣки. Въ отказныхъ же книгахъ Ив. Змѣеву въ 202 (1694) году (3) читается: «въ помѣстномъ столу 190 (1682) г. написано: дано Ивану Змеову въ Казанскомъ уѣздѣ по Нагайской дорогѣ за Камою рѣкою въ степи пустое дикое поле словетъ Змѣево городище, а Жукотинское тожъ, по Ирыклѣ и по инымъ степнымъ рѣчкамъ,—да противъ того городища на Камѣ рѣкѣ сѣнные покосы Жукотинской островъ.» Изъ всѣхъ этихъ вмѣстѣ взятыхъ выписокъ видно, что древній городъ Жукотинъ, по коему названы означенныя село Никольское, острогъ, островъ и Змѣево городище Жукотинскими, находился на Камѣ съ лѣвой стороны ниже нынѣшняго города Чистополя верстъ шесть. Здѣсь и доселѣ существуетъ село Никольское, Жукотино тожъ; противъ него на другой сторонѣ—рѣчка и деревня Кріуша, на Камѣ—островъ, а село Воскресенское, Змѣево городище тоже, подалѣе отъ нихъ по Камѣ же выше Чистополя версты съ двѣ (4). Отсюда до устьевъ Камы считается еще слишкомъ 70 верстъ.

Въ этой самой мѣстности не путемъ актовъ, а по народному преданію и остаткамъ укрѣпленій, нашелъ и описалъ Жукотинское городище г. Артемьевъ (5). Именно онъ указываетъ Жукотинское городище въ 6 верстахъ отъ города Чистополя внизъ по Камѣ при деревнѣ Донауровкѣ, такъ названной отъ фамиліи владѣльцевъ ея гг. Донауровыхъ, и извѣстной еще подъ другими названіями—Высокаго Городка, Савина Городка и Жукотина. Высокимъ, замѣчаетъ г. Артемьевъ, названо оно, очевидно, по весьма возвышенному положенію своему на крутомъ берегу Камы; Жукотинымъ потому что, какъ говорятъ и окрестные крестьяне, здѣсь былъ въ старину невѣрный (т. е. Болгарскій) городъ Жукотинъ. Почему слыветъ еще Саввинымъ—допытаться онъ не могъ и недоумѣваетъ. Потому же, скажемъ мы, почему нынѣ селеніе называется Донауровкой, т. е., какъ видно изъ вышеприведенныхъ нами актовъ, отъ имени древняго владѣльца его Саввы Аристова, такъ какъ и по фамиліи его близь лежащая деревушка (о коей говоритъ и самъ Артемьевъ) называется Аристовою или городкомъ. По фамиліи древнихъ же владѣтелей Змѣевыхъ вышепомянутое смежное и сюда же относящееся селеніе названо Зміевымъ или Жукотинскимъ городищемъ.

«Деревня Донауровка, говоритъ г. Артемьевъ, расположена по берегу ручья, именующагося Каменнымъ мостомъ, потому что изъ беретовъ его добываютъ камень, а можетъ быть потому, что былъ когда нибудь черезъ него перекинутъ каменный мостъ.

---

(2) Въ Отдѣленіи грамотъ и старыхъ дѣлъ въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи между грамотами по Казани съ городами № 127.

(2) Въ Моск. Вотчинномъ архивѣ отказныя книги по Казани съ городами, книга 3, въ ней № 62.

(3) Тамъ же отказная книга 10, въ ней № 39.

(4) См. все это въ вышепом. Подробной картѣ Рос. имперіи, и на нашей картѣ городищъ.

(5) См. въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1851, Янв. кн. 1, статью: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ.

Въ полуверстѣ отъ деревни, съ сѣверной ея стороны, находится самое «городище». Оно расположено на высокомъ, крутомъ мысѣ, образуемомъ съ сѣвера Камою, а съ запада ручьемъ Каменный мостъ. Обѣ эти стороны обрыты, а съ сѣвера даже сдѣланъ небольшой ровъ. Съ востока и юга городище обведено тремя валами, изъ которыхъ средній—самый высокій. Валы образуютъ неправильный полукругъ, восточная половина котораго или, правильнѣе, юговосточный уголъ, раздѣлена на четыре отдѣльныя части. Два изъ этихъ разрывовъ, проходящіе черезъ всѣ три вала, какъ видно, служили воротами, сообщали крѣпость съ предмѣстіями; потому что съ восточной стороны и частію съ южной замѣтны признаки бывшихъ строеній: попадаются кирпичи, черепки, куски перегнившаго дерева. Самыя большія ворота, лучше другихъ сохранившіяся, находятся почти посрединѣ полукруга валовъ, въ юговосточномъ углу городища. Валы и рвы болѣе двухъ саженъ шириною. Болѣе трехъ четвертей, кромѣ сѣверозападнаго угла, городище распахано. На всѣхъ мѣстахъ выпахиваются кирпичи и черепки, но болѣе въ углу сѣверовосточномъ. Здѣсь находятся также и куски перетопившагося стекла и обгорѣлые камни, что̀ заставляетъ предполагать, что разрушеніе города произведено было также огнемъ. Признаки дѣйствія огня видны и со внѣшней стороны валовъ... Противъ городища, на другомъ берегу ручья, находилось кладбище или,—какъ принято въ Казанской губерніи называть по-татарски,—мазарка. На немъ еще въ недавнее время стояли надгробные камни: нынѣ нѣтъ ни одного, потому что ихъ растаскали окрестные крестьяне на каменки и подъ фундаментъ, остальные же увезены Татарами, которые всегда свято чтутъ мѣста погребенія предковъ. Ручей называется Каменнымъ мостомъ можетъ быть отъ того, что кладбище и дѣйствительно соединено было съ городомъ посредствомъ каменнаго моста,—перенесеніе умершихъ съ одного берега на другой по такимъ обрывистымъ крутизнамъ было невозможно безъ моста.—Верстахъ въ двухъ ниже городища, продолжаетъ г. Артемьевъ, по скату берега раскинута деревня гг. Аристовыхъ—Городокъ, названная такъ, безъ сомнѣнія, по ея близости къ Жукотинскому городищу». Наконецъ въ примѣчаніи говоритъ о находкахъ здѣсь монетъ и между ними Куфическихъ. Съ своей стороны къ этому прибавимъ, что и въ нашемъ собственномъ владѣніи имѣются три Татарскія монеты, найденныя на этомъ Жукотинскомъ городищѣ. Одна изъ нихъ серебряная времени хана Узбека (1315—1340 г.), другая мѣдная — хана Хизыря или Хидыря (полов. XIV в.), третія мѣдная же—пуло Татарское, бита въ новомъ Сараѣ. Не зная подробно мѣстности, полагаемъ, что описанное г. Артемьевымъ городище при деревнѣ Донауровкѣ соотвѣтствуетъ въ вышеприведенной Аристову выписи Жукотинскому острогу на рѣчкѣ малой Жукоткѣ, теперь слывущей подъ именемъ Каменнаго ключа. Что касается до Змѣева городища, находящагося отселѣ верстахъ въ семи и болѣе: то какъ и оно въ актѣ называется Жукотинскимъ, надобно думать, что и оно относилось къ Жукотинскимъ укрѣпленіямъ, составляя можетъ быть предмѣстіе или цитадель города.

24. Елабужское Чертово городище.

Вятской губерніи, близъ уѣзднаго города Елабуги, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ него на высокой горѣ (25 отвѣсныхъ саженъ отъ подошвы) при Камѣ, находят-

ся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Чертова городища (см. карту городищъ). О немъ мы имѣемъ извѣстія лѣтописей Татарскихъ и Русскихъ и письменные документы: изъ первыхъ во всякомъ случаѣ видна древность городища. Шерефъ-еддинъ, бенъ Хисамъ-еддинъ, Булгарскій писатель, жившій въ половинѣ XVI в., въ книгѣ своей «Булгарская лѣтопись», говоря о проповѣдникахъ магометанства между этими Булгарами, вотъ что пишетъ о началѣ и судьбѣ Елабужскаго городища: «съ сѣверной стороны отъ рѣки Бѣлой (1) на устьѣ рѣки Туймы (2), вышелъ изъ *Суддума* то есть Алабуги (Суддумъ на *Юнанскомъ* языкѣ значитъ Алабуга, т. е. рыба—окунь: это былъ большой городъ, его основалъ Искандеръ Зуль-карнейнъ; нынѣ онъ точно также, какъ и Булгаръ, разоренъ Аксакъ-Тимуромъ). Изъ этого (говорю) города вышелъ Акбашъ-ходжа, одинъ изъ величайшихъ Булгарскихъ послѣдователей (т. е. Магомета), отличавшійся превосходнымъ знаніемъ Корана». И въ послѣдней главѣ о могилахъ знаменитыхъ шейховъ въ Булгарѣ сказано: въ Алабугѣ находится гробъ Амлянъ-ходжи (3). Въ этой выпискѣ изъ лѣтописи два курсивомъ набранныя слова: Суддумъ и Юнанскій, представляющія особенную важность, мы привели по Татарскому подлиннику. Первое гг. Березинъ и Вельяминовъ-Зерновъ, намъ кажется, несправедливо приняли за Содомъ. Магометанамъ Содомъ не былъ хорошо извѣстенъ и съ Еврейскаго отнюдь не означалъ какую нибудь рыбу, а сожженіе (4). Вмѣсто: на Юнанскомъ—тѣ же гг. Березинъ и Вельяминовъ-Зерновъ поставили — на *Греческомъ* языкѣ. Хотя извѣстно, что Юнанами Восточные народы дѣйствительно называютъ Грековъ (5), но на Греческомъ языкѣ рыба окунь отнюдь не называется суддумъ и никакого такого или подобозвучнаго слова тамъ нѣтъ. Потому, оставивъ Юнанскій безъ перевода, мы предоставляемъ филологамъ рѣшить, какой народъ или племя разумѣется здѣсь подъ Юнанами, о коихъ и впереди еще будетъ рѣчь. Основаніе города приписывается Искандеру Зуль-карнейну, т. е. Искандеру Двурогому. Такъ восточные народы называютъ завоевателя вселенной Александра Македонскаго (6). Ему они имѣютъ обыкновеніе приписывать построеніе древнихъ и важныхъ городовъ, начало коихъ теряется во мракѣ временъ. Указаніе на Александра Македонскаго во всякомъ случаѣ показываетъ древность Елабуги (7). Въ

(1) Бѣлою рѣкою Татары называютъ не только р. Бѣлую (въ Уфимской губерніи), но и р. Каму. Здѣсь именно разумѣется послѣдняя, когда и выше за нѣсколько передъ симъ строкъ сказано, что рѣка Икъ (впадающая въ Каму) вливается въ рѣку Бѣлую, и ниже, въ слѣдъ за симъ, находящаяся близь гор. Мензелинска (Уфим. губ.) Татарская деревня Мелекесъ представляется на восточной сторонѣ этой же рѣки Бѣлой, очевидно Камы. (См. карту городищъ).

(2) Близь которой стоитъ городъ Елабуга.

(3) См. г. Березина Булгаръ на Волгѣ (Казань 1853), стр. 82—90 и въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества т. XIII (С.-Петербургъ 1859) статью г. Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 270.

(4) Lexicon manuale Hebraicum et Chaldaicum Gesenii, Lipsiae 1833, p. 704. sub v. סדם

(5) Herbelot Orientalische Bibliothek, Halle 1787, II, 859.

(6) См. Herbelot Orient. Bibl. II, 319 Eskander.—Рогъ въ древности служилъ символомъ власти и силы; потому и нѣкоторые боги языческіе изображались съ рогами. Александръ Македонскій, выдавая себя за сына бога Аммона, велѣлъ скульпторамъ изображать себя съ двумя рогами (Clemens Alex. in Protreptico cap. IV § 54), и на монетахъ какъ онъ, такъ и преемники его дѣйствительно изображаются двурогими.

(7) Кстати здѣсь замѣтимъ другое мнѣніе, по которому Елабугѣ усвояется еще бо́льшая древность. Нѣкоторые думаютъ, что упоминаемый у Геродота городъ Гелонъ, до котораго Персидскій царь Дарій Истаспъ (за 512 лѣтъ до Рожд. Христова) гнался за Скиѳами и сжегъ оный, былъ именно городъ Елабуга. (Землеописаніе Россійской имперіи Зябловскаго, Спб. 1810, т. 4, стр. 88, Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи, изд. 2-е, Спб.

другомъ мѣстѣ той же Татарской лѣтописи Шерефъ-еддина Булгарскаго ([1]), въ рѣчи о завоеваніяхъ Тамерлана, хотя довольно искаженныхъ анахронизмами и другими сбивчивостями, о Елабужскомъ городищѣ говорится: «изъ Казани (т. е. изъ Булгара) Тимуръ пришелъ въ Суддумъ (и здѣсь слово это несправедливо переведено: Содомъ) то есть городъ Елабугу. Въ то время въ Суддумѣ ханомъ былъ Иль-бакши, сынъ Уразъ-бакши хана. Этотъ ханъ не зналъ никакой вѣры и религіи; эмиръ Тимуръ обращалъ его въ исламъ, но они не согласились. Упомянутый Суддумъ былъ небольшой городокъ; его также Тимуръ обратилъ въ прахъ, и, приказавъ разломать ворота, бросилъ ихъ въ Каму, жителей же взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ разогналъ всѣхъ по разнымъ странамъ свѣта. *За тѣмъ онъ посѣтилъ могилы послѣдователей* (Магомета), *находящіяся на устьѣ Туймы*. Оттуда, переправясь черезъ рѣку (Каму) и остановившись въ деревнѣ Мялкасъ ([2]), онъ поклонился послѣдователямъ (т. е. Магомета же)». Къ этому мы прибавляемъ еще слѣдующій отрывокъ изъ другой, или въ другой редакціи той же Татарской лѣтописи, составленной въ 992 году гиджры (отъ Р. Х. 1584) и найденной у Татаръ Елабужскаго уѣзда. Отрывокъ сей мы сообщаемъ въ переводѣ одного тамошняго муллы, не ручаясь вполнѣ за переводъ, равно какъ и за самыя извѣстія. «Сафіулла, говорится здѣсь, происходилъ изъ *Касура*, онъ былъ изъ бабаларъ (т. е. учитель мусульманскій), на 36-мъ году возраста своего переѣхалъ жить въ городъ Самаркандъ въ Бухару, и тамъ прожилъ еще 90 лѣтъ и умеръ въ Самаркандѣ. Это племя Касуръ называлось тогда *Юнанами*. А на Юнанскомъ языкѣ Сюддумъ означаетъ рыбу окуня, которая на Татарскомъ языкѣ называется Алабуга-балыкъ, означающее рыбу окуня. Въ то время, когда Сафіулла доживалъ остатки дней своихъ въ Самаркандѣ, тогда царствовалъ (гдѣ?) первый султанъ Альгарфимъ и потомъ Хуча Ахметъ Сеитъ, и еще Хуча такой-то и еще Хуча такіе-то. Въ Елабугѣ жителей какое количество было, неизвѣстно, но домовъ было 520. Первый царь въ Елабугѣ былъ Айдаръ, *изъ Черемисъ*, у котораго была больная дочь Туйбика ([3]). Для проповѣданія магометанской вѣры (тогда же или послѣ?) завоеватель Константинополя Магометъ 2-й прислалъ въ Елабугу трехъ проповѣдниковъ магометанской вѣры». Сперва замѣтимъ на этотъ отрывокъ, что извѣстія въ немъ о числѣ домовъ (520) въ Елабугѣ и первомъ царѣ ея Айдарѣ съ больною дочерью Туйбикой, равно какъ о трехъ проповѣдникахъ ислама (только не отъ Магомета 2-го, а отъ самого лжепророка Магомета) въ вышепомянутой лѣтописи Шерефъ-еддина относятся къ Булгару на Волгѣ, столицѣ здѣшнихъ Булгаръ ([4]). Равно

1818, часть 2, стр. 73, Вятская исторія Вештомова, отпечатанная въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825. 26 и 27 г., см. гл. 11). Мнѣніе это совершенно ложно. Будины и Гелоны, коимъ принадлежалъ означенный городъ Гелонъ, сожженный Даріемъ Истаспомъ, по изложенію Геродота жили въ южной полосѣ Россіи, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Кіевской и Волынской (См. Skythien und Skythen des Herodot, von Dr. Lindner, Stuttgard 1841, S. 165. 183. 222—223 Karte 1 Skythien nach Herodot, также въ Запискахъ Одесскаго Археологическаго Общества т. 1: Геродотова Скиѳія стр. 92. 93).

(1) Отрывки изъ нея помѣщены въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. въ № 45-мъ.

(2) Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи) верстахъ въ 10-ти отъ Елабуги деревня Мелекесъ. См. въ Запискахъ Археологическаго Общества вышепом. статью г. Вельяминова-Зернова стр. 270 прим. 17. Упоминается и въ отводныхъ книгахъ Елабужскихъ 1627 г. Деревню эту см. на картѣ городищъ.

(3) По исторіи о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI ст. (Спб. 1791) гл. 1 еще задолго до Батыя Болгарскіе князи-варвары владѣли поганымъ языкомъ *Черемисскимъ*, незнающимъ Бога и никоегоже закона не имущимъ.

(4) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр. 78—80.

и вышепомянутый Касуръ по другимъ Татарскимъ лѣтописямъ (1) не племя какое нибудь, а шахъ Самаркандскій, 90 лѣтъ прожившій въ Самаркандѣ, считается основателемъ этого же Волжскаго Булгара. Такая компиляція и смѣшеніе одного города съ другимъ подрываютъ достовѣрность настоящаго отрывка. Не смотря на это, отрывокъ возбуждаетъ серьезные вопросы. Во 1-хъ, о племени Касуръ, называвшемся тогда Юнанами: что это было за племя, о которомъ говоритъ и Шерефъ-еддинъ въ вышепомянутомъ мѣстѣ о Елабугѣ?—во всякомъ случаѣ отсюда видно, что это были не Греки. Далѣе изъ отрывка видно, что первоначальное названіе Елабуги Сюддумъ взято изъ языка этого Юнанскаго племени и означало на немъ рыбу окуня. Думая, что это слово изъ Финскаго или Чудскаго языка, мы спрашивали о семъ г. Тизенгаузена и, чрезъ одолжительное посредство его, г. Европеуса и другихъ нашихъ филологовъ, но получили отрицательный отвѣтъ, что тамъ нѣтъ такого слова.

Изъ Русскихъ лѣтописей о Чертовомъ городищѣ Елабужскомъ нѣкоторые указываютъ на то мѣсто, гдѣ говорится о взятіи Андреемъ Боголюбскимъ Болгарскаго города Бряхимова въ походъ 1164 г., разумѣя подъ этимъ Бряхимовымъ Елабугу. См. Воскресенскую и Никоновскую лѣтописи (въ Полномъ собраніи лѣтописей т. 7. стр. 77; т. 9. стр. 230 подъ 1160 г.), Лѣтописецъ Переславля Сузд., относящійся къ началу XIII в. и изданный кн. Оболенскимъ (Моск. 1851, стр. 75), Степенную книгу (Москва 1775, ч. I стр. 299), вышепомянутую исторію о Казанскомъ царствѣ — неизвѣстнаго (Спб. 1791, гл. I. стр. 4). Исторіографъ Миллеръ, отличая этотъ Бряхимовъ отъ Булгара на Волгѣ и производя названіе его отъ жившаго въ немъ Болгарскаго князя Ибрагима (слич. ниже Переяславскій лѣтописецъ), справедливо полагалъ его на Камѣ (2). А вышепомянутый авторъ Вятской исторіи Вештомовъ въ гл. 11 подъ Бряхимовымъ опредѣлительно указалъ Чертово Елабужское городище, что̀ приняли и нѣкоторые другіе (3). Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что изъ вышеозначенныхъ лѣтописей Никоновская, Степенная книга и Исторія царства Казанскаго, также Древній лѣтописецъ (Спб. 1775, ч. 2. стр. 251) Бряхимовъ прямо указываютъ на р. Камѣ (4). Тамъ же поставляютъ оный и многіе списки и изданія Прологовъ, равно и Четь-Минеи въ древнемъ сказаніи на празднество 1 Августа, учрежденное вслѣдствіе вышепоказанной побѣды Боголюбскаго надъ Болгарами и въ одно съ нею время Греческаго царя Мануила надъ Сарацинами. Таковое сказаніе, нач. Вѣдѣти есть осемъ намъ възлюбленная братіа, читается Синод. библіотеки въ Макаріевской Четь-Минеѣ за Августъ № 183 л. 14, и въ Успенскомъ экземплярѣ № 997 л. 11., въ Чудовской Четь-Минеѣ за Августъ № 317, 1600 г., л. 15 об., въ Прологахъ Синодальной типографіи № 1472 (общій) XVI—XVII в. на л. 411, Синод. библіотеки № 241 правленный XVII в., л. 861, въ старопечатныхъ Прологахъ 1643 (вмѣсто на Камѣ здѣсь напечатано: на камени) 1677 г. и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ доселѣ, въ Сбор-

---

(1) См. въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, изд. Плюшара, ч. 7 стр. 293: Булгаръ.

(2) См. его сочиненіе О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ, перев. съ Нѣмецкаго Ив. Долинскій, Спб. 1773, стр. 55. 56.

(3) См. въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1847 г. № 1—3 статью свящ. Кулыгинскаго: О мѣстѣ чудеснаго явленія, празднуемаго св. Церковію 1 Августа.

(4) Въ Исторіи Казанскаго царства въ самомъ текстѣ мѣсто это испорчено, а правильное показано въ примѣчаніи: «Большіе же Болгары на Дунаѣ. Тутъ же былъ на Камѣ (такъ обыкновенно читается въ спискахъ, а не на Кале, какъ напечатано) и градъ старый Бряховъ Болгарскій, нынѣ же градище пустое».

никѣ Синод. библіотеки № 556 XVI в. л. 426 об. По конечнымъ словамъ своимъ «азъ же написахъ ти се повелѣніемъ царя Мануила» означенное сказаніе признается очень древнимъ, переведеннымъ отчасти съ Греческаго и, можетъ быть, современнымъ самому событію, такъ какъ и самое празднество въ воспоминаніе той побѣды Боголюбскаго, ознаменованной особымъ чудомъ отъ иконы Господа Вседержителя, несомнѣнно совершалось уже въ XII вѣкѣ (1). Въ сказаніи говорится: и шедше взяша 4 городы Болгарскіе, пятый Бряхимовъ *на Камѣ*. Въ лѣтописяхъ же читается—въ Никоновой: идоша на Болгары Воложскіа и *Камскіа* и поможе имъ Богъ и пречистая Богородица, и избиша множество Измаильтянъ. Въ Никоновой, Воскресенской и Переславской: а князь ихъ (Воскр. и Пересл. Болгарскій) едва утече съ малою дружиною (до Великаго города, прибавлено въ Воскрес. и Пересл.—то есть Булгара на Волгѣ). Въ Воскресенской же и Переславской: князь же Андрей (съ этой погони) воротися съ побѣдою (къ своимъ въ станъ): и падше вси поклонишася святѣй Богородицѣ. Воскресенская, Никоновская и Переславская: и шедше (послѣ сего) взяша градъ ихъ славный Бряхимовъ (Пересл. Ибрахымовъ) *на Камѣ* (въ Воскрес. и Пересл. на Камѣ нѣтъ), а предніи (Пересл. переди, Воскрес. друзіи) городы ихъ пожгоша. Въ Степенной книгѣ, равно и въ вышепомянутомъ древнемъ сказаніи объ этомъ опредѣленнѣе: и поидоша въ путь и четыре града взяша и пятый градъ ихъ славный Бряхимовъ взяша, иже на Камѣ. Изъ этого сличенія лѣтописей между собою и съ древнимъ сказаніемъ дѣло оказывается такъ: когда князь Болгарскій укрылся въ главномъ своемъ, великомъ и укрѣпленномъ городѣ, то Русскіе, оставя его тамъ съ малою дружиною и простирая, какъ говоритъ Щербатовъ (2), свои завоеванія, вошли внутрь ихъ страны—Камской Болгаріи, здѣсь три ихъ города (предніе по Ник. лѣт.) сожгли и знатный ихъ градъ Бряхимовъ взяли. Если они, какъ видно, отъ Булгара шли пѣши Камской Болгаріей, направляясь къ Камѣ: то на этомъ пути передъ Бряхимовымъ-Елабугой доселѣ видны остатки нѣсколькихъ, можетъ быть, тогдашнихъ еще городовъ, которые и могли они взять: городище Куларово близь гор. Спасска, пригородъ Билярскъ (знатный Болг. городъ), городище Никитино на р. Изгари и Жукотино близь Чистополя на Камѣ, отсюда могли они пересѣсть въ лодки и взять на Камѣ же городъ Бряхимовъ (см. карту городищъ). Эпитетъ *славнаго* города также приличествовалъ Елабужскому городищу, судя по вышеприведеннымъ Татарскимъ о немъ извѣстіямъ. Обратимъ еще вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ (Прологъ 1643 г., Исторія царства Казанскаго) Бряхимовъ вмѣсто Камы полагается *на Камени*. Это кажется намъ не ошибкою, а другимъ опредѣленіемъ мѣстности, подтверждающимъ наше разумѣніе подъ Бряхимовымъ Елабужскаго Чертова городища. Впослѣдствіи бывшій здѣсь Троицкій монастырь (о коемъ скажемъ ниже), въ древнихъ актахъ обыкновенно писался Троицкимъ монастыремъ или пустыней *въ Каменномъ* городищѣ, или монастыремъ *Каменнаго* городища, что на Елабугѣ (3). Что такое названіе дано монастырю не отъ каменнаго только строенія на городищѣ, а и отъ самой мѣстности, видно изъ слѣдующаго мѣста оброчной грамоты на рыбныя ловли 1616 г. (4): дали живоначальныя

(1) См. преосв. Макарія Исторію Русской Церкви т. 3, Спб. 1857, стр. 80 и прим. 178.
(2) Исторія Россійская, Спб. 1781, стр. 289.
(3) См. ниже данную монастырю грамоту 1638 г., дозорныя книги 1619 г. и др.
(4) См. и о ней ниже.

Троицы Каменного городища игумену Іонѣ рыбныя ловли по Камѣ рѣкѣ повыше *каменныхъ горъ* въ Кривой волошкѣ. Гора, на которой стоитъ Чертово городище, доселѣ обилуетъ огромными дикими камнями, которые жители употребляютъ на фундаменты домовъ. Поэтому Бряхимовъ, лежащій на Камѣ, можно было писать съ одинаковою вѣрностію *на Камени*,—и послѣднее прямо указывало на Елабужское городище (1). Далѣе г. Вештомовъ этотъ самый Бряхимовъ считаетъ резиденціей первыхъ хановъ Золотой орды—Батыя и его преемниковъ. Онъ говоритъ (Вятской Исторіи въ гл. 11-й): Ордынскій ханъ Саинъ, первый послѣ Батыя (2) около 1250 года построилъ городъ Казань, который отъ имени его Саиновъ юртъ именовался; и любя онъ сіе мѣсто для великой его выгоды *жилъ вмѣсто Болгарскаго города Бряхимова*, что нынѣ именуется Чортово городище при рѣкѣ Камѣ, отъ города Елабуги въ одной верстѣ. О построеніи означеннымъ Саиномъ старой Казани, подъ имѣнемъ Саинова юрта, и о пребываніи его въ тѣхъ и смежныхъ странахъ говоритъ вышепомянутый неизвѣстный писатель Исторіи царства Казанскаго стр. 9—11. А о томъ, что Казань сдѣлалась столицею вмѣсто Бряхимова, Болгарскаго города, задолго до Вештомова писалъ Дм. Зиновьевъ (3). Замѣтимъ однакожѐ, что у того и другаго, какъ намъ кажется, смѣшивается въ этомъ извѣстіи съ Бряхимовымъ извѣстный Булгаръ на Волгѣ, служившій лѣтнею резиденціею Золото-ордынскихъ повелителей, начиная съ Батыя (4).

Но прямо и опредѣленно говоритъ о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ, какъ о древнемъ Болгарскомъ городѣ, вышепоказанная лѣтопись XVI вѣка. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, изд. въ Спб. 1791 г., священникъ Іоаннъ Глазатый или кто другой, 20 лѣтъ прожившій въ плѣну въ Казани до взятія ея Грознымъ, въ 34-й главѣ (стр. 127) о Елабужскомъ городищѣ пишетъ слѣдующее: «къ сему же и се иное знаменіе при мнѣ же бысть. Еще бо ми тогда живущу въ Казани, бѣ въ нѣкоемъ улусѣ Казанскомъ градецъ малъ (въ варіантахъ: пустъ), на брезѣ высоцѣ Камы рѣки стоя, егоже Русь именуютъ *Бѣсовское городище*, въ немъже живяше бѣсъ, мечты творя отъ многихъ лѣтъ. И бѣ той градецъ еще *старыхъ Болгаръ* молбище жертвенное, и схожахуся людіе мнози со всея земли Казанскія варвары и Черемиса, мужи и жены, жруще бѣсу и о полезныхъ вопрошающе». Посему, продолжаетъ за симъ авторъ Исторіи, и извѣстная царица Казанская Сююнбека, имѣя войну съ Московскимъ царемъ, послала въ этотъ градецъ спросить прорицалище объ успѣхѣ ея. Бѣсъ послѣ десятидневнаго моленія и поста посланныхъ отъ нея и мѣстныхъ жрецовъ наконецъ открылъ, что онъ долженъ навсегда удалиться отъ этого

---

(1) Каменный хребетъ Уральскихъ горъ въ древнихъ актахъ также назывался Каменемъ: «отъ Печоры шли воеводы до Камени» (Уральскихъ горъ), см. Записки Русскаго Географическаго Общества т. VI, Спб. 1852, стр. 248. Слич. еще старинное названіе Вологодскаго монастыря «Спасъ на Каменномъ».

(2) Или самъ Батый, см. Карамзина Исторію Гос. Рос. т. 5. стр. 25.

(3) Топографическое описаніе города Казани, Дм. Зиновьева, Москва 1788, стр. 4.

(4) Бряхимовъ полагали на Камѣ и Стриттеръ (Исторія Государства Россійскаго, Спб. 1800, т. 1, стр. 380) Карамзинъ (Истор. Гос. Рос., т. 2 стр. 182) и другіе. Голиковъ (Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Вел. XVIII, 283) и Зябловскій (Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи, Спб. 1807, ч. 2 стр. 139), принимали его, но несправедливо, за одно съ главнымъ городомъ Волжскихъ Булгаръ Булгаромъ на Волгѣ. Татищевъ (Исторія Россійская кн. 3, Москва 1774, стр. 144 и прим. 489) и Императрица Екатерина II (Записки касательно рос. исторіи, Спб. 1801, ч. 3, стр. 14) еще страннѣе Бряхимовъ полагали на мѣстѣ нынѣшняго города Василя Сурскаго, при впаденіи Суры въ Волгу.

мѣста, будучи прогнанъ силою Христовою, что отселѣ здѣсь воцарится христіанство,— и самъ дѣйствительно съ великимъ дымомъ въ видѣ огненнаго змія полетѣлъ на западъ, «всѣмъ намъ стоящимъ и чудящимся, и невидимъ бысть отъ очію нашею». Это мѣсто очевидца, такъ передающаго, объясняетъ и наименованіе городища *Чертовымъ*, наименованіе, данное ему уже Русскими и въ позднее время—по библейскому представленію въ языческомъ прорицалишѣ или идолѣ бѣса (Второзак. 32, 17. Псал. 105, 37. 1 Кор. 10, 20). Съ другой стороны это наименованіе могло произойти, при неизвѣстности первоначальныхъ строителей городища, и отъ оригинальной кладки его зданій. Взгроможденіе дикихъ огромныхъ камней въ натуральномъ ихъ видѣ, кое-какъ скрѣпленныхъ цементомъ, въ странѣ язычества или магометанства Русская фантазія легко могла приписать нечистой силѣ, какъ она приписывала ей безобразныя береговыя рытвины, вообще ложбины и т. д. (отсюда названіе: черторыя, и выраженіе: у чорта на кулижкахъ) (1). Хотя же повѣствователь это Чертово городище и во времена старыхъ Болгаръ назвалъ только жертвеннымъ мольбищемъ: но слова его, относясь къ болѣе или менѣе близкому для него времени, не исключаютъ того, что въ отдаленной древности былъ здѣсь знатный и большой городъ, отъ котораго превратностями судьбы остался теперь только «градецъ малый и пустый» съ знаменитымъ капищемъ.

По покореніи царства Казанскаго, когда эти мѣста заняты были Русскими, на мѣстѣ Елабужскаго Чертова городища является иноческая обитель. Г. Рычковъ по преданію туземцевъ пишетъ, что сей монастырь былъ построенъ самимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ то время, когда взялъ онъ городъ Казань и вознамѣрился рѣкою Камою ѣхать до города Соликамска, но, доѣхавъ до мѣста, гдѣ нынѣ Елабуга, заболѣлъ и для сего принужденъ былъ оставить предпринятое путешествіе. Начало пригородка (Елабуги) считаютъ съ того времени, продолжаетъ Рычковъ, и есть тутъ церковь, построенная имъ (царемъ) во дни его въ немъ пребыванія. Сей монастырь такимъ образомъ Рычковъ считаетъ первымъ, который царь Иванъ Васильевичъ воздвигнулъ въ знакъ благодарности къ Богу за множество побѣдъ, одержанныхъ въ сей странѣ (2). Здѣсь, во 1-хъ весьма сомнительно, чтобы не сказать болѣе, самое преданіе о путешествіи Іоанна IV въ Соликамскъ. По Царственной книгѣ (Спб. 1769, стр. 315—317) и Исторіи Карамзина (т. 8 стр. 114—117) все пребываніе Іоанна въ Казани ограничивалось десятью днями 2—11 Октября, послѣ чего по Волгѣ онъ отправился прямо въ Москву. Во 2-хъ, основаніе села Тресвятскаго (какъ первоначально называлась Елабуга) и Покровской въ немъ церкви точно относилось ко времени Іоанна и болѣе или менѣе ко взятію Казани, но нельзя этого сказать о Троицкомъ монастырѣ на Чертовомъ городищѣ. По прямымъ документамъ онъ построенъ уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ около 1614 года. Въ грамотѣ, данной

---

(1) Извѣстны еще два другія также называемыя Чертова городища: одно Уфимской губ., въ 3 верстахъ отъ самой Уфы, а не отъ Бирска, какъ сказано въ Описаніи его у Щекатова въ Географическомъ Словарѣ (Москва 1800, ч. 7 стр. 141, слич. описаніе его же въ Заволжскомъ Муравьѣ 1834 № 11 стр. 158 и слѣд. проф. Ердмана), другое Чертово городище—въ Рязанской губ. близь города Пронска, описанное Воздвиженскимъ въ Вѣстникѣ Европы ч. 126. № 21 стр. 74. На Онежскомъ озерѣ есть два мыса, называемые Бѣсомъ и Бѣсихою отъ того, что на нихъ, по народному суевѣрію, якобы жилъ нѣкогда бѣсъ съ бѣсихою. См. въ Запискахъ Рус. Географ. Общества кн. XII О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей стр. 136.

(2) Журналъ или Дневныя Записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 г., Спб. 1770, стр. 48. 49.

этому монастырю на за-камскую землю и угодья 1638 г. говорится: въ прошломъ 145 (1637) году били челомъ Государю живоначальныя Троицы Каменнаго городища, что на Елабугѣ, келарь старецъ Моисей съ братьею, а сказалъ: въ прошломъ де во 124 (1616) году поставили они въ томъ Каменномъ городищѣ монастырь, и въ томъ-де монастырѣ устроили двѣ церкви во имя живоначальные Троицы да Сшествіе Святаго Духа, и у тое-де пустыни земли мало, питаться имъ въ той пустынѣ нечѣмъ (1). Изъ сличенія съ другими актами видно, что здѣсь говорится только объ окончательной постройкѣ монастыря и церквей его въ 1616 г. Самое же начало ему положено года за два предъ симъ или немного болѣе строителемъ *Іоною*, бывшимъ до того казначеемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря. Этому строителю Елабужскаго монастыря іеромонаху Іонѣ въ 122 (1614) году на содержаніе монастыря дана была пустошь на рѣчкѣ Анзиркѣ въ 30 верстахъ отъ Елабуги, а въ 124 (1616) году, когда отстроенъ былъ монастырь съ церквами, по челобитью того же строителя Іоны пожалованы были ему на церковныя потребы (на темьянъ и на вино церковное) безоброчно смежныя съ монастыремъ рыбныя ловли по рѣкѣ Камѣ повыше Каменныхъ горъ въ Кривой волошкѣ до Чертовыхъ горъ (на коихъ стояло городище) съ прибрежными озерками и заводками. Въ слѣдующемъ 1617 году монашествующіе въ означенной волошкѣ на устьѣ рѣчки Танайки распахали пашню и для своей нужны поставили дворъ и мельницу и просили эту пашню и строеніе оставить за ними, а первоначально пожалованную пустошь Анзирскую, по отдаленности ея отъ монастыря, отписать на Великаго Государя, что̀ по царской грамотѣ и было имъ дозволено въ 1619 году. При повальномъ обыскѣ и дозорѣ оказалось въ означенномъ мѣстѣ пустоши поросшей березникомъ десятинъ съ 12-ть, на устьѣ Танайки поставленныхъ отъ монастыря семь дворовъ, сѣнныхъ покосовъ отсюда по Камѣ рѣкѣ копенъ на 500, чернаго лѣсу вдоль верстъ на 10, поперегъ на 4 (2). Что касается до строителя монастыря старца Іоны: то въ 1659 г. игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Герасимъ, называя этого старца того Богоявленскаго монастыря казначеемъ старцемъ *Іоною Зеленымъ*, писалъ, что онъ строилъ Елабужскій Троицкій монастырь ихъ Богоявленскаго монастыря казною, и потому игум. Герасимъ изъявлялъ теперь свои притязанія на Троицкій монастырь, но братія этого монастыря вопреки ему неоднократно писали, что̀ Елабужскій Троицкій монастырь старецъ Іона строилъ сборными и вкладчиковыми да прикладными деньгами, а не ихъ Богоявленскою казною (3). Какимъ образомъ явился близь Елабуги и по какому поводу сталъ строить здѣсь иноческую обитель Костромскаго Богоявленскаго монастыря казначей Іона, можно объяснить, кажется, тѣмъ, что Богоявленскій монастырь около Елабуги имѣлъ свои владѣнія, и казначей, можетъ быть, хотѣлъ распространить ихъ, или съ другими цѣлями образовать особую обитель построеніемъ пустыни на

(1) См. въ Московскомъ Государственномъ архивѣ въ Отдѣленіи 1-мъ старыхъ дѣлъ грамоты по Казани съ городами № 53 данная Елабужскому Троицкому монастырю на пустопорожнюю землю и рыбныя ловли за р. Камою 1638 г.

(2) См. въ Москов. Государственномъ архивѣ въ Вотчинномъ отдѣленіи № 410 (общій) переписныя книги по Казани съ городами л. 1336 книги дозорныя монастырской землѣ, что на Елабугѣ Каменнаго городища 127 г. Истомы Хвостова, въ Отдѣленіи старыхъ дѣлъ—грамоты по Казани съ городами № 37-й оброчная грамота Елабужскому Троицкому монастырю на рыбныя ловли 1616 г. Авг. 5.

(3) См. въ Моск. Госуд. архивѣ Отд. 1-е старыхъ дѣлъ въ грамотахъ по Казани съ городами № 149 владѣная выпись Казанскому митрополиту Маркеллу на Елабужскій Троицкій монастырь 1692 г.

Чертовомъ городищѣ. По крайней мѣрѣ въ описяхъ мы встрѣчали 164 (1655) Нояб. владѣную выпись Костромскаго Богоявленскаго монастыря игумену Герасиму на землю по рѣкѣ Камѣ противъ устья рѣки Ика, т. е. гдѣ нынѣ стоитъ село Икское Устье въ 35 верстахъ отъ Елабуги (1). Распаханная и отчасти застроенная пустошь въ Кривой волошкѣ была первоначальная вотчина Троицкаго монастыря по сю (правую) сторону Камы. Въ 1637 г., какъ видѣли, другой настоятель монастыря, келарь старецъ Моисей, ссылаясь на малость земли монастырской и недостаточность средствъ къ содержанію, просилъ—и по царской грамотѣ получилъ на церковное строеніе, на воскъ и на ѳиміамъ и на вино церковное и имъ на пропитаніе за рѣкою Камою лежащую противъ самого же почти монастыря землю между рѣчками Беткою и Курчею въ 200 четей, съ сѣнными покосами и рыбными ловлями—Тростинскимъ истокомъ съ озерами (2). Но въ слѣдующемъ 146 (1638) году тотъ же старецъ Моисей, когда сторонніе люди новой беззащитной обители стали чинить обиду и налогу многую, для обереженія отъ нихъ, просилъ приписать сію обитель—и она была приписана къ славному въ свое время Пыскорскому Соликамскому монастырю, построенному Іоанникіемъ Строгановымъ въ 1560 г. Большіе на крестьянъ налоги, опустошеніе монастырской казны, растрата имущества и другія злоупотребленія этого Пыскорскаго управленія черезъ 21 годъ вынудили Троицкую братію и крестьянъ въ 1660 году искать себѣ защиты у епархіальнаго архіерея, Казанскаго митрополита Лаврентія, и просить его о припискѣ ихъ обители съ вотчинами къ домовымъ Его Преосвященства вотчинамъ; но въ этомъ имъ митрополитъ почему-то отказалъ. Въ тоже время игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Герасимъ, ссылаясь на вышеозначенное построеніе Елабужской пустыни ихъ Богоявленскимъ старцемъ Іоною якобы на счетъ ихъ же казны, предъявлялъ свои права на обитель, но братія ея по печальному Пыскорскому опыту просили Правительство избавить ее отъ приписки къ Богоявленскому монастырю и сдѣлать свободнымъ Великаго Государя монастыремъ подъ вѣдѣніемъ лишь и защитою Казанскаго митрополита. Послѣ этого Троицкій монастырь съ крестьянами въ теченіи 30 лѣтъ, не исправляя никакихъ повинностей и платежей собственно въ Архіерейскій Домъ, отбывалъ только подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго начальства государственныя повинности и подати, и не рѣдко терпѣлъ разоренія и убійства отъ набѣговъ Башкиръ и Татаръ. По Казанскимъ писцовымъ книгамъ Сем. Волынскаго 7156 (1648) г. значится «Троицкаго монастыря Каменнаго городища, что на Елабугѣ, монастырскіе пашни и розчисти 27 десятинъ, да того же монастыря въ сельцѣ, что была деревня Таны (чит. Танайка), пашни и розчисти 94 десятины въ полѣ а въ дву потомужъ, чорнаго лѣсу, обще съ селомъ Тресвятскимъ, отъ монастыря до монастырской деревни Таны по смѣтѣ вдоль на 10 верстъ, поперегъ на 5 в. Здѣсь сѣнокосной земли 4509 десятинъ, съ коей сѣна ставится 90,190 копенъ (3). По переписнымъ книгамъ 186 и 187 (1678 и 79) годовъ значилось въ вотчинахъ его, населенныхъ крестьянами (по сю сторону Камы) въ Подгорной (подмонастырской) слободѣ и въ селѣ Танайкѣ, (за Камою) въ селѣ Беткахъ и въ деревнѣ Простяхъ 64 двора крестьянскихъ,

---

(1) См. тамже актъ подъ № 71-мъ.

(2) См. въ Госуд. архивѣ въ старыхъ дѣлахъ вышеозначенную грамоту подъ № 53-мъ, и тамже № 155-й о землѣ, рыбныхъ ловляхъ и сѣнныхъ покосахъ Елабужскаго Троицкаго монастыря.

(3) См. сіи книги въ Вотчинномъ архивѣ № 413 (общій) стр. 160. 161.

25 дворовъ бобыльскихъ, а всего 89 (1). Но въ 7200 (1692) г. по челобитью Казанскаго митрополита Маркелла Елабужскій Троицкій монастырь былъ вполнѣ приписанъ къ Казанскому Архіерейскому Дому и сравненъ съ прочими его вотчинами въ платежахъ и повинностяхъ. Въ сдѣланной при этомъ подробной описи монастырю и вотчинамъ значилось: въ монастырѣ 1) церковь Сошествія Святаго Духа, каменная ветхая, трапеза деревянная (см. о ней ниже); 2) холодная церковь деревянная Успенія пресвятыя Богородицы; 3) на оградныхъ вратахъ церковь Гурія и Варсонофія Казанскихъ недостроена; ограда рублена въ тарасы, недостроенажъ. Кельи—строительская, казначейская и три братскихъ, въ коихъ братіи 11 человѣкъ; въ монастырѣ же—дворъ конюшній и воловій или скотный. Въ вотчинахъ 1) въ *Подгорной монастырской слободѣ* дворовъ, кромѣ причта церковнаго, крестьянскихъ 5, въ нихъ всѣхъ душъ муж. рода (не исключая и малыхъ дѣтей) 35; 2) *въ селѣ Танайкѣ* церковь архангела Михаила; дворовъ, кромѣ причта церковнаго, монастырскій, 4 мельничныхъ, кузнечной, 2 рыбачьихъ, 23 крестьянскихъ и 11 бобыльскихъ, во всѣхъ душъ 332, да мельница объ одномъ поставѣ; 3) *въ селѣ Бетках*ъ (за Камой) церковь во имя пресв. Богородицы Владимірскія; дворовъ, кромѣ причта, всѣхъ 29, въ нихъ 302 души; 4) *въ деревнѣ Простяхъ* (за Камой же) дворъ монастырскій и 16 крестьянскихъ, въ нихъ 106 душъ; 5) *въ деревнѣ Соболековой* (за Камой же) дворъ монастырскій и 9 крестьянскихъ, въ нихъ 63 души (2). Въ послѣдствіи и эти двѣ деревни, Прости и Соболекова, во владѣніи монастырскомъ являются селами. Въ воздѣланіи монастырскою экономіею этой земли по ту и другую сторону Камы, въ населеніи ея крестьянами, въ основаніи здѣсь селъ и деревень—заслуга государственная. Вмѣсто вышепомянутой церкви святителей Казанскихъ на оградныхъ вратахъ въ послѣдующихъ актахъ является церковь Рождества Богородицы, со всѣмъ своимъ имуществомъ сгорѣвшая въ 1733 г. (3). Въ 1751 г. въ монастырѣ значатся только двѣ церкви: 1-я, Успенія пресв. Богородицы, деревянная, холодная съ колокольнею, 2-я, вновь построенная, деревянная, Сошествія Святаго Духа (4). Эти двѣ церкви, какъ видно, существовали до 1764 г., когда Елабужскій Троицкій монастырь, вмѣстѣ со многими другими въ Россійской имперіи, былъ упраздненъ: потому что въ репортахъ о монастырѣ 1767 и потомъ 1772 г. (кои увидимъ ниже) значатся въ немъ только *двѣ* деревянныя церкви. По упраздненіи монастыря предписано было тогдашнему игумену Макарію всю церковную ризницу и утварь лично доставить въ Казанскій Архіерейскій Домъ, каковая со всѣмъ прочимъ имуществомъ туда и отвезена была имъ, кромѣ большихъ мѣстныхъ иконъ за трудностію перевозки оставленныхъ на мѣстѣ въ *двухъ* монастырскихъ церквахъ (5). Въ помянутомъ 1767 г. просвѣщенный Казанскій архіепископъ, впослѣдствіи бывшій митрополитомъ, Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ требовалъ археологическихъ свѣдѣній отъ настоятелей Елабужскаго Троицкаго мо-

(1) См. въ Госуд. архивѣ вышепоказанную влад. выпись № 149.

(2) См. вышепом. выпись № 149, а самыя селенія означены на картѣ городищъ.

(3) См. въ дѣлахъ архива Елаб. Духовнаго правленія, хранящихся въ градскомъ Спасскомъ соборѣ, доношеніе объ этомъ пожарѣ отъ 23 Янв. 1733 г.

(4) См. тайже въ дѣлахъ Дух. правленія описныя книги Елаб. Троицкаго монастыря 1751 г. въ бытность игумена Виталія.

(5) См. въ архивѣ Елабуж. Духовнаго правленія 1764 г. Авг. 17 указъ объ этомъ, и 1769 Янв. 3 репортъ объ исполненіи.

настыря и бывшаго въ зданіяхъ и на развалинахъ Булгара на Волгѣ Успенскаго Болгарскаго монастыря. Именно: свѣдѣній а) о имѣющихся въ томъ и другомъ монастырѣ древнихъ каменныхъ зданіяхъ; б) объ иновѣрческихъ древнихъ надписяхъ, какія встрѣтятся на камняхъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ чрезъ приглашенныхъ Татаръ или другихъ инородцевъ разобрать и перевести на Русскій языкъ, а если сіе будетъ невозможно, то сдѣлать съ нихъ точную копію (facsimile); в) нѣтъ ли гдѣ курьозныхъ древнихъ вещей, какъ-то: костей древнихъ людей или животныхъ и прочаго тому подобнаго? Не извѣстно, что на это отвѣчалъ настоятель Болгарскаго Успенскаго монастыря; а изъ Елабужскаго Троицкаго посланъ былъ репортъ, названный «описью древнему каменному зданію», съ отвѣтомъ и на прочіе пункты. Сей актъ по важности и краткости его, хотя въ концѣ есть и повтореніе, помѣщаемъ здѣсь вполнѣ. «Оный Троицкій монастырь состоитъ близъ Камы рѣки, на высокой горѣ, подъ которою въ рѣку Каму теченіе имѣетъ съ востока мало къ полудню рѣка Тойма. По берегу той самой горы древняго зданія стѣна изъ мелкаго камню дѣланная, длиною двѣнадцать саженъ, толщина одного аршина, вышина пять аршинъ. Въ той стѣнѣ съ концовъ и на срединахъ (sic!) три круглыя печуры въ подобіе башни, въ нихъ входы извнутрь монастыря, изъ которыхъ одна, что отъ рѣки Камы съ конца, предъ другими выше—четыре аршина, *въ коей напредъ сего была церковь во имя Сошествія Святаго Духа* (1), сверху покрыта шатромъ деревяннымъ. Въ томъ монастырѣ *двѣ* церкви, кельи и прочее строеніе и ограда деревянные, все ветхое. Кромѣ вышеписаннаго каменнаго зданія ничего нѣтъ и надписей никакихъ и курьозныхъ древнихъ вещей не имѣется. Въ томъ монастырѣ строеніе двѣ церкви, кельи и прочее, такожъ *отъ каменныя стѣны вкругъ монастыря* ограда—деревянное все, ветхое (2)».

Черезъ два года послѣ сего, въ 1769 г., Елабужское Чертово городище было посѣщено и описано капитаномъ Рычковымъ (3). Описаніе это, за сто слишкомъ лѣтъ предъ симъ сдѣланное и гораздо обстоятельнѣйшее, чѣмъ вышеприведенный репортъ монашескій, для насъ весьма важно. «Близъ пригорода Елабуги на верху крутой горы, говоритъ онъ, находятся остатки древняго города. Съ южнозападной стороны подлѣ самой подошвы горы сея течетъ рѣка Кама, а съ восточной стороны протекаетъ рѣка Тойма, впадающая въ Каму. Хотя не видно тутъ никакихъ другихъ зданій кромѣ каменной стѣны, сдѣланной изъ бѣлаго дикаго камня; но сіе самое тѣмъ большаго заслуживаетъ вниманія: ибо оная стѣна такъ порядочно построена, что ни самая древность не могла еще истребить удивительнаго искуства древнихъ сего мѣста обитателей. Она построена вдоль крутой и почти неприступной горы, и соотвѣтствуетъ теченію рѣки Тоймы. Длина еще и донынѣ безвредно стоящей стѣны составляетъ тринадцать, а вышина оныя болѣе двухъ саженъ, и въ разсужденіи такъ малаго пространства (т. е. и не смотря на столь малое пространство) находятся три круглыя и довольно пространныя башни, которыя выдались изъ стѣны на подобіе полукружія. Изъ нихъ на двухъ верхи не имѣютъ никакого прикрытія, и видно, что изломаны или разрушились отъ продолжительной древности такъ, что они уже равны съ стоящею стѣною: но одна изъ нихъ гораздо возвышенна и покрыта досками, на

(1) Та самая, которая значится въ вышеприведенной описи монастыря 7200 г.

(2) См. въ архивѣ Елабуж. Дух. правленія дѣла 1767 г. № 15. 28.

(3) См. его Журналъ или Дневныя Записи путешествія, Спб. 1770, стр. 50; перепечатано въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, Москва 1809, т. 7 стр. 142—146.

подобіе обыкновенной башни. Вокругъ ея находится шесть небольшихъ окошекъ; а внутри палата, величиною и окружностію съ ней равна. Изъ чего, кажется, можно заключить, что въ семъ мѣстѣ были градскія врата, которыхъ довольной вышины отверстіе и до днѣсь видно, хотя оно и закладено внутрь сей стѣны недавно жившими монахами, и деревянное прикрытіе сей возвышенной башни безъ сумнѣнія сдѣлано руками сихъ новыхъ обитателей». За тѣмъ Рычковъ передаетъ преданія мѣстныхъ жителей о Чертовомъ городищѣ, въ которыхъ смѣшиваются извѣстія о немъ Казанской лѣтописи (Ив. Глазатаго) съ вышеприведеннымъ же мѣстомъ Татарской лѣтописи Шерефа-еддина Булгарскаго. Именно говорится, что по одному преданію въ семъ мѣстѣ былъ храмъ древнихъ язычниковъ, столь славный своимъ оракуломъ, что народъ отовсюду стекался къ нему для вопрошенія; а по другому, что внутри храма обиталъ ужасной величины змѣй, въ жертву коему жрецы приносили людей, исчезнувшій предъ паденіемъ царства Болгарскаго, что царь Болгарскій, видя приближеніе къ нему съ сѣвера идущихъ непріятелей—Татаръ, тщетно умилостивлялъ и вопрошалъ теперь это божество; не получивъ отвѣта, онъ принужденъ былъ возвратиться въ свой городъ, въ коемъ сдѣлался съ своими подданными жертвою непріятелей. За тѣмъ сообщается еще третье преданіе, будто Темиръ-Аксакъ, разоря многіе закамскіе города, пришелъ и къ сему городищу, котораго мѣстоположеніе такъ ему понравилось, что онъ нѣсколько времени препроводилъ тутъ посреди веселія и покоя, что и самая стѣна была построена имъ же, Темиръ-Аксакомъ, но оставлена имъ неоконченною. Упомянувъ о бывшемъ здѣсь монастырѣ, Рычковъ (стр. 49) замѣчаетъ, что именно монахи стали разрушать внутри ограды стоявшія зданія городища, не могши терпѣть остатковъ храма языческаго, и это подтверждаетъ *превеликими кучами дикаго камня и кирпича*, лежащими посреди монастыря безъ всякаго употребленія. Замѣчательно еще слѣдующее извѣстіе Рычкова (стр. 50): кромѣ каменной стѣны отъ юговосточной стороны, укрѣпляетъ еще оное городище довольно глубокій ровъ съ *изрядными по немъ валами*, которые, обошедъ вокругъ монастыря, кончатся у весьма крутой долины, изъ которой выходятъ два источника съ весьма пріятною и чистою водою, текущіе по мелкому песку... Не малую красоту сему городищу придаетъ находящаяся внутри означеннаго вала отрощенная и пріятная березовая роща.—Не входя въ объясненіе, какіе народы жили здѣсь и строили городище, съ вѣроятностію впрочемъ Рычковымъ приписываемое Болгарамъ, а не Скиѳамъ, въ заключеніи онъ говоритъ: для меня останется то только несказаннымъ утѣшеніемъ, что я имѣлъ счастіе видѣть остатки древностей, которыя возбудятъ вниманіе и трудъ какого нибудь человѣка искуснаго. Весьма замѣчательно, что у Рычкова приложенъ и подробный планъ Чертова городища, каменной стѣны, двухъ церквей, монашескихъ келій и окружнаго вала, даже видъ самой стѣны съ башнями и вала со рвомъ; валъ имѣлъ высоты $2^1/_2$ аршина, ровъ, изрытый подъ линію вала, глубиною былъ около двухъ аршинъ, такъ что непріятелю съ основанія рва до верха вала предстояло крутизны подъ одну линію около $4^1/_2$ аршинъ.

Въ 1834 г. былъ на развалинахъ Елабужскаго Чертова городища профессоръ Казанскаго университета Ердманъ, также оставившій описаніе его съ видомъ и планомъ тамошней башни (1). Приведши выписанное нами мѣсто изъ Записокъ Рычкова

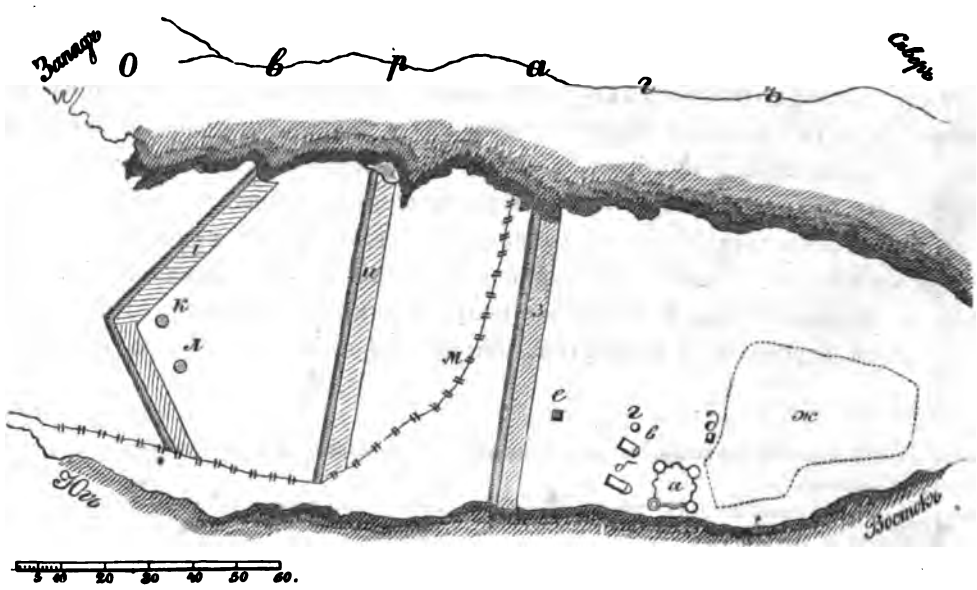
(1) Въ Заволжскомъ Муравьѣ № 5 и 6 й. Къ сожалѣнію въ нашемъ экземплярѣ видъ и планъ башни изъ книжки вырѣзаны, и при всѣхъ поискахъ мы нигдѣ не могли ихъ найти.

о двухъ башняхъ, равныхъ со стѣною, и о третьей довольно надъ нею возвышающейся, покрытой сверху, съ 6 окнами, Ердманъ замѣчаетъ, что «отъ двухъ первыхъ башенъ теперь осталось только одно основаніе прочной каменной кладки, немного возвышающееся надъ землею», а что касается до третьей, то на ней «также нѣтъ уже крыши, однакожъ съ сѣверозападной стороны видны ворота, которыхъ верхъ поддерживается на подобіе полукруга высѣченнымъ камнемъ; а надъ оными окно, укрѣпленное вверху двумя дубовыми досками, сомкнутыми подъ тупымъ угломъ; прочія окна, особливо съ западной стороны, уже разрушились, и потому болѣе походятъ на ворота, нежели на окна. Слѣдуя довольно вѣроятному предположенію, башня сія заключала въ себѣ два этажа, потому что и теперь еще во внутренности видно мѣсто, гдѣ изъ бревенъ сдѣланъ былъ накатъ. Она скрѣплена была вложенными внутри стѣнъ довольно толстыми дубовыми бревнами, которыя и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще примѣтны. Стѣны впрочемъ въ толщину имѣютъ немного болѣе аршина, но весьма крѣпки. Онѣ стояли бы еще долгое время, если бы не разбивали ихъ безпрестанно безъ нужды или изъ шалости; ибо известь, смѣшанная съ алебастромъ, такъ затвердѣла, что превратилась въ камень. Башня сія въ поперечникѣ имѣетъ 2 сажени, въ окружности 7 саженъ и 2 аршина, а высота ея 3 сажени и 1 аршинъ; комната же (палата) и ворота, о коихъ упоминаетъ г. Рычковъ, не оставили уже по себѣ никакихъ слѣдовъ». Преданіе, записанное г. Рычковымъ, о бытіи на Чертовомъ городищѣ языческаго храма съ оракуломъ или зміемъ, и о царѣ Болгарскомъ, вопрошавшемъ его и потомъ погибшемъ отъ непріятелей своихъ—Татаръ, до сихъ поръ еще повторяется старожилами Елабуги, писалъ Ердманъ. За тѣмъ словами Рычкова же онъ передаетъ другое преданіе старожиловъ о Темиръ-Аксакѣ и пишетъ о бывшемъ здѣсь монастырѣ, наконецъ заключаетъ извѣстіемъ изъ Казанскаго лѣтописца о жилищѣ здѣсь оракула, полагая, что по тѣснотѣ мѣста и не могло быть здѣсь города или какой крѣпости. Замѣтимъ, что это мнѣніе, какъ мы сказали уже, отнюдь не вытекающее изъ словъ Казанскаго лѣтописца, противорѣчитъ древнимъ Татарскимъ извѣстіямъ о Елабугѣ, представляющимъ ее городомъ и городомъ знатнымъ, долго противящимся самому Тамерлану. Въ неизданныхъ, но по рукамъ ходящихъ запискахъ Елабужскаго священника Кулыгинскаго на сей счетъ сказано, что если для нѣкоторыхъ къ населенію города на Чертовомъ городищѣ представляются препятствіемъ большіе здѣсь лога (овраги) съ восточной стороны: то надобно замѣтить, что сіи лога суть произведеніе позднѣйшихъ временъ. Вода отъ проливныхъ дождей, никѣмъ и ничѣмъ не удерживаемая, при скатѣ горы къ востоку произвела лога, а (къ западу) берега Камы не имѣютъ логовъ и по мѣстоположенію и удобности здѣсь и къ сѣверу отъ развалинъ можно было помѣститься огромному городу.

Тотъ же священникъ Кулыгинскій, составившій свои записки около 1847 г., такъ говоритъ о современномъ положеніи развалинъ на Чертовомъ городищѣ: «самыя развалины бывшаго города находятся въ жалкомъ состояніи и не въ томъ видѣ, въ какомъ свидѣтельствовали оныя гг. Рычковъ и Ердманъ. Изъ описанія Рычкова видно, что до Ердмана многое измѣнилось и исчезло... А нынѣ самаго основанія сѣверовосточныхъ башней, равно и стѣны крѣпкой не видно, превеликія кучи дикаго камня и кирпича не замѣтны. Близь бывшихъ зданій нынѣ находятся пахотныя поля крестьянъ деревни Подмонастырки, огороженныя пряслами, но самое мѣсто древнихъ

зданій выгорожено: ибо нельзя оныхъ распахивать по причинѣ фундаментовъ въ землѣ и всюду находящихся дикихъ камней и кирпича. Пыль, наносимая вѣтрами отовсюду, а особенно съ пахотныхъ полей, по времени засыпала землею основанія стѣнъ, башенъ и прочихъ зданій, которыя заросли дерномъ, что̀ служитъ приманкою для однихъ только козъ, которымъ не трудно взбираться на высокій утесъ. Одна только башня, описанная подробно обоими самовидцами, имѣющая въ поперечникѣ двѣ сажени, семь саженъ и два аршина въ окружности, а въ вышину три сажени и одинъ аршинъ, оставила также жалкій остатокъ своего существованія. Не болѣе трехъ тому лѣтъ, какъ она отъ небреженія и шалости жителей потеряла три бока (стороны) къ берегу рѣки Камы—къ югу, остались только у ней къ сѣверу ворота и на верху ихъ окна. Въ этомъ положеніи со стороны Елабуги представляетъ она видъ стоящей доски, почему и этотъ остатокъ приближается къ скорому паденію,—и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ изгладятся и самыя развалины здѣшняго мѣста, а съ ними вмѣстѣ и названіе Чертова городища: ибо имя безъ предмета исчезнетъ въ памяти народной». Опасеніе это, какъ увидимъ ниже, къ счастію не исполнилось.

Въ концѣ 1855 г. изъ любви къ отечественной археологіи, особенно же къ знаменитымъ памятникамъ своей родины, отъ коей и дымъ, по стиху поэта, намъ сладокъ и пріятенъ, вступили мы въ сношенія съ почтеннѣйшимъ соотчичемъ, нѣсколько лѣтъ бывшимъ градскимъ головою, купцомъ Иваномъ Васильевичемъ Шишкинымъ, человѣкомъ весьма любознательнымъ, начитаннымъ и много лѣтъ занимавшимся Елабужскими древностями. Предметомъ переписки нашей было Чертово городище, и потомъ особенно Ананьинскій Могильникъ, о коемъ ниже слѣдуетъ особая статья. Сынъ этого 80 лѣтняго теперь старца, Иванъ Ивановичъ Шишкинъ, обучавшійся сперва въ Москвѣ, потомъ въ С. Петербургѣ въ Академіи художествъ и для высшаго образованія посыланный за границу, бывши на родинѣ въ 1855 г., по просьбѣ нашей, съ помощію родителя своего, тщательно изслѣдовавъ и измѣривъ мѣстность Чертова городища, составилъ намъ а) планъ всей мѣстности Чертова городища, б) видъ Чертова городища съ окрестностями его и в) точный рисунокъ оставшейся части отъ башни городища. Планъ и видъ Чертова городища за симъ представляются при самомъ текстѣ, а видъ оставшейся части башни см. въ числѣ рисунковъ на табл. XI.



Планъ крѣпости на Чертовомъ городищѣ по чертежу г. Шишкина былъ весьма правильный и болѣе или менѣе сообразный съ прочими Татарскими городищами или укрѣпленіями. Крѣпость (см. букву а) по нему была квадратная въ 10 саженъ съ сѣвера на югъ и 9 съ востока на западъ, съ четырьмя по угламъ круглыми башнями, и съ четырьмя же между ними полубашнями, въ срединѣ каждой стѣны выдающимися полуциркуломъ. Не совсѣмъ ясны слѣды или основанія этой полубашни съ юговосточной стороны къ рѣкѣ Тоймѣ; но въ этомъ случаѣ помогаетъ Рычковъ, видѣвшій ясно оныя и положившій ихъ на своемъ планѣ. На сѣверовостокѣ между угловою башнею и слѣдующею полубашнею, равно и на сѣверозападѣ у полуциркуля представляются груды камней и цемента—конечно отъ бывшихъ здѣсь, въ первомъ пунктѣ—стѣны, во второмъ—полубашни. Мѣста двухъ бывшихъ монастырскихъ церквей показаны внѣ этой крѣпости въ нѣсколькихъ отъ нея саженяхъ на западъ (см. буквы б, в). Сверхъ сего, почти въ параллель сѣверовосточной и сѣверозападной башнямъ, въ одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, представляются фундаменты какихъ-то зданій, противъ первой—квадратной формы, противъ второй—круглой (см. буквы г, д), а за ними еще квадратный фундаментъ (см. букву е). Съ югозападной стороны крѣпость ограждена тремя валами и рвами (см. буквы з, и, і) (1), изъ коихъ первые два идутъ по прямой линіи параллельно одинъ другому, а третій валъ и ровъ въ срединѣ имѣютъ острый уголъ, и въ этомъ углу видны два фундамента такого же матеріала, какъ и прочіе здѣсь фундаменты: вѣроятно, здѣсь была караульная башня и еще что-то (см. буквы к, л) (2). Все почти пространство, ограждаемое первымъ валомъ и рвомъ, усѣяно камнями и ничѣмъ не засѣвается, восточная часть его за крѣпостію изрыта: по признакамъ и преданію здѣсь былъ монастырскій садъ и огороды (см. букву ж). А пространство за первымъ валомъ, равно за вторымъ и третьимъ и далѣе на западъ версты на три состоитъ въ поляхъ, засѣянныхъ рожью и огороженныхъ прясломъ (см. оное подъ буквою м). Затѣмъ версты на четыре до села Танайки—сосновый лѣсъ. Несообразность этого новѣйшаго плана со старымъ Рычковскимъ во многихъ отношеніяхъ, еще болѣе симметрія и правильность его и аналогія съ древними Татарскими городищами, весьма изумили насъ и обрадовали; но недовѣряя плану молодаго человѣка и своему удовольствію, мы послали оный въ Елабугу вмѣстѣ съ планомъ Рычкова, и просили самого Ивана Васильевича Шишкина тщательнѣе провѣрить планъ сына его, и дополнить, что откроется вновь. «По письму вашему, отвѣчалъ мнѣ на это Иванъ Васильевичъ, и при немъ приложенному чертежу двухъ плановъ Чертова городища я дѣлалъ тщательную повѣрку, бралъ рабочихъ и раскрывалъ фундаментъ стѣны, и нашелъ сходно во всемъ по чертежу сына моего. Не подумайте того, чтобы я въ поддержку сына это дѣлалъ, я знаю важность этого обстоятельства для послѣдствіевъ, гдѣ нужна непремѣнно вѣрность». Затѣмъ объясняется а) что точно крѣпость имѣла такую правильную форму съ 4 башнями по угламъ стѣны и четырьмя полубашнями въ срединѣ; б) что фундаментъ стѣнъ оказался глубиною 5 четвертей, шириною 4 четверти, камень вообще извест-

---

(1) Тремя валами и рвами укрѣплено и вышепоминутое Жукотинское городище и многія другія Татарскія, описанныя г. Рычковымъ.

(2) Этотъ послѣдній валъ и ровъ такимъ образомъ имѣетъ ближайшее сходство съ однимъ изъ Ундоровскихъ городищъ на р. Волгѣ.

къ стр. 590.

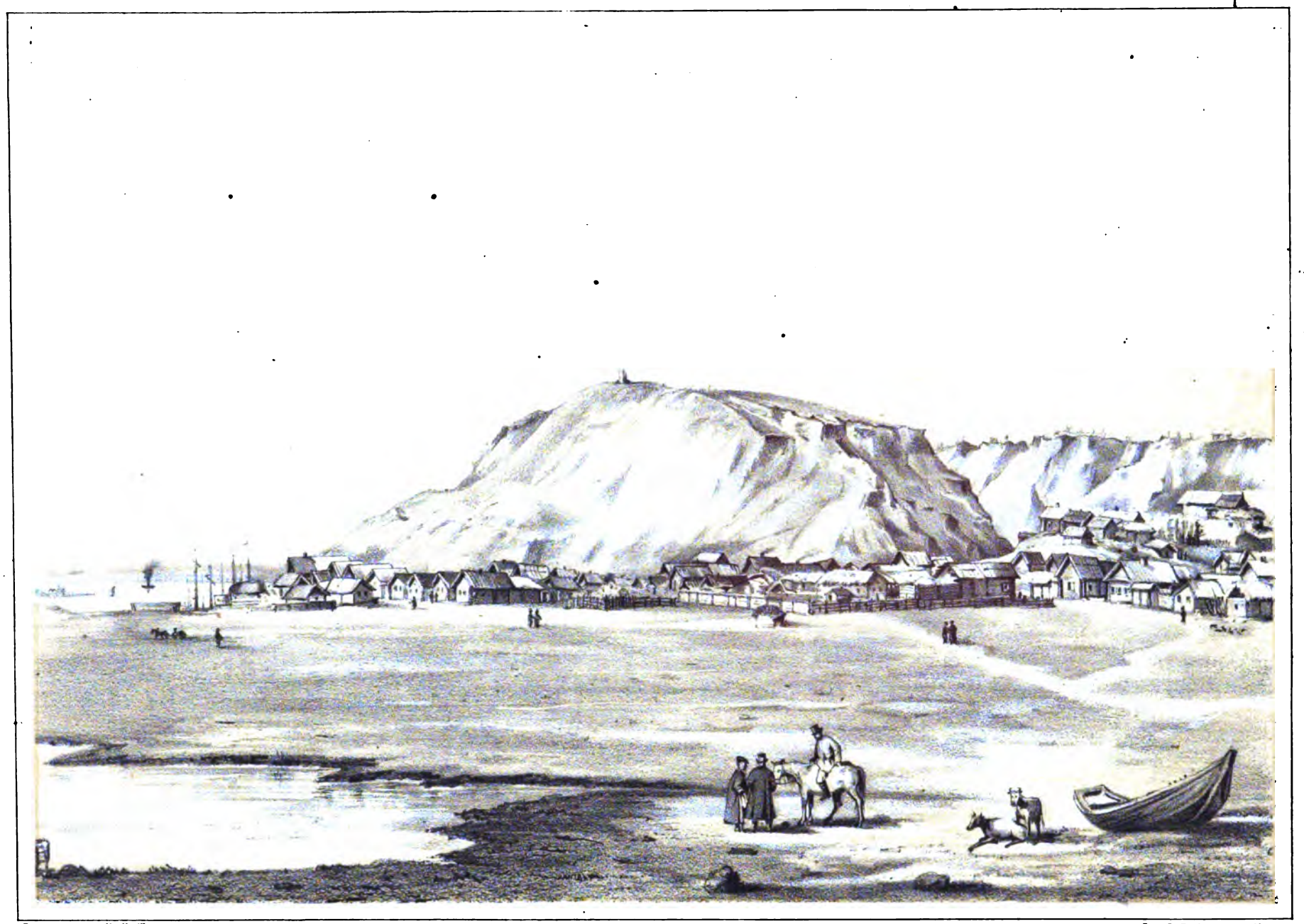


Рис. съ натуры И. И. Шишкинъ. Дозв. цензуром. Лит. Д. Гаврилова въ Москвѣ.

ВИДЪ ЕЛАБУЖСКАГО ЧЕРТОВА ГОРОДИЩА.

коватый, цементъ рѣшительно во всѣхъ мѣстахъ окаменѣлъ и сдѣлался тотъ же камень, только нѣсколько бѣлѣе; в) церкви на планѣ сыновнемъ правильно поставлены—онѣ отъ башенъ въ близкомъ разстояніи, не болѣе 4 саженъ; г) о фундаментахъ и ямахъ противъ СВ и СЗ башенъ замѣчено, что тутъ, надобно полагать, были какія нибудь строенія монастырскія позднія, потому что известка мягкая, стараго цемента нѣтъ, кругомъ ихъ лежитъ мелкій камень; д) «валовъ точно три, первый отъ крѣпости въ 34 саженяхъ, и онъ длиною до 60 саженъ; второй валъ отъ перваго въ 30 саженяхъ, и онъ длиною до 60 же саженъ; третій валъ отъ втораго въ 45 саженяхъ и длиною до 70 саженъ и онъ—угломъ, въ углу точно видно, было какое-то строеніе; цементъ при немъ окаменѣлый старинный; гдѣ оканчиваются валы,—теперь очень большой оврагъ, и кажется, что они шли и далѣе». Въ планѣ г. Шишкина, такимъ образомъ становящемся теперь несомнѣннымъ, особенно замѣчательно то, что по нему Елабужское городище или крѣпость, не говоря о городищахъ древле-болгарскаго царства, описанныхъ и изображенныхъ въ той же книгѣ Рычкова, имѣло ближайшее сходство съ описаннымъ и изображеннымъ у академика Зуева городищемъ близь Бѣлграда Курскаго (1). Это городище (только въ большемъ размѣрѣ) также было квадратное съ четырьмя по угламъ круглыми башнями и между ними полуциркулами, также, какъ Елабужское, къ югу имѣло утесъ, а за нимъ рѣку Сѣверный Донецъ, къ западу безъимянный ручей, съ сѣвера окружено было двумя валами и рвами. Оно существовало еще при самомъ началѣ Россіи, до Владиміра святаго (2). Судя по малому размѣру крѣпости на Чертовомъ городищѣ (въ 10 и 9 саженъ квадр.), мы предполагаемъ: не былъ ли это только замокъ, городокъ или цитадель города, каковая была и при столицѣ Булгарской—Булгарѣ на Волгѣ, каковою (по крайней мѣрѣ впослѣдствіи) было и вышеупомянутое на Сѣв. Донцѣ городище въ отношеніи къ Бѣлгороду Курскому (3).

Изъ всѣхъ зданій этой крѣпости—замѣчательное обстоятельство—уцѣлѣла только та башня со стороны Камы, т. е. съ югозападной, въ которой нѣкогда былъ храмъ Сошествія Святаго Духа. Она сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, сцѣпленныхъ цементомъ; внутри ея мелкій щебень и доски, въ которыхъ онъ, вѣроятно, былъ заключенъ; подобнымъ образомъ складены и древнія строенія въ Булгарѣ на Волгѣ, и вообще такъ строились на всемъ мусульманскомъ Востокѣ (4). Находимыя на Чертовомъ городищѣ и около него мѣдныя вещи изъ домашняго быта, изображенія барана и другихъ животныхъ, указываютъ на глубокую древность этого мѣста. Объ этихъ находкахъ свящ. Кулыгинскій пишетъ такъ: «времена идолопоклонства оставили здѣсь памятники въ землѣ, которые были находимы въ разныя времена близь города Елабуги. Въ поляхъ крестьяне выпахивали изъ земли мѣдные большіе топоры и ножи, которые, конечно, служили жрецамъ при ихъ жертвоприношеніяхъ; ибо таковые въ домашнемъ быту не могли быть въ употребленіи. Однажды нашли они въ землѣ на мѣдномъ блюдѣ (5) довольно большое мѣдное изображеніе животнаго похожаго на барана, кромѣ головы, которая какъ будто похожа на змiину. Кресть-

(1) Путешественныя Записки отъ С. Петербурга до Херсона, Спб. 1787, стр. 175. слич. рисунокъ № 4.
(2) Енциклопед. Лексиконъ, изд. Плюшара, Спб. 1876, т. 7. стр. 511.
(3) Енциклоп. Лексиконъ тамже.
(4) Березина: Булгаръ на Волгѣ стр. 14.
(5) Не было ли это круглое металлическое зеркало?

яне отдавали ихъ въ переливку на подсвѣчники или на колокольцы къ дугамъ, и одинъ изъ таковыхъ мастеровъ старикъ сказывалъ, что онъ много подобныхъ древнихъ вещей переформировалъ на новый ладъ, по желанію просителей. Не далеко отъ бывшаго капища (на Чертовомъ городищѣ) въ полѣ крестьяниномъ найдено было изображеніе животнаго, малое вершка въ полтора; хотя оно отдѣлано было весьма чисто изъ *стали* или вылито изъ чугуна, но трудно разобрать, какое животное оно представляло: голова похожа на змѣину, а прочія части на барана; внизу вмѣсто ногъ были сдѣланы кольчики, которые при взятіи въ руки другъ о друга бречали. Изображеніе это, находясь въ землѣ, разумѣется не одинъ вѣкъ, нисколько не пострадало отъ времени, и, какъ рѣдкость, находится теперь въ Казанскомъ Университетѣ». Если это дѣйствительно такъ: то точно баранъ съ древнѣйшихъ еще временъ между прочимъ служилъ предметомъ религіознаго почитанія язычниковъ, и въ этомъ смыслѣ изображенія барана часто встрѣчаются и въ Сибирскихъ древностяхъ, какъ то и другое мы покажемъ въ нижеслѣдующей статьѣ объ Ананьинскомъ Могильникѣ, куда мы теперь и отсылаемъ читателей.

Симъ оканчиваются извѣстія наши о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ. Прибавимъ къ этому еще то, что граждане Елабужскіе, видя постепенное разрушеніе и послѣдней, оставшейся башни, въ 1867 г. по иниціативѣ и старанію Ив. Вас. Шишкина возстановили ее въ первоначальный видъ. Три стороны этой башни, какъ мы видѣли и изъ описанія ея свящ. Кулыгинскимъ въ 1847 г., уже въ то время не существовали, а оставалась только одна сѣверная часть съ воротами, и надъ ними окномъ. Эти отвалившіяся стороны были вновь построены изъ кирпича на прежнемъ основаніи и соединились въ одно и подъ одинъ уровень съ оставшеюся въ первоначальномъ видѣ сѣверною частію, и гребень во всю окружность башни покрытъ желѣзомъ. При этомъ со стороны Камы въ башню вложили чугунную доску съ слѣдующею надписью: «сей древнѣйшій памятникъ до разрушенія не допущенъ, возобновленъ Елабужкими гражданами въ 1867 году». Эта возстановленная башня, на высокой горѣ, издалека обращаетъ на себя взоры.

Дополненіе объ Арбухимскомъ городищѣ.

(къ стр. 37).

Когда уже печаталось объ этомъ городищѣ, находящемся Симбирской губерніи, Сингилеевскаго уѣзда близь села Кріушъ, по просьбѣ нашей мы получили въ письмѣ отъ священника сего села Ѳеодора Смирнова довольно обстоятельное описаніе бывшаго тамъ городища, каковое и рѣшились мы помѣстить здѣсь въ качествѣ дополненія къ прежнимъ нашимъ скуднымъ о немъ извѣстіямъ. «Около села Кріуши—пишется въ письмѣ—два мѣста носятъ названіе городковъ: одинъ городокъ между селами Кріушей и Панской слободой, а другой на рѣчкѣ Арбугѣ при впаденіи оной въ рѣчку Тушонку. Народное преданіе даетъ имъ названіе *Татарскихъ*. Онъ перваго городка,

что между Кріушей и Панской слободой, остались ровъ и валъ саженъ на 100 вдоль озера Кріушки, а на мѣстѣ втораго, что на рѣчкѣ Арбугѣ, видны два рва, параллельно идущіе на западъ отъ Арбуги саженъ на 150,—по крайней мѣрѣ теперь столько замѣтно. Пространство между рвами—сажени три, и имѣетъ возвышеніе; вѣроятно, эта насыпь была сдѣлана при рытіи рвовъ. Рвы осыпаются уже въ рѣчку Арбугу. Здѣсь находили много металлическихъ и глиняныхъ вещей, изъ коихъ первыя относились къ оружію, конскому украшенію и проч., а послѣднія къ домашнему употребленію. Изъ вещей металлическихъ что нибудь я не могъ ни у кого отыскать: все годное крестьянами передѣлано на вещи для домашняго употребленія, негодное заброшено, а глиняныя вещи тѣмъ болѣе не сберегались.—Земля, занимаемая обоими городками, самаго худаго качества, какая бываетъ, по словамъ крестьянъ, послѣ перегорѣвшаго навоза: трухлява и суха, какъ зола, и потому не плодородна (1). Городокъ между Кріушей и Панской слободой, вѣроятно, есть только продолженіе этого городка Арбужскаго, такъ какъ разстоянія между ними не болѣе одной версты и раздѣляются они нынѣ только однимъ селомъ Кріушей, если не считать рѣчки Тушонки.—Городокъ на Арбугѣ съ востока защищенъ глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ рѣчка Арбуга, а за нимъ тотчасъ же поднимается весьма высокій хребетъ Арбуженскихъ горъ; на вершинѣ ихъ, противу самого городка, виденъ валъ саженъ 6-ти (здѣсь и хребетъ горы не шире 6-ти саженъ, слѣдовательно валъ пересѣкаетъ поперечно всю гору), и около его нѣсколько ямъ, каждая саженъ по 10-ти въ окружности. Вѣроятно, это было сторожевое мѣсто, откуда въ извѣстныхъ случаяхъ давали сигналъ въ городъ. Для сторожевой стоянки нельзя пріискать болѣе лучшаго мѣста, какъ это: отсюда открывается видъ во всѣ стороны на необозримое пространство, а внизу широкою, исчезающею въ дали, лентой извивается Волга. Всѣ эти горы, по сказанію старожиловъ, покрыты были прежде сосновымъ лѣсомъ, корни коего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились доселѣ.—Недалеко отъ городка есть на Арбуженскія горы взвозъ, извѣстный въ народѣ и доселѣ подъ именемъ *Татарскаго*. Въ полугорѣ при этомъ взвозѣ находили много человѣческихъ костей, отъ чего можно заключать, что здѣсь было кладбище, что̀ и народная молва подтверждаетъ.—Вы пишете, что Олеарій отъ Симбирскаго городища переплылъ черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ, и спрашиваете: какая это должна быть гора Арбухимъ?—Это именно гора близь Кріушъ, которая прямо начинается высочайшими отрогами. А старожилы разсказываютъ, что передъ горой на мѣстѣ нынѣшней Волги дѣйствительно протекалъ неглубокій рукавъ отъ нея, черезъ который переходили пѣшіе на островъ, самая же Волга текла другимъ берегомъ близь Кайбелы. Рѣчка Арбуга (о которой также спрашиваете) течетъ по очень глубокому оврагу при подошвѣ Арбуженскихъ горъ съ западной стороны оныхъ: теченія ея не болѣе 12-ти верстъ, вода въ Арбугѣ чиста, пріятна на вкусъ и здорова».—При письмѣ приложенъ и планъ обоихъ городковъ и всей окружающей мѣстности, который теперь

(1) Подобная почва оказывается и подъ Жукотинскимъ городищемъ (см. г. Артемьева статью «Древній Болгарскій городъ Жукотинъ» въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1851, Январь книга 1 стр. 57 и слѣд.) равно и подъ развалинами Сарая, бывшей столицы Золотой орды (см. Терещенки «Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая», въ Запискахъ Археологическо-нумизматическаго Общества т. 2., Спб. 1850, стр 388. 392. 394. 402). По этому заключаютъ, что оба города были истреблены огнемъ непріятельскимъ. Видно, той же участи подвергся и сей городъ Арбухимъ.

отлитографировать не было уже времени. Сверхъ сего священникъ весьма обязательно хотѣлъ собрать и сообщить свѣдѣнія о недавно найденномъ денежномъ кладѣ въ самомъ селѣ Кріушахъ, очевидно, входившемъ въ черту Арбухимскаго города, и прислать самыя монеты, какія удастся приобрѣсти.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . 1.

I. Городища по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ:

1. Булгаръ на Волгѣ . . . . . 3.

2—5 Городища Маинское, Кокрышское, Балымерское и Уткинское по рр. Уткѣ и Майнѣ, и нѣкоторыя другія . . . . . 20.

6—9 Городища Кандалинское, Чибашское, Камкинское и Билярское, съ нѣкоторыми другими . . . . . 22.

10. Городище близь Тетюшъ . . . . . 25.

11. Ундорскія городища. . . . . 26.

12. Симбирское городище. . . . . 30.

13. Арбухимское и другія городища. . . . . 35.

14—15 Городища по рр. Бушуйкѣ и Черемшанѣ съ нѣкоторыми другими. . . . 39.

16—20 Городища на Самарской Лукѣ—близь селеній Усолья, Валовъ и Шелехмети, между Переволокою и Печерскимъ и Костычевское. . . . . 41.

II. Городища по Камѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ:

21. Городище Чаллынское. . . . . 51.

22. Городище Ташъ—Кирменское . . . . . 53.

23. Жукотинское городище. . . . . —

24. Елабужкое Чертово городище . . . . . 56—74.

АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ

БЛИЗЬ ГОРОДА ЕЛАБУГИ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.
1871.

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

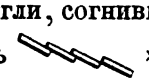
(Вятской губерніи, близь города Елабуги).

К. И. Невоструева.

Въ отрывкахъ изъ Булгарскаго лѣтописца XVI в. Шерефъ-еддина, помѣщенныхъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., въ № 45-мъ между прочимъ читается, что Тимуръ-Аксакъ, взявъ и разоривъ Суддумъ-Елабужское Чертово городище, *посѣтилъ могилы послѣдователей* (Магомета), *находящіяся на устьѣ Туймы* (1). Слова эти обратили на себя особенное наше вниманіе, и, прочитавъ ихъ, въ декабрѣ 1855 г. мы писали въ Елабугу къ просвѣщенному и благоснисходительному корреспонденту нашему, знатоку Елабужскихъ древностей Ивану Васильевичу Шишкину (2): не указываетъ ли преданіе и нѣтъ ли какихъ признаковъ и памятниковъ существовавшаго при устьѣ Тоймы или гдѣ по близости древняго Татарскаго или другаго кладбища, насыпи или кургана? Г. Шишкинъ отвѣчалъ, что «рѣка Тойма впадаетъ въ Каму при подошвѣ той самой горы, на коей стоитъ Чертово городище, и что здѣсь никакихъ признаковъ бывшаго какого либо кладбища нѣтъ, а есть-де какое-то старое кладбище отъ Елабуги верстахъ въ пяти (на юговостокъ), а отъ деревни Ананьиной и рѣки Тоймы съ версту, которое и донынѣ называется Могильникомъ, и сказывали, что прежде на немъ вырывали камни, полагательно надгробные, съ надписями ли—неизвѣстно; жители развозили эти камни по домамъ». Соображая, что рѣка Кама, какъ гласитъ темное преданіе, протекая нѣкогда подъ самымъ городомъ Елабугой, могла быть по этому гораздо ближе къ деревнѣ Ананьиной и тамъ принимать въ себя Тойму, мы заинтересовались Могильникомъ, и просили отъ нашего благосклоннаго корреспондента дальнѣйшихъ о немъ извѣстій. Г. Шишкинъ обѣщался въ удобное время осмотрѣть Могильникъ, и слѣдующею (1856 г.) весною, пріобрѣтши нѣсколько мѣдныхъ, какъ онъ писалъ, вещей, отмытыхъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ тогдашнею высокою водою, весьма обязательно переслалъ оныя къ намъ. Вещи эти были не мѣдныя собственно, а смѣшанныя съ другимъ еще металломъ—бронзовыя, и были слѣдующія: 1) длинный прутъ, согнутый въ кругъ, или жгутъ, съ петлею на одномъ концѣ для зацѣпки другаго, 2) такъ называемый кельтскій топорикъ, 3) долото къ острію полукруглое, 4) видъ бараньей головы, служившей можетъ быть

(1) Мѣсто сіе вполнѣ приведено въ предъидущей статьѣ нашей о Булгаро-казанскихъ городищахъ, именно въ извѣстіяхъ о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ, стр. 578.

(2) См. о немъ выше, тамъ же стр. 589—590. Въ настоящемъ году г. Шишкинъ издалъ составленную имъ «Исторію города Елабуги».

украшеніемъ, 5) продолговатая полукруглая подвѣска или серьга, 6) длинная желобоватая бляха, и 7) конскія удила желѣзныя, тогда какъ всѣ прочія вещи—мѣдныя или точнѣе бронзовыя. «На Могильникѣ, писалъ мнѣ при этомъ г. Шишкинъ, примѣтно были похоронены люди кто нибудь изъ лучшихъ. Здѣсь видны два кургана, на одномъ изъ нихъ и камень былъ найденъ. Я намѣренъ въ нихъ порыться». При письмѣ приложенъ былъ чертежъ всей мѣстности. Помянутыя, присланныя намъ г. Шишкинымъ, бронзовыя вещи обратили на Могильникъ, относящійся по нимъ къ глубокой древности, все наше вниманіе, такъ что мы, снабдивъ Ивана Васильевича извѣстными Русскими по части раскопокъ сочиненіями, усильно просили его, достаточно по нимъ приготовясь, дѣйствительно произвесть, если можно, раскопку Ананьинскаго Могильника. Однако же общее наше желаніе въ томъ 1856 году встрѣтило препятствіе со стороны мѣстныхъ жителей, удѣльныхъ крестьянъ, которые не дозволяли Шишкину произвесть и малѣйшія раскопки. Это побудило его обратиться къ Удѣльному начальству,—и дѣло отложено было до слѣдующей весны. Мы присылали новыя сочиненія по части археологіи и въ особенности разрытія кургановъ и давали совѣты, тщательнѣе изучать ихъ и самую раскопку производить съ крайнею осторожностію и наблюдательностію. Когда управляющій Удѣльною конторой, не объясняя причины, весною отказалъ г. Шишкину въ дозволеніи раскопокъ, а между тѣмъ самъ своими людьми, безъ надлежащихъ свѣдѣній и правилъ, а потому и безъ результатовъ, въ Ананьинскомъ Могильникѣ рылъ яму аршина въ четыре: то г. Шишкинъ (отъ 21 апрѣля) весьма разумно просилъ насъ употребить стараніе, чтобы дѣло раскопки поручено было кому либо изъ членовъ Археологическаго Общества. Посему мы и обратились письменно къ покойному Павлу Степановичу Савельеву, объясняя ему важность Ананьинскихъ кургановъ и безполезность для науки удѣльныхъ раскопокъ. Послѣднее подтвердилось вторичными столь же безпорядочными и безуспѣшными разрытіями со стороны удѣльной: «въ разныхъ мѣстахъ они изрыли землю, писалъ намъ И. В. Шишкинъ отъ 1 іюля, и опять въ нѣкоторыхъ зарыли и все перемѣшали, и будто бы нашли нѣсколько вещей.... я непремѣнно къ депутату съѣзжу и узнаю подробно, какія вещи найдены и какъ нашли; и если бы привелось мнѣ разрывать, то постараюсь указаннымъ порядкомъ это дѣлать, не торопясь. Курганы не то что высокіе, а они низкіе и какъ будто срытые, или такого разряда, какъ и у Фундуклея показаны (подъ N 3-мъ). Ихъ два: на одномъ найденъ былъ камень, но мнѣ желательно узнать на другомъ-то нѣтъ ли таковаго. Удѣльные хотя и на немъ вырыли яму, но небольшую, и не могли, можетъ, потрафить на камень. Въ этихъ курганахъ примѣтно было кладбище: вырываются угли, согнившее дерево и плиты каменныя, накладенныя другъ на друга такимъ порядкомъ  ». Но П. С. Савельевъ, съ сочувствіемъ отозвавшись о важности указываемыхъ и предлагаемыхъ ему раскопокъ, по другимъ своимъ занятіямъ не нашелъ возможности самъ приступить къ нимъ или исходатайствовать у Археологическаго Общества назначеніе на это другаго какого нибудь лица, а отложилъ дѣло впредь до удобнаго времени; но вскорѣ за тѣмъ скончался. При такомъ неопредѣленномъ положеніи пропущено было и это лѣто 1857 г. и раскопки отложены до будущаго года. Между тѣмъ къ чести И. В. Шишкина замѣтимъ и это—онъ дѣятельно старался разузнать и пріобрѣсти отъ Татаръ на ихъ языкѣ рукописи о царствахъ Болгарскомъ и Казанскомъ и сдѣлать точные снимки съ Татарскихъ, въ Елабужскомъ уѣздѣ, надгробныхъ памятниковъ,—и, сколько могъ достать, Ив. В.

благосклонно сообщилъ намъ двѣ таковыхъ рукописи и два снимка, и сверхъ того нѣкоторыя вновь пріобрѣтенныя имъ вещи изъ находокъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ. Обѣ помянутыя Татарскія лѣтописи препровождены были нами въ Спб. въ Императорскую Академію наукъ, и одна изъ нихъ оказалась спискомъ съ Булгарской лѣтописи Шерефъ-еддина, изъ коей выписки помѣщены Березинымъ въ Булгарѣ на Волгѣ стр. 82—90; о судьбѣ другой Татарской лѣтописи, составленной 992 г. гиджры (отъ Р. Х. 1584), изъ коей мы, какъ и изъ предъидущей, заимствовали извѣстіе о Елабугѣ (1), доселѣ мы ничего не знаемъ. Сообщены были извѣстія (но не болѣе) о существованіи у Татаръ и другихъ какихъ-то лѣтописей. Кстати объ этомъ: недавно писалъ мнѣ изъ Мамадышъ (Каз. губ.) нѣкто Д. В. Хлѣбниковъ, хорошо знающій Татарскій языкъ, что у одного тамошняго знакомаго ему муллы есть какая-то дорогая лѣтопись Эль-бораръ тауйарихъ (т. е. Исторія объ ослицѣ Боракѣ). Здѣсь повѣствуется о началѣ Іерусалима, о происхожденіи этой ослицы Боракъ, на которой Магометъ якобы возносился въ одну ночь изъ Іерусалима на седьмое небо (2), объ Александрѣ Македонскомъ и о построеніи имъ разныхъ городовъ, о взятіи Тамерланомъ Юнанъ-Адріоновыхъ (?) городовъ—Сюддума и Буляра (т. е. Булгара), и объ этомъ Адріонѣ, побросавшемъ несмѣтныя богатства въ озеро, находящееся недалеко отъ означеннаго Булгара въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и пр. У Елабужскихъ Татаръ главнымъ образомъ я самъ искалъ, но тщетно, упоминаемой Арабскими писателями лѣтописи: «Тарихъ Булгаръ»—Исторіи Булгара, каковую составилъ будто бы во второй половинѣ XII вѣка кадій города Булгара Якубъ-ибнъ-Номанъ (3). Что касается до вышеозначенныхъ, доставленныхъ мнѣ, двухъ снимковъ съ подписей на надгробныхъ Татарскихъ памятникахъ: то оба они, одинъ изъ деревни Тураевой въ 40 верстахъ отъ Елабуги (вверхъ по Камѣ), другой близъ села Мещерякова въ 30 верстахъ, оказались недревними (XVI вѣка) и неважными. Между тѣмъ я посылалъ еще нѣкоторыя пособія и руководства къ задуманному нами важному предпріятію разрытія древнихъ кургановъ. Но Вятская Удѣльная контора весною 1858 г., снова отказавъ въ раскопкѣ г. Шишкину, поручила произвесть оную своему чиновнику г. Алабину. Онъ, въ іюнѣ прибывъ на мѣсто, пригласилъ въ соучастіе къ себѣ и г. Шишкина. И надобно отдать честь тому и другому, что они, запасшись означенными руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дѣло «съ Фундуклеемъ въ рукахъ», какъ писалъ мнѣ г. Шишкинъ, все наблюдали, записывали и соображали. Г. Алабинъ составилъ обстоятельную (хотя не вездѣ точную и удовлетворительную) Записку объ этой раскопкѣ и найденныхъ вещахъ, которая и отпечатана въ Вѣстникѣ Географическаго Общества 1860 № 6. Изъ этой Записки и нарочитаго о томъ же ко мнѣ письма г. Шишкина оказывается, что изъ вышеозначенныхъ двухъ кургановъ на Ананьинскомъ Могильникѣ приступлено было къ раскопкѣ большаго кургана, имѣющаго въ окружности 219 шаговъ, высоты черезъ верхъ отъ основанія 15—20 шаговъ, въ отвѣсѣ нѣкоторыя мѣста имѣютъ до 3 аршинъ. Издревле и до нашихъ почти временъ, говоритъ Алабинъ, вокругъ холма росли высокія деревья обыкновенной въ тамошней мѣстности осокори (родъ тополя) и на вершинѣ его, по увѣренію старожиловъ, были большіе кам-

(1) См. въ предъидущей статьѣ О городищахъ стр. 577—579.
(2) Слич. въ Herbelot Orientalische Bibliothek: Borak.
(3) См. Плюшара Энциклоп. Лексиконъ т. 7, стр. 295: Булгары.

ни, яко бы съ какими-то знаками или письменами. Изъ того, что нѣкоторые скелеты находились въ незначительной отъ поверхности глубинѣ, г. Алабинъ заключаетъ, что курганъ, каждогодно затопляемый разливомъ Камы, прежде былъ несравненно выше. Мы думаемъ, что это замѣчаніе напрасно. Какъ увидимъ ниже, въ бронзовый періодъ, къ коему относится нашъ Могильникъ, курганы вообще были не высоки; таковы и Кіевскія могилы у Фундуклея подъ № 3, съ коими Ананьинскій имѣетъ близкое сходство (1). При раскопкѣ въ самомъ началѣ кургана (со стороны деревни Ананьиной) подъ слоемъ земли изъ чистаго и рыхлаго чернозема (въ 3 четверти аршина) оказался круглый валъ (въ 28 шаговъ окружности), съ южной стороны коего было большое отверстіе или выходъ (въ 9 шаговъ). Онъ обложенъ въ два и три ряда, безъ всякой смазки; каменными необдѣланными плитами, шир. четверти въ 3 и 4, толщины вершка въ 2 и 3, лежащими, какъ выше показано, косвенно ребромъ одна на другой. Внутри этого вала или круга было довольно пережженой земли, такой же глины и угольевъ, и оказалось три положенныхъ скелета. Отъ этого каменнаго вала раскопка шла вдоль по всему кургану на пространствѣ (по письму г. Шишкина) 28 саженъ, глубокою и широкою (въ 3 аршина) канавою. Черезъ 13 саженъ отъ круга копающіе, по словамъ г. Алабина, наткнулись на каменную гряду или такую же насыпь, сдѣланную поперегъ кургана и обложенную каменными плитами, потомъ въ полусажени оказалась другая, параллельная ей, только гораздо короче, такая же каменная гряда, а за нею обнаружилась каменная стѣна не болѣе аршина толщины (2). За симъ курганъ заключался такимъ же круглымъ валомъ, покрытымъ каменными плитами, какъ и начальный, только онъ былъ поменьше и отверстіемъ обращенъ совсѣмъ въ противоположную сторону—къ сѣверу. Впрочемъ на аршинъ отъ него оказался еще каменный одръ, а за нимъ каменный же помостъ изъ большихъ плитъ, сложенныхъ одна на другую и покрывавшихъ скелетовъ. На всемъ этомъ пространствѣ, отъ перваго до послѣдняго круга, и нѣсколько еще за нимъ, найдено 46 или точнѣе 48 скелетовъ.

Изъ описанія ихъ у г. Алабина сдѣлаемъ анализъ.

1. Весьма ясно, что у народа, предавшаго своихъ покойниковъ Ананьинскому Могильнику, употреблялось обыкновенное въ древнихъ временахъ трупосожженіе. Внутри начальнаго каменнаго круга оказался твердый слой будто пережженой земли, толщиною въ югозападной части не болѣе четверти, а въ сѣверной около аршина и подъ нею почти на два аршина таковой же глины, составлявшей поэтому какъ будто возвышеніе; въ южной части нашлись и остатки человѣческихъ костей, именно отъ костяка I полуистлѣвшія кости рукъ и ногъ и перегорѣлаго черепа, отъ костяка II слѣды костей же, при костякѣ III разбросаны были уголья, а изъ-подъ него торчало превратившееся въ уголь бревно. Всѣ три костяка лежали восточнѣе вышепом. возвышенія изъ обожженой глины. Подлѣ круга близь IV костяка также найденъ въ значительномъ количествѣ уголь и притомъ такой величины, что нѣко-

(1) Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, Кіевъ 1848, стр. 61.

(2) Г. Шишкинъ, напротивъ, замѣчаетъ въ письмѣ, что этими плитами были обложены не какія нибудь собственно насыпи, такъ чтобы можно было допустить двѣ каменныя гряды, а только ими прикрывались самыя гробницы или скелеты, а каменною стѣною ограждались отъ прочихъ.—Что же касается до грота подъ этою стѣною, о коемъ пишетъ и самъ однако сомнѣвается г. Алабинъ (стр. 107), то г. Шишкинъ совершенно это отвергаетъ.

торые уголья длиною были яко бы болѣе аршина, а въ діаметрѣ до 10 вершковъ, а за тѣмъ обнаружился и костеръ, сложенный изъ огромныхъ бревенъ, совершенно превратившихся въ уголь; у самаго этого костра, а частію и на немъ открыта группа изъ трехъ костяковъ. Костякъ XVIII лежалъ на голой землѣ, но такъ твердой и мелкой, какъ земля, на которой былъ разложенъ большой костеръ, долго пылавшій, и въ разныхъ мѣстахъ при скелетѣ были сожженыя человѣческія кости. То же сказано о костякахъ XIII, XXIX, XLI, XLII. Далѣе, гдѣ былъ сложенъ XX-й костякъ, также сперва найденъ въ большемъ количествѣ уголь, а потомъ открытъ какъ бы одръ, сложенный изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ кусковъ дерева, изъ которыхъ многіе стояли торчмя: этотъ угольный помостъ, толщиною до 3 четвертей аршина, былъ сверху хорошо выравненъ и покрытъ тонкимъ слоемъ земли или пепла толщиною не болѣе вершка. Подъ остатками костяка XXXII близь вышепомянутой первой каменной гряды оказалось много уголья также сложеннаго въ костеръ, вмѣстѣ съ горѣлыми и неразвалившимися еще бревнами; земля подъ костякомъ была чрезвычайно крѣпка, видимо перегорѣлая. Тамъ же близь костяка XXXIV (должно быть XXXIII) земля оказалась изсѣра-черною, а близь другаго XXXV (должно быть XXXIV)—нѣсколько пережженыхъ костей человѣческихъ. Подъ слѣдующею за тѣмъ каменною стѣною также много было чрезвычайно рыхлой черной земли, будто смѣшанной съ золою или прахомъ, судя по его изсѣра-черному цвѣту. Головы скелетовъ IX—XI не сохранились въ томъ видѣ, какъ у другихъ костяковъ; остовы состояли изъ незначительнаго числа обугленныхъ костей; въ ногахъ костяка XIV лежало грудою нѣсколько обуглившихся костей и полусгорѣлый черепъ; при костякѣ XXVII найдены вещи № 102—105 съ видимыми признаками огня.

2. То же трупосожженіе показываютъ находящіеся при костякахъ большіе и маленькіе горшки съ человѣческимъ пепломъ. Подъ головою костяка I въ вещахъ подъ № 6-мъ найденъ горшокъ, развалившійся отъ прикосновенія, наполненный изсѣра-черною рыхлою землею, какъ будто смѣшанною съ золою и перегорѣвшимъ человѣческимъ прахомъ. У праваго бока костяка III подъ № 16 нѣсколько узорчатыхъ черепковъ отъ разбившагося горшка, тоже при скелетахъ IV, V—VII (№ 21), VIII, IX—XI, XXIII (№ 90 горшокъ узорчатый), XXVIII (горшокъ № 106 въ ногахъ и другой N 108 у праваго бока), XXIX (№ 114), XXXIV (чит. XXXIII у головы—горшокъ), у XLII въ изголовьѣ маленькій горшечекъ, а у праваго бока большой, XLIII (должно быть XLIV—съ большимъ горшкомъ въ ногахъ и маленькимъ въ изголовьѣ), XLVI (у лѣваго бедра). При скелетѣ XIII найденъ (№ 40) горшокъ въ ногахъ, толстый, развалившійся отъ прикосновенія, въ прахѣ его наполнявшемъ—маленькая сожженая косточка (№ 41), равно и при XLIII горшокъ совершенно раздавленный, въ рыхлой землѣ, которою онъ видимо былъ наполненъ, найдено двѣ птичьи (?) косточки, величиною каждая съ маленькую булавочку, при скелетѣ XLI головы не было, а вмѣсто ея стоялъ горшокъ (№ 131) наполненный изсѣра-черною землею, въ ногахъ маленькій горшечекъ, и въ немъ мѣдное колечко (№ 132). У скелета XX (котораго полное описаніе представлено ниже особо) въ разныхъ мѣстахъ найдены три большіе горшка одинъ въ другомъ, наполненные изсѣра-черною сухою землею съ нѣсколькими обуглившимися маленькими костями и семь маленькихъ горшечковъ. Маленькіе горшечки значатся также при скелетахъ V—VI (№ 23) маленькій горшечекъ, вѣроятно, слезница, на груди маленькаго костяка, IX—XI (№ 31) ма-

ленькій горшечекъ—слезница, при XXIV (92) въ головахъ большой, раздавленный горшокъ. съ рыхлою черною землею, въ ногахъ (№ 93) маленькій горшечекъ—слезница съ такою же землею, тоже при скелетѣ XLII (должно быть XLII а) № 138 139, при скелетѣ XXVII у лѣваго бока найденъ (№ 100) узорчатый горшечекъ, особой отъ другихъ формы, шире въ основаніи и уже къ верху.

3. Большая часть скелетовъ лежали на голой, твердой и, очевидно, пережженой землѣ I—III. VIII—XI. XVIII. XXIX. XL-XLII, нѣсколько въ рыхломъ или твердомъ обожженомъ черноземѣ II. XIII. XXX, нѣкоторые, вѣроятно, особенно знатные и богатые, были положены на особенныхъ, нарочито устроенныхъ изъ обгорѣлыхъ бревенъ, могильныхъ одрахъ или каменныхъ ложахъ № XX. V—VII. XLII (д. б. XLII а). Другіе костяки или вѣрнѣе отдѣльныя головы были положены на каменныхъ плитахъ: XII (голова на двухъ каменныхъ плитахъ?), XXI XXII (двѣ головы безъ другихъ костей—на двухъ плитахъ), XXIII (костякъ положенный на камняхъ и какъ бы обложенный камнями), XXV (голова съ нѣсколькими костями на двухъ камняхъ), XXVI (голова на нѣсколькихъ камняхъ?), XXXIV (костякъ лежащій только головою на каменной плитѣ, а туловищемъ на голой землѣ), XXXIX (голова на камнѣ). Замѣчательно, что четыре головы XXXV—XXXVIII между вышепомянутыми двумя поперечными каменными грядами и пятый черепъ близь костяка XLII а, найдены не положенныя, а поставленныя на камняхъ.

4. Отъ положенныхъ скелетовъ вообще представляются однѣ только твердыя и большія кости рукъ и ногъ, да черепы перегорѣлые; мелкихъ костей вовсе не видно. Исключеніе видно только на одномъ или двухъ покойникахъ. Отъ скелета № XIX сохранились ребра, а также и другія части тѣла—позвонки хребта, лопатки, развалившійся тазъ, тоже отчасти см. въ костякахъ XXXV (чит. XXXIV); мелкихъ же костей, по замѣчанію г. Алабина, какъ-то пальцевъ и тому подобнаго не было и у этого XIX костяка. Но и мелкія кости, именно отъ пальцевъ, найденныя нами лично въ Ананьинскомъ Могильникѣ, мы имѣемъ въ собственномъ владѣніи. Какъ эти кости, такъ и кости скелета XIX не имѣютъ никакого признака огня, и угля близь него не оказалось. Голова его туго была набита мелкою черною землею, подобно и всѣмъ другимъ здѣсь найденнымъ черепамъ (см. сказанное о скелетѣ XIX, равно и V—VII).

5. Черепъ покойника XIII имѣетъ рану отъ удара какимъ-то острымъ орудіемъ—саблею или топоромъ; у скелета XXIV на затылкѣ черепъ также по видимому пробитъ, у другаго костяка XLI совсѣмъ не нашлось головы, если не истребилась она какъ нибудь или при раскопкѣ не ускользнула отъ вниманія; одинъ костякъ XLIII за послѣднимъ уже каменнымъ кругомъ найденъ совершенно раздавленнымъ каменными плитами.

6. Скелеты лежали безпорядочно въ разныхъ слояхъ земли и въ разныхъ степеняхъ глубины отъ поверхности, нѣкоторые не болѣе какъ на одну четверть II. IV, и лежали по одиночкѣ и по два и по три и по пяти вмѣстѣ, см. V—VII. IX—XI. XIII. XIX. XXIV. Большею частію они лежали головами на сѣверъ, ногами на югъ (и нѣкоторые лежали навзничь) I. V—VII. XIII. XXXII. XLVI; два скелета подъ № XIX напротивъ обращены лицемъ и ногами на сѣверъ, головы же лежали на югъ; одинъ XLV лежалъ навзничь, вдоль по кургану, головою на югъ, ногами на западъ. Лицомъ скелеты почти всегда обращены были на югъ V—VII. VIII. IX—XI. XII. XVIII. XXIII. XLII а) XLIII, но скелетъ IV на сѣверозападъ, скелеты XXI и XXII

на сѣверовостокъ. Два скелета XXXIII и XXXIV ногами лежали на западъ, но лице у одного повернуто на югъ, у другаго на сѣверъ.

7. При скелетахъ обыкновенно клались вещи изъ оружія, украшеній къ одеждѣ и изъ домашняго обихода, а нѣкоторыя неизвѣстнаго значенія. Большая часть сихъ вещей названы у г. Алабина мѣдными, впрочемъ по замѣчанію его самого на стр. 104 въ сущности они какъ бы не мѣдныя, а сдѣланы изъ какого-то сплавка ломкаго, въ изломѣ не блестящаго. Это, какъ оказывается,—бронза, сплавъ мѣди съ оловомъ.

Къ оружію относятся: а) такъ называемые *кельтскіе топорики*, каковыхъ изъ Ананьина Могильника въ нашемъ собственно владѣніи имѣется нѣсколько экземпляровъ. Довольно ихъ найдено и г. Алабинымъ, только онъ не могъ ихъ назвать подлиннымъ именемъ, но приблизительно назвалъ это оружіе скел. V-VII № 18 «наконечникомъ какого-то мѣднаго орудія, весьма похожаго на лопаточку, вѣроятно копья, съ остаткомъ дерева во втулкѣ». Оно значится и въ другой разъ подъ № 20 при той же группѣ V-VII, также при скелетахъ IX-XI № 32 (наконечникъ... отлитый въ болѣе узорчатую, сравнительно съ № 18 и 20, форму съ остаткомъ дерева во втулкѣ), при XIII № 38 (наконечникъ мѣднаго орудія, подобнаго № 18 съ остаткомъ древка), при XVII № 48 (мѣдный наконечникъ...), при XIX № 65 (мѣдный наконечникъ такого же орудія, какъ и № 18, только *другой формы*; въ копьѣ сохранился кусочикъ дерева, на которое наконечникъ былъ насаженъ: въ немъ сохранился и *деревянный гвоздь*, которымъ *копье* было прикрѣплено къ древку), при XXVII № 101 (мѣдный наконечникъ... тѣмъ замѣчательный, что какъ бы разбитъ въ нижней части и отбитые кусочки или черепки вложены въ средину наконечника...) (1), при скел. XXVIII № 110 (мѣдный наконечникъ...), XXIX № 111 (тоже), XLI № 133 (тоже), XLVI № 146 (тоже, съ остаткомъ дерева во втулкѣ). б) *Кинжалы*, найденные при скелетахъ I-мъ № 7 (у лѣваго плеча кинжалъ желѣзный), XVIII N 59 (на мѣстѣ живота), XLVI N 145 у кисти лѣвой руки желѣзный кинжалъ въ таковыхъ же ножнахъ, доходящихъ до половины клинка; на рукояти кинжала съ обѣихъ сторонъ *желобки*, какъ будто въ нихъ было вставлено какое украшеніе; ножны на мѣстѣ, на которомъ они бываютъ всегда спаяны, какъ будто разрѣзаны. У кисти правой руки скелета XXIII N 86 кинжалъ, клинокъ коего съѣденъ временемъ; верхняя и нижняя часть рукоятки кинжала мѣдная, на самой рукояткѣ желобокъ какъ бы для вставки какого украшенія, конечно истлѣвшаго. Остріемъ кинжалы обыкновенно обращались къ скелетамъ. в) *Копье* при скел. I N 3 (у праваго бока большое желѣзное копье), V-VII № 19 (наконечникъ *мѣднаго* копья доселѣ употребляемой формы), IX-XI № 29 (длинное желѣзное копье), XIX № 60 (мѣдное обыкновенной формы копье, лежало въ футлярѣ (?) совершенно сгнившемъ, кромѣ небольшой его части, оставшейся подъ самымъ копьемъ и оказавшейся деревянною, покрытою плетенкою въ родѣ рогожи, слѣды коей видны и на самомъ копьѣ), XXXI № 116. г) *Оружіе, похожее на нашу кирку* (имѣющееся и въ нашемъ собраніи, о коемъ скажемъ ниже). О немъ говорится при скел. XVIII № 57: жгутъ приставленный ко втулкѣ какого-то желѣзнаго орудія, имѣющаго форму нашей

(1) Вмѣсто фантастическаго за симъ объясненія г. Алабинымъ такого явленія, скажемъ, что и въ нашей коллекціи есть экземпляры таковыхъ, до половины только отлитыхъ или вышедшихъ кельтовъ; а почему это такъ, скажемъ ниже.

кирки, лежавшаго на мѣстѣ лѣваго плеча скелета; во втулкѣ этого орудія остались небольшіе кусочки проржавѣвшаго отвердѣвшаго дерева № 58; и далѣе о томъ же костякѣ XVIII № 61: у правой руки на мѣстѣ кости какое-то *мѣдное* орудіе также въ видѣ кирки, отчетливой работы, съ ушкомъ для привѣшиванія; орудіе это лежало, по видимому, въ футлярѣ или ножнахъ (?), но отъ нихъ остался только прахъ; во втулкѣ его не видать слѣдовъ дерева; при скел. XXIV № 94 (желѣзное орудіе, совершенно похожее на нашу кирку,—у праваго плеча), XLII № 137 (обломокъ или половинка такого же желѣзнаго орудія въ видѣ кирки, какъ и подъ № 57). д) *Стрѣлы*—всѣ мѣдныя или точнѣе бронзовыя при скелетахъ: I № 4. 5 (на груди двѣ *мѣдныя* стрѣлки), VIII № 26 (на груди наконечникъ мѣдной стрѣлы съ незначительнымъ остаткомъ дерева во втулкѣ; такія стрѣлы изображены въ изданіи Фундуклея на листѣ XVII), XVIII № 60, XIX № 63. 64 (по стрѣлкѣ у лѣвой щеки и лѣвой ноги), XXVIII № 107 (стрѣлка у шеи), XLII № 135 (на груди мѣдная стрѣлка).

Изъ украшеній одежды встрѣчаются: а) *головное украшеніе*—кругъ изъ толстой витой проволоки, обыкновенно называемое *жгутомъ*, или изъ широкаго *мѣднаго листа*. Таковые находятся при скелетахъ I № 1 (у черепа мѣдный какъ бы витой жгутъ, сломанный по срединѣ), II № 8 (два куска изломаннаго и изогнутаго мѣднаго жгута у головы), IV № 17 (близь черепа лежалъ широкій мѣдный обручь (1) съ дырами въ окончаніи, какъ бы для завязокъ; надо думать, этотъ обручь былъ головнымъ украшеніемъ); XVIII № 56 (почти въ уровень съ головою лежалъ мѣдный сломанный жгутъ..), XX № 72 (мѣдный жгутъ, лежавшій у кисти лѣвой руки подъ толстымъ слоемъ уголья). б) *Ожерелья и браслеты* при скелетахъ II № 10 (на груди шесть частей мѣднаго ожерелья и одинъ обломъ таковой же части), IX-XI № 35 (остатокъ ожерелья и браслета, состоящій изъ трехъ мѣдныхъ широкихъ колечекъ, нанизанныхъ на ремешекъ доселѣ сохранившійся), XVII № 50, 51 (на груди части мѣднаго украшенія съ ушками, что-то въ родѣ ожерелья; три части того же украшенія у кисти лѣвой руки), XX № 77 (мѣдное ожерелье или другое украшеніе, лежавшее въ два ряда, по видимому, въ футлярѣ, совершенно впрочемъ обратившемся въ прахъ; ожерелье это положено у ступни правой *ноги* скелета и состоитъ изъ 60-ти штукъ и мѣднаго толстаго кольца № 78, видно замѣнявшаго застежку), XXXV (д. б. XXXIV) № 125 (выше головы звѣно мѣднаго ожерелья, подобное описанному подъ № 78), XLVI № 147 (тоже самое). Къ ожерелью же, вѣроятно, относятся описанные при томъ же скелетѣ XX кружочки подъ № 73 (полное описаніе сего скелета см. ниже) и № 79-81 три мѣдныхъ бляшки, лежавшихъ близь ожерелья, равно и значащаяся при скел. II № 13 синяя стеклянная *буса* (2). в) *Украшенія пояса* или вообще одежды, какъ-то бляшки и пластинки при скелетахъ: IX—XI № 33 (металлическая пластинка) и № 34 (украшеніе пояса или одежды изъ мѣдныхъ бляшекъ съ остаткомъ кожи, на которую были прикрѣплены), XIII № 43 (мѣдная бляшка, бывшая, вѣроятно, украшеніемъ пояса или сбруи), XX № 79—81 (три мѣдныхъ бляшки, на всѣхъ видны дыры для укрѣпленія къ какому-то предмету), XXIV № 95. XXVII № 105 (у головы мѣдная бляшка съ четырмя дырками на углахъ), XXIX № 112 (мѣдная пластинка), XXXIII и XXXIV № 119 (мѣдная пла-

(1) По письму г. Шишкина изъ тонкой и гладкой мѣди, шириною въ вершокъ.
(2) По письму г. Шишкина находили въ родѣ бусъ вещи мелкія мѣдныя и костяныя.

стинка), XLII № 136 (у правой руки кусокъ желѣзной бляшки), XLII а) № 139 (близь горшечка бляшка), XLIII № 142 (у самаго рта мѣдная бляшка), XLVI № 150 (два обломка мѣдной пластинки, свернутой въ трубку); пряжка, крючекъ и т. п. при скел. XV № 47 (мѣдная, отчетливо сдѣланная пряжка, съ ушкомъ, узорчатая съ обѣихъ сторонъ, лежала на груди); II № 9 (желѣзный крючекъ, найденный у праваго бока), при скел. XXVII № 103 какое-то мѣдное украшеніе съ пятью шишечками и ушкомъ и № 105 мѣдная бляшка съ четырмя дырками на углахъ. г) *Кольца и колечки*: при XLIV № 144 (два мѣдныя кольца), XXIX № 113 (мѣдное колечко), XLI № 132 (въ маленькомъ горшечкѣ оказалось мѣдное колечко), XIII № 42 (глиняное колечко, оказавшееся въ зубахъ скелета). д) *Привѣска къ уху*: при скел. XXV № 97 (*каменное* украшеніе, имѣющее форму уха, что-то въ родѣ привѣски къ сергѣ, грубой работы).

Изъ домашняго быта или хозяйственныхъ вещей въ Могильникѣ найдены: а) *ножи*— всѣ желѣзные, именно при скелетахъ I № 2 (у кисти правой руки желѣзный ножъ), III № 15 (тоже у кисти лѣвой руки), V—VII № 24 (тоже наравнѣ съ животами скелетовъ), VIII № 25 (остатокъ желѣзнаго ножа у правой руки), XIII № 39 (*мѣдная рукоятка* ножа съ большимъ остаткомъ *желѣзнаго* лезвея, съ дырочкою въ концѣ для ношенія у пояса), XV № 46 (у руки), XVII № 52 (у кисти правой руки), XXIII № 88. XXVIII № 109. XXXI № 117 (всѣ три у кисти лѣвой руки), XXXV (чит. XXXIV) № 127 (ножъ), XL № 130 (обломокъ), XLI № 134 (обломокъ же у лѣвой руки), XLIV № 143. Остріемъ ножи большею частію обращены къ самимъ скелетамъ. б) *Точильный камень* при скел. V—VII № 22 (каменная палочка съ дырочкою, вѣроятно, точило), XVII № 49 (каменная палочка), XXIII № 87 (каменная палочка, вѣроятно точило, треснувшее у дырочки, найдена на нижней части груди), XXIX № 115 (выше колѣна обломокъ каменной палочки съ дырочкою, совершенно подобной нѣсколькимъ вышеписаннымъ—точило), XXXI № 118 (каменное точило на груди), XXXIV (чит. XXXIII) № 120 (у кисти лѣвой руки красный булыжный камень, № 121 у головы—бѣлый известковый камешокъ,—оба камня, грубой отдѣлки, имѣютъ ту же форму, какъ и изображенный Фундуклеемъ на листѣ VIII его изданія точильный камень). в) *Швейная игла* при скел. XLIII № 140 (длинная мѣдная игла, по видимому, обыкновенная швейная). г) Мѣдная *тарелочка* у скел. XX № 75, у него же № 84 круглая, мѣдная *крышечка*, съ ушкомъ. д) У шеи скелета XVIII найдена горсть какихъ-то *сѣмянъ*, по видимому, бывшихъ завернутыми въ тряпицу, отъ которой остался одинъ прахъ; нѣкоторыя сѣмена отвердѣли, а нѣкоторыя будто еще сохранили жизнь. Когда г. Алабинъ семь таковыхъ сѣмечекъ посѣялъ въ горшки съ разною землею: то три сѣмечка взошли и достигли высоты полутора вершка, давъ по шести совершенно похожихъ на коноплю листиковъ, хотя форма сѣмянъ не имѣла сходства съ сѣменами конопли (1).

---

(1) Ейхвальдъ въ нижепоказанной статьѣ своей Über die Säugthierfauna, обратившій особенное вниманіе на Ананьинъ Могильникъ, S. 465 относительно этихъ сѣмянъ замѣчаетъ, что было бы весьма интересно, если бы нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно оказались коноплею. Коноплю эту, говоритъ онъ, доселѣ на востокѣ Хивинцы, Бухарцы и Афгане, превративъ въ порошокъ, всыпаютъ въ кальянъ, и она, издавая пріятный запахъ, производитъ на нихъ еще, какъ опіумъ, усыпляющее и опьяняющее дѣйствіе. Уже *Массагеты* по Геродоту (Hist. lib. 1 cap. 202), бросая какое-то сѣмя въ огонь, упоевались запахомъ его, какъ Греки виномъ. Подобное употребленіе доселѣ дѣлаютъ Татарскія племена на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Другія изъ до-

Вещи неизвѣстнаго значенія (о коихъ впрочемъ мы скажемъ впослѣдствіи) суть слѣдующія: при скел. II № 11 у лѣваго бока какая-то мѣдная вещь, нѣсколько похожая на *ключь*, съ сквознымъ отверстіемъ, и № 16 какая-то мѣдная вещь въ формѣ *колокольчика* съ сквознымъ отверстіемъ въ верхней части, совершенно подобная изображенной у Фундуклея на листѣ XVII подъ буквою е) вещицѣ, которую онъ, несправедливо впрочемъ, принимаетъ за принадлежность лука; при скел. XVII № 53 какая-то мѣдная вещица, имѣющая видъ *луны*, посаженная на стержень съ винтообразнымъ нарѣзомъ и сквознымъ внутри отверстіемъ, № 54 у лѣваго бока какая-то узорчатая мѣдная вещица съ сквозною дырочкою, и № 55 на груди, близь предъидущей, такая же вещица; у скел. XX № 83 какой-то мѣдный *рожокъ*, бывшій когда-то насаженнымъ на древко съ остатками того дерева; у скел. IX—XI № 30 мѣдный крючекъ, въ родѣ ручки отъ современной трости, съ изображеніемъ головы какого-то длинноносаго звѣря съ прижатыми ушами; скел. XXIII № 85 у праваго бока мѣдная вещь, со всѣхъ сторонъ покрытая какимъ-то особымъ бѣловатымъ сплавомъ, очень отчетливо сдѣлана и съ лицевой стороны представляетъ изображеніе, кажется, того же звѣря, который изображенъ въ крючкѣ, описанномъ подъ № 30, съ продолговатой мордою и прижатыми ушами, только тутъ (?) онъ изображенъ въ большемъ видѣ, притомъ съ лапами и раскрытою пастью, какъ пожирающій другое гораздо меньшей величины животное, схвативъ его лапами; сзади эта вещь гладкая и имѣетъ большое ушко.

Кромѣ желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей у одного скелета II № 12 найденъ у лѣваго бока необдѣланный *кремень*, какого вида—не показано. Впрочемъ кремневыхъ вещей изъ Ананьина Могильника находится нѣсколько въ собраніи и нашемъ собственно и у другихъ (о чемъ скажемъ послѣ).

Наконецъ у нѣкоторыхъ скелетовъ найдены *кости лошадиныя* или другихъ животныхъ, что̀ показываетъ закланіе сихъ животныхъ на гробахъ положенныхъ здѣсь покойниковъ. Такъ у двухъ костяковъ V. VI вмѣсто изголовья лежала большая лошадиная кость нижней части ноги, и на ней вышепомянутый подъ № 18 кельтскій топорикъ, у костяка XXVII № 99 лошадиный зубъ на груди, у скелета XXX у головы лошадиная кость, скел. XXXIV (д. б. XXXIII) № 123 (тоже на груди), при XXXV (д. б. XXXIV) надъ головою лошадиная кость, и тамъ же № 126—лошадиные зубы, при XXXV—XXXVIII № 129 два зуба лошади или другаго какого животнаго, при XLVI № 148 *перегорѣлый* зубъ лошади или другаго животнаго, на мѣстѣ живота, и № 149 обломокъ какой-то кости, по видимому, не принадлежавшей этому скелету.

Дабы дать понятіе о положеніи и украшеніи хотя одного костяка въ Ананьинскомъ Могильникѣ, за симъ мы помѣщаемъ вполнѣ описаніе у Алабина остатковъ болѣе прочихъ богатаго и знатнаго (д. б. женскаго) мертвеца подъ № XX. «Когда отъ мѣста, гдѣ по признакамъ ножныхъ костей, долженъ бы кончаться скелетъ (№ XIX), мы пошли сѣвернѣе, показался уголь, и чѣмъ дальше мы рылись, тѣмъ въ большемъ количествѣ онъ обнаруживался. Вскорѣ открытъ какъ бы одръ, сложенный

ставленныхъ г. Алабинымъ въ Географическое Общество сѣмянъ, по словамъ докт. Регеля, директора ботаническаго сада, суть сѣмена гречухи (Polygonum tinctorium) и нѣкоторыя—шалфея (Salvia Sclaraea), которыя, можетъ быть, росли и на Камѣ и древними обитателями были употребляемы въ пищу.

изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ кусковъ дерева, изъ которыхъ многіе стояли торчмя. Этотъ угольный помостъ, толщиною до трехъ четвертей аршина, былъ сверху хорошо выровненъ и покрытъ тонкимъ слоемъ земли или пепла, толщиною не болѣе вершка. На этомъ одрѣ оказался костякъ, лежавшій лицемъ на сѣверъ, совершенно истлѣвшій; голова его развалилась при прикосновеніи; для образца взяты два куска черепной кости (№ 68). Въ самомъ одрѣ и на поверхности его у этого скелета найдены раличныя вещи, а въ особенности найдено горшковъ несравненно больше, чѣмъ при другихъ скелетахъ, а именно: подъ самою головою три большіе горшка, одинъ въ другомъ, наполненные изсѣра-черною сухою землею; въ нихъ нашлось также нѣсколько обугленныхъ маленькихъ костей: всѣ три горшка были совершенно раздавлены и о положеніи ихъ можно было опредѣлить только по черепкамъ. Далѣе, у лѣвой щеки скелета оказалось еще три маленькіе горшечка, одинъ въ другомъ, совершенно сохранившіеся, съ рельефною отдѣлкою по краямъ (№ 69, 70 и 71); всѣ они были наполнены рыхлою землею. № 72 мѣдный жгутъ, лежавшій у кисти лѣвой руки, подъ толстымъ слоемъ уголья, на голой землѣ; № 73 тридцать девять глиняныхъ кружечковъ, покрытыхъ бирюзоваго цвѣта глазурью (сошедшею впрочемъ съ многихъ), лежали у правой половины головы скелета. Эти кружечки какъ будто составляли браслетъ или часть ожерелья, и не лежали рядомъ, а оказались разбросанными на пространствѣ квадратнаго полуаршина. № 74 горшечекъ у праваго бока, на четверть ниже другой, раздавленный; у праваго и у лѣваго колѣна еще по горшку, также и эти разбиты. N 75 мѣдная, изъѣденная временемъ, тарелочка у лѣваго бедра; № 76 горшечекъ у ступни лѣвой ноги. № 77 мѣдное ожерелье или другое украшеніе, лежавшее въ два ряда, по видимому въ футлярѣ, совершенно, впрочемъ, обратившемся въ прахъ; я нанизалъ это ожерелье на снурокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно лежало въ землѣ. Ожерелье это положено у ступни правой ноги скелета, и состоитъ изъ 60 штукъ и мѣднаго толстаго кольца (№ 78), видно замѣнявшаго застежку. № 79 мѣдная бляшка, лежавшая близь описаннаго ожерелья; № 80 другая бляшка меньшая, тутъ же; № 81 обломокъ третій. На всѣхъ видны маленькія дыры для прикрѣпленія къ какому-то предмету; надписей, изображеній на нихъ не видать, а потому трудно предположить, чтобъ это были амулеты; вѣрнѣе, что это головное украшеніе въ родѣ обруча, означеннаго подъ № 17. № 82 два куска желѣзной палочки, видимо обломки, рукоятки ножа. № 83 какой-то мѣдный рожекъ, бывшій когда-то насаженнымъ на древко съ остатками того дерева. № 84 круглая, мѣдная крышечка съ ушкомъ».

Глубокую древность Могильника показываетъ то, что положенныя въ немъ (не говоря о глиняныхъ) желѣзныя вещи, какъ-то: копья, ножи почти всѣ до половины и болѣе изоржавѣли, а нѣкоторыя такъ изотлѣли, что отъ прикосновенія распадались; но мѣдь или точнѣе бронза не повредилась, только нѣкоторыя изъ сихъ вещей отъ окиси покрылись весьма глянцовитымъ, какъ бы малахитовымъ твердымъ слоемъ. Отъ этого же окисленія мѣдной бляшки зубъ и челюсть у скелета XIII № 44, на коихъ она лежала, совершенно позеленѣли, а полуистлѣвшее дерево рукоятки мѣднаго орудія скелета XXIII № 89 получило ярко-зеленыя крапинки.

Къ объясненію Ананьина Могильника, «исполненнаго глубокихъ тайнъ и высокаго интереса», г. Алабинъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній и соображеній. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующія. 1) Изъ обряда трупосожженія, который былъ общимъ (?) у

первобытнаго человѣчества, и о существованіи коего въ древнѣйшей Руси говорятъ Арабскіе писатели Масуди и Якутъ (Карамзина Ист. Гос. Рос. т. 1. прим. 364) заключается, что скелеты здѣсь погребены во время глубочайшей древности, въ первые вѣка по Рождествѣ Христовѣ, или даже до онаго. 2) Изъ костра вынимались только черепъ, да нѣсколько большихъ костей отъ рукъ и ногъ, остальныя же обращались въ пепелъ, часть коего и собиралась въ горшокъ (пепельницу), зарывавшійся съ покойникомъ. Чѣмъ важнѣе былъ умершій, тѣмъ, вѣроятно, большее употребляли стараніе къ сохраненію его пепла, и потому при скелетѣ XX найдено шесть горшковъ, не считая вставленныхъ одинъ въ другой; этотъ же мертвецъ положенъ на угольный костеръ, сложенный съ наибольшимъ тщаніемъ, и при немъ найдены лишь украшенія, а оружія не было, такъ что можно предполагать какую нибудь знатную женщину. 3) Костякъ XIX, найденный, не какъ другіе, съ ребрами и костями, служитъ доказательствомъ, что не всѣхъ мертвыхъ въ то время сожигали. 4) Головы, безъ прочихъ костей скелета, не положенныя, а поставленныя на камняхъ, или принесены съ поля битвы, или это—жертвы какого-то обычая и отрублены гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не на курганѣ, или не суть ли это головы рабовъ и плѣнниковъ, отъ коихъ прочія части здѣсь же сожигались всецѣло въ умилостивительную жертву? 5) Хотя скелеты лицомъ преимущественно обращены къ югу, но какъ нѣкоторые имѣютъ и другое направленіе: то это показываетъ въ народѣ, предавшемъ своихъ покойниковъ Могильнику, отсутствіе религіозныхъ идей, кои влекли бы взоры его напримѣръ на Востокъ къ гробу Магомета.—Но гробъ Магометовъ, скажемъ на это, въ отношеніи къ Елабугѣ дѣйствительно стоитъ на югѣ, и туда обращены были своими лицами всѣ Монгольскіе покойники въ Сараѣ, лежа ногами на востокъ, головами на западъ (1). Это впрочемъ въ Ананьинскихъ скелетахъ отнюдь не показываетъ какихъ нибудь мусульманъ: трупосожженіе не совмѣстно съ исламомъ. 6) Обложенные камнемъ круглые валы предполагаются мѣстами трупосожженія, и вынутыя изъ костра твердыя кости за тѣмъ естественнымъ порядкомъ разлагались на каменныхъ или изъ обгорѣлыхъ бревенъ устроенныхъ одрахъ, или же на землѣ, только обожженой. Ибо трудно предположить, чтобы трупы сожжены были на этихъ самыхъ мѣстахъ, на коихъ найдены ихъ кости, а не на нарочито устроенныхъ. 7) Отсутствіе въ вещахъ при скелетахъ благородныхъ металловъ, монетъ, мечей, шлемовъ, панцырей и на вещахъ надписей показываетъ, что ничего этого тогда еще не было извѣстно жившему тутъ народу. Хотя по этому и можно бы полагать такой народъ въ состояніи дикости: но многія искусно и затѣйливо сдѣланныя вещи изъ оружія и украшеній показываютъ въ немъ и довольно высокую степень цивилизаціи. 8) Близкое показывается сходство Ананьинскаго Могильника съ описанными у Фундуклея могилами югозападной Россіи. Въ послѣднихъ такія же точно стрѣлы, точильные камни, горшки съ узорами и пр., скелеты тоже обращены преимущественно на сѣверъ,—нѣкоторые обложены каменными плитами,—при нихъ костры изъ бревенъ и угля и печища изъ обожженой глины, кости животныхъ; нѣкоторыя головы найдены безъ костяковъ и одинъ костякъ безъ головы и т. д.

---

(1) См. въ Запискахъ Спб. Археологическо-нумизматическаго Общества т. 2 статью Терещенки: Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая, стр. 400.

Статья г. Алабина объ Ананьинскомъ Могильникѣ вскорѣ обратила на себя вниманіе извѣстнаго своими сочиненіями по части раскопокъи древностей акад. Ейхвальда, который и сдѣлалъ свои соображенія относительно древности Могильника (1). Не сомнѣваясь отнести Могильникъ къ древнѣйшимъ временамъ до Рождества Христова, Ейхвальдъ усвояетъ оный описаннымъ у Геродота и другихъ Скиѳамъ или Чуди. Вотъ подлинныя слова его (стр. 458. 459): «большой Ананьинской Могильникъ занимаетъ высокій холмъ (?), который большею частію взрытъ и внутри обложенъ каменными плитами по валу, въ которомъ (Могильникѣ) подлѣ скелетовъ, отчасти сожженыхъ въ прахъ, много мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей изъ оружія, орудій и сосудовъ. Камскій Могильникъ въ этомъ отношеніи весьма сходствуетъ съ подобными могилами въ Кіевской губерніи и, очевидно, происходитъ отъ того же народа Скиѳскаго племени, который на югѣ Россіи, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Греческими колоніями въ Понтѣ, поэтому въ своихъ гробницахъ представляетъ столь много Греческихъ искусно расписанныхъ урнъ и вазъ. Построеніе Ананьинскаго Могильника и содержаніе его, кажется, весьма много имѣетъ сходства и съ Чудскими могилами на Алтаѣ, какъ онѣ прежде сего описаны Палласомъ и Синерсомъ. Изъ разрытія и описанія Ананьискаго Могильника у Алабина я хочу доказать, что народъ, отъ котораго остались эти гробницы, былъ древнее Скиѳское или Чудское племя, которое принадлежало доисторическому времени, т. е. желѣзному вѣку Россіи, такъ какъ мы такое же точно описаніе обычаевъ Скиѳовъ находимъ у Геродота въ 4-й книгѣ его историческаго творенія. Можетъ быть, погребенные тамъ, на Камѣ, Скиѳы были современники еще Дарія, Персидскаго царя, и во всякомъ случаѣ это были предшественники происшедшихъ изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской Чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на югъ, и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ». Прослѣдивъ потомъ описаніе Могильника у Алабина и показавъ сходство нѣкоторыхъ найденныхъ въ немъ вещей съ открытыми въ Скиѳскихъ могилахъ Крыма, Ейхвальдъ на стр. 470—479 дѣлаетъ общія заключенія о Могильникѣ. Онъ полагаетъ 1) что всѣ 46 скелетовъ сожжены были на многихъ небольшихъ кострахъ *въ одинъ день*, что это были тѣла женъ, придворныхъ и рабовъ, положенныхъ, по древнимъ обычаямъ, вмѣстѣ съ умершимъ тогда какимъ нибудь важнымъ владѣтелемъ нѣкогда цвѣтущей земли на Камѣ.—На сіе однако мы не можемъ согласиться: потому что скелеты найдены въ разныхъ слояхъ земли, одни глубже, другіе мелче, и кости ихъ, равно и вещи при нихъ, однѣ болѣе истлѣли и повредились, другія—менѣе. Да и послѣднее положеніе автора, какъ увидимъ, этому не гармонируетъ. 2) Чудскія племена на рѣкѣ Камѣ, говоритъ онъ за симъ, сожигали своихъ мертвыхъ, а прахъ ихъ собирали въ глиняные горшки, поставляемые вмѣстѣ съ маленькими слезницами при скелетахъ. Черепы приносимыхъ въ жертву они, кажется, предварительно отдѣляли отъ туловища и поставляли ихъ особо, не предавая огню: были ли это плѣнники изъ другаго народа, или жены и рабы умершаго, рѣшить трудно; но что жертвы были умерщвляемы острыми орудіями, видно изъ ранъ на двухъ вышепомянутыхъ черепахъ XII и

(1) См. помѣщенную въ Bulletin de la Societé impériale des naturalistes de Moscou, 1860 № IV статью Ейхвальда: Über die Saügthierfauna der neueren Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde, von Ed. von Eichwald.

XXIV. Эти человѣческія жертвы и человѣкояденіе указываютъ на древнѣйшія времена андрофаговъ. Скелетъ, отъ котораго сохранились ребра, позвонки и прочія части, очевидно, не бывшій на кострѣ, не былъ ли съѣденъ при гробѣ, какъ жертва? Геродотъ сѣверную Чудь называетъ андрофагами (человѣкоядцами),—и легко могло статься, что погребеніе здѣсь знатныхъ лицъ соединено было съ жертвами плѣнниковъ и рабовъ, и при этомъ они были снѣдаемы. 3) Тогда какъ г. Алабинъ по Фундуклею (стр. 67) скелетовъ, обложенныхъ каменными плитами, усвояетъ какимъ-то Скандинавскимъ выходцамъ,—Ейхвальдъ, съ большею вѣроятностію, видитъ въ нихъ остатки женъ или высшихъ сановниковъ, и въ этомъ находитъ только замѣчательное сходство Скиѳскихъ могилъ, Геродотова времени, описанныхъ Фундуклеемъ, съ Чудскими на Камѣ. 4) Лошадиныя кости, находимыя при скелетахъ, показываютъ, что при погребеніи тогдашнихъ покойниковъ закалались и ихъ кони, какъ это свидѣтельствуетъ о Скиѳахъ Геродотъ. 5) Весьма замѣчательно, что въ Могильникѣ, кромѣ нѣкоторыхъ каменныхъ орудій, находятся преимущественно мѣдныя и желѣзныя: это указываетъ на *первыя столѣтія до Рождества Христова*, когда мѣдныя орудія и оружіе были еще въ употребленіи и не было въ ходу ни монетъ, ни письменъ, коихъ и на вещахъ Ананьина Могильника никакихъ слѣдовъ не видно. Въ заключеніе сдѣланы еще два слѣдующія замѣчанія: а) относительно найденныхъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ череповъ, что въ Этнографическомъ Музеѣ Географическаго Общества они признаны Финскими черепами, и б) что Могильникъ происхожденіемъ своимъ обязанъ упоминаемому у Страбона (I вѣка) движенію Скиѳскаго же племени Сираковъ и Аорсовъ (Зырянъ и Ерзи?) съ береговъ Кумы и Дона на сѣверъ и столкновенію ихъ съ прежними Скиѳами, жившими на Камѣ близь Елабуги. Послѣднее положеніе не совсѣмъ согласно съ первымъ о погребеніи въ Могильникѣ Камскаго владѣтеля съ женами и рабами, въ мирное, конечно, время.

Записка г. Алабина объ Ананьинскомъ Могильникѣ подала поводъ и П. И. Лерху, въ 1865 г. командированному отъ Императорской Археологической Коммиссіи въ Вятскую и другія губерніи для изслѣдованія древностей, посѣтить сей Могильникъ. Онъ также сдѣлалъ въ немъ раскопку какъ въ большомъ курганѣ, такъ и въ другомъ подлѣ него меньшемъ, и отъ крестьянъ Ананьинскихъ пріобрѣлъ нѣсколько вещей изъ Могильника бронзовыхъ и частію *каменнаго вѣка*. Вотъ что сказано объ этихъ г. Лерха разысканіяхъ и составленномъ отсюда заключеніи о древности Могильника въ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1865-й годъ (Спб. 1866 г.) стр. XIII. XIV: «въ началѣ сентября г. Лерхъ занялся окончательною развѣдкою Ананьинскаго Могильника. Этотъ Могильникъ частію раскопанъ въ 1857 году чиновникомъ Удѣльнаго вѣдомства. Вещи и черепа, найденныя въ немъ, были доставлены въ Императорское Географическое Общество. Но часть Могильника оставалась еще нетронутою,—и была изслѣдована г. Лерхомъ. Найденныя имъ вещи вмѣстѣ съ предметами, пріобрѣтенными отъ Ананьинскихъ крестьянъ, равно какъ и хранящимися въ Географическомъ Обществѣ, даютъ довольно ясное понятіе о бытѣ того языческаго племени, которое послѣ сожженія своихъ покойниковъ хоронило прахъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ, украшеніемъ и частію утвари. Оружія были частію бронзовыя, въ особенности наконечники стрѣлъ и копій, равно какъ и топоры. Кинжалы же и ножи сдѣланы изъ желѣза; рукоятки этихъ кинжаловъ, иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ,

находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири; шейные обручи и украшенія на одеждѣ были бронзовыя, ожерелья состояли изъ глиняныхъ и янтарныхъ бусъ. Бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой *переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій.* Вообще можно заключать, что Ананьинскій Могильникъ принадлежитъ къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза. Слѣдовъ золота и серебра въ немъ не найдено, тогда какъ серебряныя гривны нерѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи. Экземпляры бронзоваго оружія часто находятся въ окрестностяхъ города Елабуги».

Съ вещей Ананьинскаго Могильника, находящихся въ С.-Петербургѣ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ и въ Императорской Археологической Коммиссіи, недавно тщаніемъ госпожи Раевской для Московскаго музея сдѣланы слѣпки.

Въ іюлѣ прошедшаго 1870 г. мы сами были на мѣстѣ Ананьинскаго Могильника, и нашли, что разрыта только средина его, а оба бока, обѣщающія довольно еще открытій, равно и другой подлѣ разрытаго меньшій курганъ, не вполнѣ еще изслѣдованы. У крестьянъ деревни Ананьиной мы пріобрѣли довольно вещей, найденныхъ въ Могильникѣ, почти исключительно бронзовыхъ и нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ, называемыхъ у нихъ громовыми, главное же—надгробный камень, хотя раздробленный на семь частей, по нашему мнѣнію современный Могильнику съ изображеніемъ на немъ тогдашняго человѣка.

Теперь въ интересахъ науки и для заключенія объ Ананьинскомъ Могильникѣ, мы сравнимъ этотъ Могильникъ какъ по устройству его и образу погребенія въ немъ скелетовъ, такъ и по содержанію или вещамъ, при нихъ положеннымъ, съ другими могильниками или курганами въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи. Для этой цѣли были у насъ подъ руками слѣдующія спеціальныя сочиненія: 1) *Саккена-Галльштатскій Могильникъ* (Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer, Wien 1868) въ верхней Австріи, въ округѣ Траунскомъ, по изслѣдованію автора (S. 144—148) принадлежащій народу *Кельтскаго* племени и относящійся къ I вѣку христіанской эры; 2) *Дорова-Мольбища и могилы Германцевъ и Римлянъ на Рейнѣ* (Opferstätte und Grabhügel der Germaner und Römer am Rhein, Wiesbaden 1819)—въ окрестностяхъ Висбадена, съ бронзовыми вещами и признаками трупосожженія; 3) *Линденшмита-Древности нашего языческаго прежняго времени* (Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit, Mainz 1858), содержитъ въ себѣ описаніе таковыхъ древностей Римско-Германскаго центральнаго музея въ Маинцѣ; 4) *Нильсона Первобытные жители Скандинавскаго сѣвера. 1 Бронзовый вѣкъ* (Die Ureinwohner des Skandinawischen Nordens. 1 Bronzealter, Hamburg 1863, aus d. Schwedischen übersezt); 5) *Ворсо-Сѣверныя Древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ* (Спб. 1861); 6) *Бэра-Могилы Лифляндцевъ* (Die Gräber der Liven, Dresden 1850), собственно принадлежащія древнему Финскому племени (S. 30—35). 7) *Крузе-Ливонскія могилы* (Necrolivonica oder die Geschichte und Alterthümer Liv-Est-und Curlands, Leipzig 1859), относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ до Рождества, по Рождествѣ Христовѣ и къ среднимъ вѣкамъ. Прочія, подъ руками бывшія, подобныя сочиненія означимъ въ своихъ мѣстахъ.

Галльштатскій Могильникъ, состоящій изъ 993 гробовъ (на пространствѣ въ длину 92 саж., шир. отъ 15 до 50), по описанію Саккена S. 5—17 не имѣетъ никакой насыпи и почти совершенно равенъ съ землею; сверху его—слой жирнаго чернозема, различной по мѣстамъ толщины отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ футовъ, а внизу тонкій слой золы выравненный, убитый и пересыпанный пескомъ или рых-

лою землею, на которомъ и положены скелеты въ глубинѣ 1—5 футовъ надъ поверхностію; гробница или мѣсто это, для защиты скелета, часто покрывалось большими камнями (присложенными одинъ къ другому, съ наполненіемъ скважинъ или промежутковъ маленькими камешками, но безъ всякихъ слѣдовъ цемента) и посыпалось землею; въ самомъ расположеніи гробницъ нѣтъ никакого порядка, такъ что иногда двое лежатъ рядомъ или по нѣскольку кучами, или одна гробница стоитъ надъ другою. Все это согласно съ Ананьинскимъ Могильникомъ. Что касается до погребенія: то въ Галльштатскомъ, какъ и въ Ананьинскомъ, Могильникѣ трупы то просто погребались и зарывались въ землѣ, то сожигались, притомъ или всецѣло или по частямъ, такъ что нѣкои части тѣла погребались, а другія сожигались. Погребенные скелеты клались на большіе камни или только одна голова на плиту, иногда же на утромбованную глину, головами и лицемъ вообще на востокъ, ногами на западъ; положеніе тѣла было весьма разнообразно, нѣкоторые лежали навзничь. Одновременно съ симъ погребеніемъ употреблялось и трупосожженіе,—и таковыхъ *горѣльцевъ* (по примѣру Нѣмецкаго Brand такъ будемъ называть сожигаемые скелеты, въ отличіе отъ погребаемыхъ) въ Могильникѣ открыто 455; сожженіе, безъ ясныхъ слѣдовъ его въ самой могилѣ, гдѣ лежитъ горѣлецъ, видно, совершалось на другомъ мѣстѣ, и потомъ вынутыя изъ костра кости переносились на могилу и раскладывались съ вещами покойника, иногда и самыя вещи сіи были въ огнѣ. (Въ Ананьинскомъ Могильникѣ замѣчено это о вещахъ при костякѣ XXVII № 102—105). Горѣльцы, какъ и погребенные скелеты, клались то на голую землю, то на утромбованный слой, то на камни, иногда же на приготовленные изъ глины и песку большіе овальные латки (отъ 5 до 6 футовъ), собранныя съ костра кости, угли и прахъ раскладывались въ кругъ (въ поперечникѣ 2—3 фута), на нихъ полагались вещи покойника, оружіе и украшенія, а сосуды ставились подлѣ. Изъ признаковъ очевидно, что трупосожженіе совершалось преимущественно надъ богатыми и знатными лицами безъ различія пола и возраста, потому и могилы горѣльцовъ почти всегда покрыты большими камнями. Часто встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же могилахъ рядомъ два горѣльца, или горѣлецъ и скелетъ погребенный, либо кости горѣльца лежатъ надъ скелетомъ, или же на оборотъ: въ такомъ смѣшеніи являются кости мущинъ, женщинъ и дѣтей, погребенныя или сожженныя безразлично; иногда эти сочетанія кажутся фамильными, т. е. членовъ одного семейства, но во всякомъ случаѣ устраняется мысль о сожженіи при господинѣ его рабовъ или женъ. Сожженіе нѣкоторыхъ только частей тѣла, съ погребеніемъ другихъ, выведено изъ ясныхъ данныхъ, подкрѣпляемыхъ соображеніями. Въ Галльштатскомъ Могильникѣ послѣ тщательнѣйшихъ поисковъ и повѣрокъ оказалось 13 случаевъ, что при сожженныхъ костяхъ, вещахъ покойника и глиняныхъ сосудахъ были черепа безъ всякихъ признаковъ горѣнія, или на оборотъ—при полномъ составѣ погребеннаго скелета не доставало головы, а между тѣмъ тутъ же находилась кучка пепла съ обгорѣлыми остатками зуба или косточки отъ черепа, или недоставало всей верхней половины тѣла, а погребена только нижняя, или однѣ ножныя кости безъ всякихъ признаковъ горѣнія и т. п. При всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо было раздроблять или разсѣкать трупъ. Современность погребенія и сожженія труповъ выводится какъ изъ частаго соединенія тѣхъ и другихъ въ одной гробницѣ или мѣстности, такъ и изъ одинакихъ прилагаемыхъ къ нимъ вещей, а то и другое, т. е. и погребеніе и сожженіе тру-

повъ, могло основываться на разныхъ религіозныхъ представленіяхъ. Третій способъ— сожженія трупа по частямъ, кромѣ Галльштатскаго Могильника, замѣчается и во многихъ другихъ курганахъ и подтверждается исторически (1). Припомнимъ при этомъ, что точно такъ и въ Ананьинскомъ Могильникѣ отъ костяновъ XII. XXI. XXII. XXXV—XXXVIII представляются однѣ только головы или черепа безъ прочихъ частей, а при скелетѣ XLI не оказалось головы, между тѣмъ при тѣхъ и другихъ были остатки горшковъ или урнъ. Вообще описаніе и изслѣдованіе Саккена столь близко идетъ къ Ананьинскому Могильнику, что служитъ лучшимъ его комментаріемъ. У Дорова (S. 1—3) одна впрочемъ небольшая могила, заключающая горѣльца, въ которомъ онъ предполагаетъ какого нибудь военачальника, также какъ начальная въ Ананьинскомъ Могильникѣ, выложена камнями въ видѣ котловины, и къ ней былъ подземный ходъ. Но эта круглая Ананьинская могила, кажется, ближе подходитъ (только въ меньшихъ размѣрахъ) къ жертвенному отдѣленію, открытому въ знаменитомъ Пеккательскомъ курганѣ близь Мекленбурга. Въ восточной сторонѣ этого кургана сдѣлано квадратное возвышеніе въ 5 футовъ высоты и столько же широты во всѣ стороны, къ западу подлѣ сего такое же возвышеніе съ круглымъ котломъ (3 фута въ поперечникѣ), края котораго футомъ выше слѣдующаго за симъ еще третьяго возвышенія 10 футовъ длины, столько же ширины и около 5 ф. высоты,—это алтарь. Всѣ три возвышенія сдѣланы изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и котелъ, въ который полагалась закланная жертва, обгорѣлъ, покрытъ сажей и дегтемъ или сосновою смолою. Близь алтаря съ западной стороны найдено также изъ глины съ пескомъ сдѣланное и обгорѣлое корыто или гробище (6 футовъ длины, 3 ширины и 1 ф. глубины), а въ немъ черепъ несожженаго костяка, лицомъ обращенный къ алтарю. (Нильсона, Die Ureinwohner d. Skand. Nordens, 1, Bronzealter S. 53. 54).—Продолговатые низкіе холмы, прикрытые плоскими камнями, служили языческими гробницами и на сѣверѣ Европы (Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, Kopenhagen 1837, S. 29. 30). Многія изъ Лифляндскихъ могилъ, также какъ и Ананьинскія, означались невысокими холмами отъ 6 до 8 футовъ, стояли на ровныхъ мѣстахъ или на берегахъ рѣкъ и (впослѣдствіи) подвержены были ежегоднымъ наводненіямъ (Бэра S. 46. 47). Тамже въ однихъ и тѣхъ же могилахъ встрѣчаются костяки и горѣлые и погребенные, послѣдніе положены головами на сѣверъ, ногами на югъ (Крузе S. 8. 9). Одновременно погребенные и сожженые являются и въ Кіевскихъ древнихъ могилахъ, равно находятся только черепа безъ прочихъ костей; многія могилы здѣсь (какъ и открытыя въ Екатеринославской губерніи) уложены плитами и посыпаны землею (Фундуклея—Обозрѣніе Кіев. могилъ и пр. стр. 64. 66. 68). Чудскія могилы около Екатеринбурга также не представляютъ значительныхъ возвышенностей (Извѣстія Импер. Археологическаго Общества, Спб. 1861, т. 2, стр. 385). Вообще, по изслѣдованію Ружмона, въ бронзовый періодъ вмѣстѣ съ трупосожженіемъ употреблялись невысокіе курганы или могилы (Die Bronzezeit od. Semiten in Occident, S. 430 ff.).

За симъ, въ сличеніи съ тѣми же иностранными и Русскими курганами, перечислимъ и опишемъ всѣ находящіяся теперь предъ глазами вещи изъ Ананьинскаго Мо-

(1) Саккенъ въ Житіи св. Арнульфа, епископа Мецкаго, указываетъ на слѣды или остатки этого обычая у язычниковъ даже въ VII в. по Рождествѣ Христовѣ. Въ Житіи говорится, что когда одинъ царедворецъ, сопровождавшій царя, на пути заболѣлъ смертельно и нельзя было его ни взять съ собою, ни оставить на мѣстѣ, то въ крайности положено было, по обычаю язычниковъ (more gentilium), отнять у него голову и тѣло сжечь.

гильника какъ подлинники, полученные нами отъ г. Шишкина и пріобрѣтенные отъ Ананьинскихъ крестьянъ, такъ и слѣпки госпожи Раевской въ Московскомъ музеѣ.

Вещи относятся: I) къ оружію, II) къ одеждѣ и ея украшенію, III) домашняго быта, IV) символы и амулеты, V) отъ конской сбруи и VI вещи кремневыя. Составъ многихъ изъ нихъ (хотя приблизительно) опредѣленъ химическимъ разложеніемъ (1). Въ числѣ рисунковъ эти древности изображены на двухъ особыхъ таблицахъ.

I. Къ оружію относятся: 1. *Кельтскіе топорики.* Ихъ въ коллекціи моей семь экземпляровъ, именно а) бронзовый кельтъ (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ—въ самой рудѣ—желѣза) весьма похожій на клинъ, довольно плоскій, длины 4 дюйма, ширины $2^1/_2$ дюйма съ стесаными боками и пустотою внутри для вкладыванія въ нее деревянной рукоятки, украшенъ двумя зигзагическими, и надъ ними четырьмя дугообразными, одна противъ другой, линіями, образующими какъ бы лодку. (Рисунокъ см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильника табл. 1, въ счетѣ съ другими IV, № 2). б) Другой бронзовый экземпляръ такой же формы, длины $3^1/_4$ дюйма, ширины $2^1/_2$ дюйма, украшенъ такими же 4 дугообразными линіями безъ зигзаговъ, съ сильною примѣсью обожженой земли, какъ бы вещь была на пожарѣ. в) Третій бронзовый такой же экземпляръ, только поуже и въ объемѣ потолще предъидущихъ и безъ всякихъ линій, длины около $3^1/_2$ дюймовъ, ширины около 2 дюймовъ. Обѣ вещи по химическому разложенію состоятъ изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза. г) Такой же бронзовый экземпляръ, но только въ половину вылитый съ неровными къ черену краями (длины 2 $^1/_2$ дюйма, ширины 2), и оба бока сверху немного расперты, видно—отъ насадки на него рукоятки, д) такой же бронзовый, только въ 4-ю лишь долю отлитый (длины $1^1/_2$, ширины 2 дюйма), оба покрыты слоемъ зеленой окиси. Эти два экземпляра, о которыхъ такъ недоумѣвалъ г. Алабинъ (см. у него описаніе скелета XXVII № 101), не вполнѣ отлиты по недостатку бронзы или и намѣренно, и ихъ также можно было употреблять въ дѣло и насаживать на древко; послѣдній экземпляръ, болѣе прочихъ заострѣнный, на древкѣ могъ служить хорошимъ долотомъ или стамеской. е) Кельтъ бронзовый, (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза), длины $3^3/_4$ дюйма, отличающійся отъ предъидущихъ тѣмъ, что въ ширинѣ гораздо менѣе ихъ ($1^1/_2$ дюйма) и толще въ объемѣ, такъ что отверстіе его почти уже круглое (около $1^1/_2$ дюйма), съ однимъ ушкомъ для прикрѣпленія къ древку или вѣшанія на чемъ нибудь, у отверстія кругомъ проведены прямыя линіи и подъ ними зигзаги (рис. см. тамже № 3). ж) Такой же точно формы и мѣры, только съ двумя ушками и безъ всякихъ линій, бронзовый кельтъ, по химическому разложенію состоящій изъ мѣди, желѣза *и слѣдовъ золота*,—слѣды золота изъ всѣхъ вещей открыты только въ этомъ экземплярѣ (рис. см. там-

(1) Разложеніе это производилъ кандидатъ Московскаго университета О. И. Богушъ и производилъ слѣдующимъ образомъ: «отъ каждой бронзовой вещи опилки растворены въ чистой азотной кислотѣ, при чемъ образовавшаяся окись олова отдѣлена фильтрованіемъ, а въ процѣженную жидкость пропущена была струя сѣрнистаго водорода для выдѣленія мѣди въ видѣ сѣрнистаго соединенія, которая отфильтрована была, а жидкость оставлена на нѣсколько дней для совершеннаго выдѣленія изъ нея сѣрнистаго водорода. Къ свободной отъ сѣроводорода жидкости прибавленъ былъ растворъ *гидрата-калія* (ѣдкаго) и смѣсь подогрѣта, для полнаго осажденія окиси желѣза и совершеннаго растворенія окиси *цинка* (если бы таковой оказался). Смѣсь профильтрована для отдѣленія окиси желѣза, и пропущенъ былъ сѣроводородъ для выдѣленія цинка въ видѣ сѣрнистаго соединенія, который ни въ ѣдкихъ ни въ сѣрнистыхъ щелочахъ не растворяется.—Но цинка во всѣхъ образцахъ не оказалось».—Не скроемъ, что пропорція опилковъ для разложенія дана была самая малая, а потому и результаты въ иныхъ случаяхъ могли быть лишь приблизительные.

же № 4). Въ слѣпкахъ Московскаго музея съ вещей Ананьинскаго кургана, коихъ подлинники хранятся въ С. Петербургѣ, представляются слѣдующіе кельты: № 4 (по музейской описи) кельтъ въ половину отлитый (какъ и означенный выше подъ буквою г), длины $1^1/_2$ дюйма; № 5 кельтъ къ острію закругленный въ видѣ язычка, съ дырочкой въ боку для прибивки рукоятки гвоздемъ, длины дюйма 3, ширины $1^1/_2$ дюйма; № 6 кельтъ, также половинчатый, но съ узоромъ къ черену (откуда видно, что это не браковка, а въ половину собственно отливался), длины 2 дюйма; N 16. 17 кельты, дл. дюйма 3, съ дугообразными линіями, образующими лодку (какъ выше подъ буквами а и б), N 18 тоже и той же длины съ прямыми у черена линіями и подъ ними зигзагами. Всѣ эти кельты—бронзовые, вырыты или куплены у Анан. крестьянъ г. Лерхомъ.—Замѣтимъ, что кельты, подобные нашему съ ушками (безъ ушковъ гораздо рѣже), встрѣчаются въ курганахъ почти во всей Европѣ, особенно на сѣверѣ (1).

2. *Кинжалы*. Въ нашемъ собраніи: а) кинжалъ желѣзный, очень изоржавѣлый, длины $6^1/_2$ верш., въ томъ числѣ рукоятки отъ основанія до плечиковъ немного болѣе 2 вершковъ; б) кинжалъ желѣзный, переломившійся на двѣ части, длины около $5^1/_2$ верш., въ томъ числѣ рукоятки отъ основанія до плечиковъ 2 верш.,—оба кинжала одной простой формы (рис. втораго см. тамже N 5); в) кинжалъ бронзовый (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза — въ самой рудѣ), искусной работы и хорошо сохранившійся, длины $6^3/_4$ верш. или около 12 дюймовъ, рукоятки отъ основанія до плечиковъ $2^1/_3$ верш. или 4 дюйма, лезвее въ основаніи $^3/_4$ верш. (рис. см. тамже № 6). Не имѣлъ ли сей кинжалъ символическаго значенія, какъ это замѣчено г. Ворсо о кинжалахъ у него № 152 — 155? По Ружмону (Die Bronzezeit oder d. Semiten im Occident, übersezt v. Keerl, Gütersloh 1869) S. 433 это были жертвенные ножи; тоже говоритъ Бэръ (Die Gräber d. Liven S. 7), Нильсонъ (Ureinwohner.. 1. Bronzealter S. 155). г) Бронзовая о двухъ рожкахъ штучка (одинъ впрочемъ до половины сломленъ) съ отверстіемъ въ срединѣ (длины $2^1/_4$ дюйма, а цѣльная была бы дюйма въ три и болѣе). По всей вѣроятности, эта рогатинка составляетъ конецъ рукоятки кинжала, такъ какъ у Ворсо на одномъ кинжалѣ (въ Сѣвер. Древностяхъ № 136) рукоятка такой же точно величины и формы. См. и у Саккена Tab. VI fig. 7. (слич. музейскій № 15). Въ Московскомъ музеѣ № 12 кинжалъ желѣзный большой, $13^1/_2$ дюймовъ, нѣсколько отличной отъ моихъ формы (рис. въ половину см. тамже № 7); № 13 кинжалъ желѣзный, длины 15 дюймовъ, описанный у г. Алабина подъ N 59 (рис. въ половину тамже N 8); N 14 *бронзовая рукоятка* отъ желѣзнаго кинжала, особой формы съ 15 дырочками, куплена г. Лерхомъ у Ананьин. крестьянъ, дл. 4 дюйма; N 15 рукоятка отъ желѣзнаго кинжала, дл. 6 дюймовъ, желѣзная, верхняя и нижняя части ея мѣдныя,—еще иной формы, описанной у Алабина подъ N 86. Такимъ образомъ кинжаловъ *съ малыми рукоятками* не оказалось. Изъ описанныхъ къ моимъ подъ буквами а и б довольно близко подходитъ Датскій (у Ворсо въ Сѣвер. Древностяхъ), N 152 (бронз.) и 153, а къ N 15-му музейскому—тамже N 154. 155 (бронз.). Нильсонъ (Die Ureinwohner.. 1. Bronzealter) S. 88. 89

---

(1) См. Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, Kopenhagen 1837, S. 53. *Kemble* Horae ferales, London 1863, Plate V. № 11. 16. 23. Plate VI № 30. *Nilsson* Ureinwohner d. Skand. Nordens, 1. Das Bronzealter S. 144 Tab. 4 № 47. 48. *Lindenschmitt* Die Altertth. Band I Heft 1. Taf. 2. № 2. 4. 5. 8. 11. 12. *Ворсо* Сѣверныя Древности рис. 194—196. Въ Этнографическомъ музеѣ Императорской Академіи наукъ есть нѣсколько экземпляровъ этого орудія (но какой формы, намъ неизвѣстно), доставленныхъ изъ Чудскихъ копей.

говоритъ о двухъ бронзовыхъ кинжалахъ, найденныхъ въ областяхъ Британіи, но первый по формѣ съ нашимъ не сходенъ, а вторый неизвѣстенъ. Замѣчательно, что при обоихъ, какъ и при нашемъ, найдены были кремневыя стрѣлы. Доровъ въ двухъ древнихъ Германскихъ курганахъ бронзоваго періода съ трупосожженіемъ нашелъ два бронзовыхъ кинжала почти такой же мѣры, какъ нашъ бронзовый (Opferstätte u. Grabhügel d. Germaner S. 13. Taf. III, 3. S. 26. Taf. IX, 3).

3. *Военныя сѣкиры*, въ видѣ кирки. Въ нашемъ владѣніи а) бронзовая сѣкира, хорошо отлитая и сохранившаяся (по химическому разложенію изъ мѣди и слѣдовъ олова) длины 3 верш., съ круглымъ отверстіемъ къ самому корню (рис. см. тамже N 9); б) сѣкира желѣзная длины 1 четверть, съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, такъ что другая противоположная острію часть совершенно похожа на молотокъ; в) сѣкира желѣзная таковой же мѣры и формы, какъ предъидущая, только остріе у нея широкое и круглое (рис. см. тамже N 10),—обѣ сѣкиры очень изоржавѣли. Въ Московскомъ музеѣ N 19 боевой молотъ бронзовый, съ отверстіемъ по срединѣ, къ коему отъ молота обращенъ *орлиный клювъ*, дл. 9 дюймовъ, во втулкѣ или отверстіи дл. $1^1/_2$ д. шир. $^3/_4$ д., у г. Алабина подъ N 61 (рис. см. тамже N 11). Къ Ананьинскимъ же вещамъ надобно относить хранящійся подлѣ нихъ въ Московскомъ музеѣ подъ N 72 слѣпокъ—боевой молотъ, съ головой кабана на концѣ и втулкомъ въ срединѣ, найденный на берегу Камы повыше Ананьина Могильника, изящной формы, очень похожій на предъидущій съ орлинымъ клювомъ (рис. см. тамже N 12). У Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ) похожа на нашу желѣзную сѣкиру подъ буквою б, сѣкира N 111 и подъ буквою в, у Ворсо № 110, обѣ бронзовыя, въ Horae ferales рис. Plate XXVII ad p. 208, особенно № 13, желѣз., у Линденшмита (Die Altertth. d. heidn. Vorzeit) Band I Heft 4 Taf 2 № 4, Band II Heft 3 № 15 обѣ очень схожи съ нашею бронзовою сѣкирою, первая найдена близь Маинца, вторая въ Венгріи. Таковая же бронзовая сѣкира найдена у насъ въ Сибири близь Семипалатинска (Извѣстія Археологич. Общества, Спб. 1861, т. 2, стр. 210, рис. 1. фиг. 3). — Надобно думать, что военная сѣкира составляла болѣе знакъ отличія, достоинства и власти извѣстныхъ лицъ, каковое значеніе securis имѣла у Римлянъ, показывая достоинство консула, диктатора и др., или въ Византійской имперіи πέλεκυς составляя отличіе придворной стражи и чиновъ (Дюканжа Glossarium mediae et infimae Graecitatis sub v. Βαραγγοι), или какъ у насъ прежде придворные рынды имѣли серебреныя сѣкиры.

4. *Копья*. а) У меня наконечникъ копья бронзовый, (по химическому разложенію изъ мѣди и олова) около 1 четв. длины, съ двумя ушками, хорошо отлитый съ узорами, очень похожій на нынѣшнюю казацкую пику (см. рис. тамже № 13). Въ Моск. музеѣ № 9 (у Алабина № 19) наконечникъ копья бронзовый, совершенно сходный съ предъидущимъ, дл. 6 дюймовъ, № 10 наконечникъ копья желѣзный, дл. $9^1/_2$ дюймовъ (рис. см. тамже № 14) и № 11 большаго размѣра ($15^1/_2$ дюймовъ въ видѣ пѣшни); оба вырыты г. Лерхомъ въ Анан. курганѣ (рис. въ половину см. тамже № 15). Сходны съ нашими наконечники копій бронзовые же у Нильсона (Bronzenalter) S. 143, Taf. 2. № 14. 15, у Линденшмита Band I Heft 1 Taf. 6, Heft 5 Taf. 2 № 1—4., Band II Heft 4 Taf. 1. № 4. 7.

5. *Стрѣлы*. Въ нашемъ собраніи семь желѣзныхъ стрѣлъ, всѣ онѣ плоскія (такъ называемыя плоскушки), изъ нихъ три бо́льшей предъ прочими величины съ черенкомъ, втыкающимся въ древко (въ 4, 3 и 2 дюйма), прочія четыре поменьше ($1^1/_2$—$2^1/_2$ д.), и какъ копейца имѣютъ круглый черенокъ съ таковымъ же отверствіемъ, въ кото-

рое вкладывалось древко (рис. см. тамже № 16). Всѣ эти стрѣлы очень изоржавѣли. Всѣ остальныя—бронзовыя и съ трубками. Изъ нихъ одна величиною $3^1/_2$ дюйма и безъ черенка, но съ однимъ только клуглымъ отверстіемъ рис. тамже № 17). Затѣмъ 40 стрѣлъ трехгранныхъ съ зазубринками, бóльшая часть изъ нихъ изящной и отчетливой отдѣлки (длины $1—1^1/_2$ дюйма,—рис. см. тамже № 18). Одна стрѣла оказалась трехгранною же безъ зазубринокъ, другая двугранная безъ зазубринокъ же, въ видѣ копейца, третья совершенно плоская съ втыкающимся черенкомъ (см. рис. тамже № 19). Въ Моск. музеѣ подъ № 7 и 8 двѣ стрѣлы трехгранныя, съ зазубринками, совершенно сходныя съ моими. У Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ) подъ № 192 бронзовая стрѣла совершенно похожа на нашу бронзовую двугранную безъ зазубринокъ, а у Фундуклея въ Обозрѣніи могилъ и проч. Кіевской губерніи на табл. XVII подъ буквою b, особенно же въ Древностяхъ, изд. Временною Коммиссіею Кіевскою, Кіевъ 1846, таб. 6 № 2 таковыя точно стрѣлы, какъ наши трехгранныя съ зазубринками.

II. Украшенія. 1. *Шейные круги или кольца* (жгуты). Въ моемъ владѣніи а) два большихъ бронзовыхъ (по химич. разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза) звѣна отъ шейнаго круга, круглые и гладкіе какъ палочка, толщиною въ карандашъ, недостаетъ только отъ другой половины загнутаго конца, влагающагося въ конечное отверстіе имѣющейся, въ діаметрѣ кругъ долженъ имѣть около $5^1/_2$ дюймовъ,—и звѣнья такъ плотно и хорошо покрыты зеленою окисью, что кажутся настоящимъ малахитомъ; б) два бронзовыхъ звѣна отъ шейнаго круга, безъ одного конца, и оба выпрямленные; кругъ былъ съ концовъ гладкій и тонкій, но къ срединѣ постоянно утолщающійся, впрочемъ не толще обыкновеннаго карандаша, и имѣющій по бокамъ нарѣзки, какъ бы была веревочка (рис. см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильника таб. 2, въ счетѣ съ другими XXII, № 20). Въ Моск. музеѣ № 27 шейный кругъ, бронзовый цѣльный, въ поперчникѣ горизонтально $7^1/_2$ д., вертик. $6^1/_2$ д. (рис. въ половину см. тамже № 21), равно и № 28 таковой же, между собою совершенно сходные. Оба вырыты г. Лерхомъ изъ малаго Анан. кургана. Доровъ въ одномъ изъ Германскихъ кургановъ нашелъ по величинѣ (въ $5^1/_2$ дюймовъ) и виду, совершенно подобный нашему первому, бронзовый шейный кругъ (Halsring), съ тѣмъ только отличіемъ, что концы у него имѣютъ нѣкоторое украшеніе (Dorow Opferstätte etc. S. 20, Tab. VI fig. 5). Доровъ при этомъ замѣчаетъ, что съ такимъ же точно кругомъ представленъ у Монфокона (въ Antiquitates Graecae et Romanae) Етрусскій воинъ, и что подобное шейное украшеніе можно видѣть и на богинѣ Минервѣ. У Нильсона (S. 146 Taf. 4 № 19) шейное кольцо, довольно сходное съ нашимъ, такой же мѣры. Въ могилахъ у Бэра особенно часто встрѣчались шейные круги (Halsringe), имѣющіе видъ сплетенныхъ веревочекъ (Die Gräber d. Liven S. 4: die strickartig gewundene Form).

2. *Ожерелья.* Замѣтимъ предварительно, что ожерелья носили въ древности какъ женщины, такъ и мущины, что̀ видно какъ изъ рисунковъ скелетовъ у Бэра (Die Gräber d. Liven Taf. 1), такъ и изъ найденнаго въ самомъ Ананьинскомъ Могильникѣ надгробнаго камня (о коемъ скажемъ ниже). Мы не имѣемъ полнаго ожерелья, а только принадлежности къ нему, именно: а) 8 дюймовъ *цѣпочки* бронзовой, совершенно похожей на нынѣшнія, какъ у Бэра (Taf. II. III) и у Крузе (Necrolivonica Tab. 21 № 11); б) въ вершокъ остатокъ цѣпочки изъ бронзовыхъ же тонкой проволоки колечекъ, съ перемежкою съ широкими, но въ объемѣ несравненно меньшими бронзовыми колечками; в) нѣсколько штучекъ *листовой бронзы, свернутой въ цилиндры*

или колечки, разной мѣры въ длину и поперечникѣ (бо́льшій въ длину $^1/_2$ дюйма,— въ поперечникѣ $^5/_8$ дюйма)—они нанизывались на веревочку или проволоку для шейнаго украшенія или ожерелья,—см. таковые точно колечки большіе и малые у Крузе Tab. 2 подъ буквою q, Tab. 3 бук. a, и у Бэра Taf. II № 2. и др; г) нѣсколько подобныхъ винтообразныхъ трубочекъ, въ видѣ штопора, на тотъ же предметъ, см. таковые и у Бэра Taf. IV Grab 2 fig. 4, Taf. V fig. 4. 5. 8., Крузе Tab. 21 fig. 13. д) или трубочекъ сплошныхъ съ суставчиками, въ видѣ горловаго органа, когда кольчики прямолинейно и наглухо соединяются между собою (рис. см. тамже № 22); е) нѣсколько отломковъ отъ таковыхъ же, но гладкихъ конусообразныхъ трубочекъ, вѣроятно, бывшихъ на концахъ ожерелья, соединяющихся между собою; ж) восемь кольчиковъ, изъ нихъ пять бронзовыхъ и три желѣзныхъ, $^1/_2$ дюйма и менѣе въ поперечникѣ. Вѣроятно, привѣшивались къ ожерелью. Бронзовыя пластинки, одна въ видѣ *сердечка* (длин. $1^1/_4$ дюйма съ двумя дырочками), двѣ (длин. $^3/_4$ дюйма) въ видѣ заступа съ двумя же дырочками, одна въ видѣ язычка съ дырочкой же. Вѣроятно, привѣшивались къ ожерелью, какъ погремушки, см. таковыя же сердечко у Крузе Tab. 39 к, у Бэра Taf. XX fig. 5., въ видѣ язычка у Крузе Tab. 4 бук. n, Tab. 11 № 7. з) Бронзовая, покрытая слоемъ окиси, крестообразная вещичка въ видѣ *креста,* перпендикулярная часть $1^1/_2$ дюйма съ ушкомъ вверху, а горизонтальную составляютъ два кружка по ту и другую ея сторону съ дырочкой въ срединѣ (правый кружо́чекъ до половины сломленъ). По всей вѣроятности, служила брошкой или оконечностію у ожерелья, судя по подобной же вещицѣ въ Остзейскихъ могилахъ у Крузе Tab. 17 № 2, Бэра Taf. X № 2. 3. Taf. XXI 4 a, и въ Русско-Литовскихъ въ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat VI Band, 1 und 2 Heft, Dorpat 1870, S. 32. Что касается до знака креста: то онъ нерѣдко встрѣчается и въ языческихъ курганахъ, даже въ Ниневійскихъ и Египетскихъ древностяхъ. и) Миніатюрная бронзовая 4 угольная вещичка, въ видѣ ромба или знака бубновой масти, ушкомъ въ верхнемъ углѣ виситъ на колечкѣ отъ цѣпочки, а въ сторонних углахъ дырочки: вѣроятно, служила такою же, какъ предъидущая, брошкою, судя по рисунку Литовско-русск. могилъ (ibid.), а можетъ быть это была и серга (рис. см. тамже № 23). к) Бронзовая (по химическому разложенію изъ мѣди и слѣдовъ олова) вещица въ видѣ продолговатой вдоль разрѣзанной груши, внутри пустой, съ ушкомъ вверху для прицѣпки, длины $1^5/_8$ дюйм., ширина въ разрѣзѣ самая большая $^3/_4$ д., (рис. см. тамже № 24), и другая такая же, но поменьше и художественнѣе, бронзовая вещица, покрытая настоящимъ малахитовымъ слоемъ окислости (рис. см. тамже № 25). Обѣ вещицы очень похожи на нынѣшнія серьги, и по этому можно признать ихъ серьгами или же привѣсками къ ожерелью.

Бусы стеклянныя—свѣтлоголубыя, желтоватыя или сѣринькія, въ видѣ маленькихъ пуговочекъ съ дырочкой по срединѣ, каковыя пришиваются нынѣ къ манишкамъ, или въ видѣ зернушекъ съ горошину и меньше. Онѣ нанизывались на проволоку или нитку. Находятся лишь въ нашемъ владѣніи, а въ музеѣ таковыхъ, равно и всѣхъ передъ симъ изложенныхъ вещицъ нѣтъ; по Ейхвальду (Über die Säugthierfauna S. 468) таковыя же точно бусы находятся въ Скиѳскихъ могилахъ Крыма.

Намъ же принадлежатъ: часть *проволочнаго кольца* съ остатками обвивающей его бронзовой спирали, которое можно признать *браслетомъ*, и проволочное же колечко, величиною *съ перстень*, но безъ украшеній бронзы.

3. *Украшенія къ поясу,—пластинки и пуговки.* Сюда относятся во владѣніи нашемъ а) квадратная бронзовая пластинка (шир. $1^3/_4$ дюйма, выс. $1^1/_2$ д.) съ четырьмя по угламъ выпуклостями въ половину горошины, и съ двумя дырочками для прикрѣпленія, 10-ть таковыхъ же продолговатыхъ штучекъ (дл. 1 дюймъ и болѣе, шир. $^3/_8$ дюйма) съ тремя помянутыми вдоль ихъ выпуклостями и три съ двумя; также и нѣсколько частичекъ съ выпуклыми въ линію точками или совсѣмъ гладкой пластинки. Всѣ они для блеска пришивались къ поясу. См. таковыя же гладкія пластинки на поясѣ у Бэра Taf. XIV fig. 2. 3., выпуклости на поясныхъ украшеніяхъ см. особенно у Саккена (Das Grabfeld von Hallstatt Taf. IX. X), на что онъ и обращаетъ особенное вниманіе (S. 47—49); съ выдающимися въ линію точками поясы см. у Линденшмита Band II Heft 2 Taf. 3. б) Бронзовыя пуговки разной величины и формы, бо́льшая чашечкой $1^1/_4$ дюйма въ поперечникѣ (см. у Саккена Taf. XVIII № 9. 10), одна выпуклая съ ободочкомъ, одна выпуклая же съ спиральною фигурою (обѣ въ діаметрѣ $^5/_8$ дюйма), съ широкими, очевидно, для продѣвки ремня ушками (рис. см. тамже № 26). Въ Моск. музеѣ подъ № 25 пуговка круглая, гладкая, около 1 дюйма, № 36 весьма похожа на нынѣшній *запонокъ*, съ спиральною фигурою. в) Бронзовая изящная вещица $^5/_8$ дюйма, служившая можетъ быть пуговкой, весьма похожая на грибокъ, имѣющій въ корнѣ большое и круглое отверстіе (рис. см. тамже № 27). См. такія же, какъ наши, съ спиралью пуговки на поясѣ у Бэра Taf. XIV № 14 и у Саккена Taf. XI № 3. 4.

Плашки. Въ Ананьинскомъ Могильникѣ болѣе прочихъ вещей встрѣчаются бронзовыя продолговатыя плашки (отъ 1 до $1^1/_2$ дюйма), на лицевой сторонѣ съ двумя по концамъ выпуклыми кружочками или пуговицами, а на оборотѣ по срединѣ съ широкимъ ушкомъ (очевидно, для ремня или проволоки). Таковыхъ въ нашемъ владѣніи штучекъ до 25-ти (рис. см. тамже № 30. 31), да три въ Моск. музеѣ подъ № 38. 37 и 39-мъ, только № 37, вмѣсто кружковъ, по концамъ имѣетъ спиральные завитки, а № 39— другой совсѣмъ формы (рисунки обѣихъ вещицъ см. тамже № 28. 29). Сверхъ сего въ нашемъ владѣніи пять подобныхъ плашекъ съ гладкою поверхностію и такими же, какъ у предъидущихъ, внутри ушками, именно одна плашка квадратная въ $^3/_4$ дюйма, другая продолговатая (длины 1 дюймъ, шир. $^5/_8$ дюйма), третья такая же, но нѣсколько длиннѣе ея и на лицевой сторонѣ имѣетъ въ два ряда 12 треугольныхъ продолговатыхъ насѣчекъ или мѣтокъ (рис. см. тамже № 33,—таковыя же насѣчки у Бэра на пластинкѣ Taf. IX fig. i, на браслетѣ Taf. XX fig. 12. 13) и двѣ плашки совершенно одинакія, длины около 2 дюймовъ, шир. $^3/_4$ дюйма, каждая съ ушкомъ на томъ и другомъ концѣ (рис. см. тамже № 32). Впрочемъ всѣ сіи плашки по широкимъ ушкамъ едва ли могли быть пуговицами на одеждѣ, а скорѣе служили хорошимъ украшеніемъ напр. на поясѣ, или по Ейхвальду (Über die Säugthierfauna S. 432) конской сбруи. Въ другихъ курганахъ Европы не видно таковыхъ штукъ, кромѣ развѣ подобной и не совсѣмъ опредѣленной у Бэра Tab. XI № 14.

Кольчики и продѣвки. Въ нашемъ собраніи а) колечко бронзовое совершенно похожее на нынѣшній *перстень* съ широкою и почти круглою верхнею частію, только слишкомъ малое (во внутреннемъ поперечникѣ $^3/_8$ дюйма), чтобы кому нибудь носить его (рис. см. № 34; у Саккена Taf. XVIII № 8 совершенно похожій перстень); б) вещица бронзовая, прекрасной малахитовой окиси, похожая на сплюснутый перстень (шир. около 1 дюйма, выс. $^3/_8$ дюйма), въ верхней половинѣ дугообразный, широкій и выпук-

лый, а въ нижней ровный и узкій (рис. см. тамже № 35); на другомъ экземплярѣ искусно сдѣланы такіе же спиральные завитки, какіе и на музейской плашкѣ № 37. Въ Моск. музеѣ подъ № 34. 35 такія же вещицы бронзовыя, названныя продѣвками. г) Сверхъ сего мы имѣемъ четыре таковыхъ же какъ бы сплюснутыхъ кольчика несравненно меньшіе (ширины $^5/_8$ дюйма, выс. около $^3/_8$ д.) и одинаковые въ верхней и нижней части (рис. см. тамже № 36); д) таковую же продѣвку изъ бронзовой проволоки (шир. болѣе 1 дюйма, выс. около $^1/_2$ дюйма), другую съ расшедшимися концами и третью въ родѣ скобочки. На предпослѣднюю похожа у Дорова на Tab. VIII fig. 3 (см. въ текстѣ p. 24), на послѣднюю у Бэра Taf. XVII fig. 8.

Бляхи, пряжки и т. п. украшенія. Всѣ слѣдующія вещи, кромѣ двухъ, находятся въ Моск. музеѣ. а) Въ нашемъ владѣніи бронзовая, круглая, выпуклая бляшка ($1^1/_4$ дюймъ въ поперечникѣ) съ ушкомъ внутри, а по краямъ съ одной стороны 8 зубчиковъ, съ другой пять дырочекъ (рис. см. тамже № 37),—по всей вѣроятности, прикрѣплялась къ поясу же, см. подобныя же вещицы на поясахъ у Саккена Taf. IX. X. б) Бронзовая, круглая, выпуклая, узорчатая бляшка подъ № 23 въ діаметрѣ $1^1/_2$ дюйма, съ ушкомъ и 6 дырочками (см. рис. № 38); в) подъ № 33-мъ украшеніе, походящее на пряжку отъ пояса, оканчивающуюся кольцомъ въ поперечникѣ 3 дюйма (рис. см. тамже № 39). Всѣ эти вещи г. Лерхомъ куплены у Ананьинскихъ крестьянъ или вырыты въ тамошнемъ маломъ курганѣ. г) Воронкообразное украшеніе № 24 (въ діаметрѣ $^1/_2$ дюйма, высоты $^3/_4$ дюйма),—таковый же экземпляръ есть и въ нашемъ собраніи. Неизвѣстное это украшеніе нерѣдко встрѣчается въ славяныхъ Скиѳскихъ могилахъ близь дер. Александрополя (Екатеринославскаго уѣзда), разрытыхъ г. Савельевымъ (см. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1866 годъ, вып. 1, Спб. 1866: Древности Геродотовой Скиѳіи стр. 6. 18. 20). д) Привѣска бронзовая, въ видѣ колокольчика подъ № 26, выс. $1^1/_4$ дюйма, въ поперечникѣ $^6/_8$ дюйма, съ ушкомъ вверху и четырьмя по бокамъ скважинками (рис. см. тамже № 40),—бубенчики и колокольчики часто встрѣчаются въ древнихъ курганахъ.—Отнесемъ къ украшеніямъ имѣющуюся во владѣніи нашемъ круглую бронзовую вещь въ видѣ покрышки или тарелочки (4 дюйма слишкомъ въ поперечникѣ) съ стоймя вогнутыми внутрь краями и съ ушкомъ по срединѣ этой внутренней стороны (рис. см. тамже № 41). Въ Древностяхъ, изданныхъ Кіевскою Временною Коммиссіею (Кіевъ 1846) на VII таб. подъ № 1 два металлическіе кружка, изъ коихъ одинъ довольно похожъ на нашъ, предположительно считаются скрѣплявшими въ срединѣ щитъ. Но наша вещь, очевидно, служила *зеркаломъ*, какъ принимаетъ и г. Ейхвальдъ (Über die Säugthierfauna S. 445). Въ Моск. музеѣ въ коллекціи древностей изъ Алтайскихъ кургановъ подъ № 302 имѣется такая же точно вещь, названная зеркаломъ, съ вогнутыми внутрь краями и съ ушкомъ, въ діаметрѣ дюймовъ 5, безъ всякихъ на внутренней сторонѣ изображеній, какъ и наша вещь. Но въ томъ же музеѣ въ числѣ тѣхъ же вещей другое подобное зеркало подъ № 305, бронзовое, круглое, съ вогнутыми краями и ушкомъ по срединѣ, на внутренней сторонѣ имѣетъ изображеніе двухъ химерическихъ животныхъ, у коихъ головы и пасти—драконовскія, за спиной—крылья, а туловище и хвостъ—рыбьи.

Непонятно значеніе слѣдующихъ двухъ вещей, находящихся въ нашемъ владѣніи: а) бронзовый (по химич. разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза) наконечникъ, какъ будто отъ трости, но не цилиндрической, а конической фигуры, длины $2^6/_8$ дюйма, въ поперечникѣ круглаго отверстія своего 1 дюймъ, съ дырочкой въ

боку для укрѣпленія его гвоздемъ къ древку; похожъ на металлическую оконечность казацкой пики (рис. см. таб. 1 № 42). б) Бронзовая вещь (по химическому разложенію изъ мѣди и слѣдовъ олова), совершенно похожая на желобокъ, только съ сквознымъ отверстіемъ въ обоихъ концахъ, длины 3 дюйма, шир. $^1/_2$ дюйма; наружная, выпуклая сторона украшена въ два ряда, по 9 въ каждомъ, нарѣзными треугольничками, какъ и вышепомянутая плашка (см. рис. таб. 2 № 43). Въ Московскомъ музеѣ такая же вещь подъ № 21, съ тѣми же нарѣзками, длины дюйма 4. Въ Описаніи Алабина на рукояткахъ двухъ кинжаловъ у костяковъ XXIII № 86 и XLVI № 145 значатся какіе-то желобки, въ которыхъ какъ бы вставлено было какое-то украшеніе, но нашъ желобокъ въ этомъ видѣ никакъ нельзя приспособить къ кинжалу.

III. Вещи изъ домашняго быта, или хозяйственныя. По этому отдѣлу въ нашемъ владѣніи находятся: а) бронзовое (по химич. разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ свинца), очень хорошо сохранившееся, выемчатое *долото*, длины около 5 дюймовъ, въ концѣ при отверстіи, украшенномъ тремя искусными зигзагами, слишкомъ дюймъ (рис. см. таб. 1. № 44). Этой вещи въ другихъ курганахъ не встрѣчается; только въ Чудскихъ могилахъ на Алтаѣ найдено такое же точно мѣдное долото, но нѣсколько поболѣе нашего, слѣпокъ съ коего находится въ Моск. музеѣ подъ № 75, а подлинникъ—въ Академіи наукъ. б) Желѣзный *клинокъ отъ ножичка*, дл. $1^1/_4$ дюймъ; тогда какъ остріе почти прямолинейно, толстый обухъ имѣетъ горбылинку. Такой точно формы и, кажется, величины представляются ножички у Линденшмита Band I Heft 8 Taf. 4 № 3, Band II Heft 8 Taf. 2 № 10. 21, найденные въ Мекленбургѣ и въ свайныхъ жилищахъ (см. и у Саккена Taf. XIX № 2. 3.). в) Два экземпляра шиферныхъ *точильныхъ камня*, похожи на такъ называемые чертовы пальцы, съ дырочками вверху для подвѣски, одинъ цѣльный и красивый, длины 4 дюйма, другой, какъ видно, сломанный длины $3^1/_4$ дюйма. Въ Моск. музеѣ подъ № 1 точильный камень въ видѣ плашки, длины $5^1/_2$ дюймовъ, ширины $1^1/_2$ дюйма,—вырытъ г. Лерхомъ въ маломъ Ананьинскомъ курганѣ (рис. см. таб. 2 № 45); № 2 тоже въ видѣ палочки или чертова пальца (у Алабина № 22) длины $4^3/_4$ дюйма, оба съ дырочкою вверху (рис. см. таб. 1 № 46); № 3 тоже, ромбоидальной формы съ дырочкою въ срединѣ, дл. 3 дюйма, шир. 2 д., вырытъ г. Лерхомъ (рис. см. таб. 2 № 47). Такіе же точно точильные камни и у Саккена (Wetz—und Polirsteine S. 90) Taf. XIX fig. 22—26, у Бэра Taf. XV fig. 15, у Линденшмита Band I Heft 2 Taf. 1 № 11 (круглой формы); такіе же и въ Кіевскихъ могилахъ (см. Древности, изд. Временною Кіевскою Коммиссіею тетр. VII № 5), равно и въ могилахъ Мерянъ, найденные гр. Уваровымъ съ остаткомъ цѣпочки, какъ и № 25 у Саккена. г) Бронзовое *шило*, въ двухъ экземплярахъ, первый экземпляръ цѣльный, четырехгранный, отъ средины къ обоимъ концамъ постепенно утончающійся, длины $1^5/_8$ дюйма, другой бронзовый такого же точно вида, съ одного конца немного сломанный, длины въ настоящемъ видѣ $3^1/_4$ дюйма (а въ цѣльномъ былъ бы болѣе 4-хъ дюймовъ), и еще отломокъ, должно быть, отъ шила, такой же формы. У Бэра такого же точно вида и мѣры, какъ первое изъ сихъ, два желѣзныхъ шила Taf. III Grab 1 № 12 и Taf. IV Grab 2 № 5. Но у Ворсо въ Сѣвер. Древностяхъ № 274 таковая же точно бронзовая вещь безъ ушка почему-то названа иглою.

IV. Символы и амулеты. На основаніи указаній и по примѣру ученыхъ (Ружмона, Нильсона, Саккена, Бэра) слѣдующимъ вещамъ изъ Ананьина Могильника мы даемъ

особенное значеніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ служили украшеніемъ одежды. Ибо обычай, говоритъ Саккенъ (Das Grabfeld von Hallstatt S. 85), носить на себѣ предметы или символы существъ, отъ коихъ мы думаемъ получить избавленіе отъ бѣдъ или какую нибудь пользу, сколько древенъ въ родѣ человѣческомъ, столько же и всеобщъ, удерживаясь доселѣ. Изъ раскопокъ Ниневійскихъ мы видимъ, что колесо о 4 спицахъ, полумѣсяцъ, баранъ служили религіозными символами, но это не мѣшало симъ вещамъ у тѣхъ же Ассиріянъ служить украшеніемъ царскихъ браслетъ, рукоятокъ, усерязей и даже конскихъ чапраковъ (1).

1. Бронзовое *колеско* (въ нашемъ владѣніи) *о четырехъ спицахъ*, имѣющее въ поперечникѣ $1^2/_8$ дюйма (рис. см. тамже № 48). Эта фигура, или изображеніе четыреконечнаго креста въ кругу, часто встрѣчающаяся на бронзовыхъ вещахъ, вообще признается принадлежностію бронзоваго вѣка, производится съ Востока изъ Ассиріи и считается религіознымъ символомъ (2). Она встрѣчается, какъ символъ религіозный, въ древнѣйшихъ гротахъ или могилахъ—Кивикскомъ въ Швеціи (Kivik-monument), Доутскомъ (Dowth) въ Ирландіи; съ четырьмя таковыми колесками представляются древнѣйшія и, очевидно, религіознаго значенія двѣ миніатюрныя бронзовыя колесницы, найденныя одна въ Пеккательскомъ курганѣ близь Мекленбурга, другая въ Шонскомъ—въ Швеціи, а найденный тамъ же въ торфяникѣ бронзовый окладъ какого-то храмоваго сосуда имѣетъ десять колесокъ; наконецъ колеско съ четырьмя спицами или крестъ въ кругу изображаются на древнѣйшихъ Финикійскихъ и другихъ монетахъ, въ Египетскихъ іероглифахъ и въ древностяхъ Ниневійскихъ, и служатъ символомъ солнца, Ваала и другихъ подъ видомъ солнца въ древнемъ мірѣ почитаемыхъ боговъ (Нильсона Die Ureinwohner des Skand. Nordens. 1. Bronzealter S. 4. 9. 10—13. 26—31. 46. 47. 154). У Саккена Taf. XVIII fig. 6 a) 17. 19—21 (см. самый текстъ S. 137 и дал.) бронзовое колеско о четырехъ спицахъ или крестъ въ кругу, съ прибавкою иногда четырехъ еще кружковъ по сторонамъ, являются религіозными символами и амулетами. У Ворсо въ Сѣверныхъ Древностяхъ подобный крестъ въ кругу видѣнъ на ручкахъ трехъ бронзовыхъ ножовъ № 168—170, можетъ быть, ножовъ жертвенныхъ.

2. Бронзовая вещь (у насъ находящаяся) въ видѣ *ключа*, съ сквознымъ отверстіемъ въ стволѣ, у котораго притомъ съ одной стороны выемка въ видѣ параллелограма; въ отверстіе влагалось что нибудь, или ключь входилъ въ извѣстный предметъ (длины въ стволѣ 1 верш., шир. къ отверстію $^6/_8$ дюйма, а къ кольцу болѣе овальному поуже), на стволѣ винтообразная насѣчка (рис. см. тамже № 49).—Такая же по виду и величинѣ вещь въ Моск. музеѣ подъ № 20-мъ (въ Описаніи Алабина № 11) названная въ музейской описи ручкою. Вещь эта, насаженная на древко, своимъ кольцомъ представляетъ солнце, а разсматриваемая какъ ключь, по древнимъ миѳологіямъ, служитъ символомъ власти и могущества бога-солнца, запирающаго море, землю и преисподнюю (3). Потому у Египтянъ Озирисъ, у Грековъ Плутонъ,

(1) Layard Niniveh und seine Überreste, Deutsch von Meissner, Leipzig 1854, S. 343. 344. 390. 415. fig. 18. 31 a, 36. 72.

(2) Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident, von Rougemont, übersezt v. Keerl, Güterloh 1869, S. 315. 377. 391. 434.

(3) См. Etymologisch—symbolisch—mythologisches Real-Wörterbuch von F. Nork, Stuttgart 1843-45, sub voce Schlüssel.

у Персовъ Митра обыкновенно изображаются съ ключами, какъ и нѣкоторые другіе боги, по этому называемые θεοὶ κλειδοῦχοι (dii clavigeri). Что касается до бога-солнца: то миѳологія свѣтлую, блаженную область его, въ которую восходятъ души умершихъ, ограждала стѣнами и вратами, ключь отъ коихъ у него только и имѣлся (1).— Въ другихъ курганахъ такой вещи не видно.

3. Въ Моск. музеѣ подъ № 22-мъ *полумѣсяцъ* бронзовый, съ такимъ же пустымъ стволомъ, какъ и предъидущая вещь, длины со стволомъ $2^1/_4$ дюйма, въ одномъ стволѣ $1^1/_4$ д. (въ Описаніи г. Алабина № 53). Стволъ, какъ въ той же вещи, имѣетъ винтообразную насѣчку и сквозное внутри отверстіе (рис. см. тамже № 50). Это сходство заставляетъ давать и настоящей вещи такое же значеніе, какъ предъидущей. Дѣйствительно, какъ кругъ съ крестомъ служитъ символомъ солнца или бога Ваала, такъ этотъ полумѣсяцъ обыкновенно признаютъ символомъ луны—богини Астарты, или Египетской Изиды, почитаемыхъ вмѣстѣ съ Вааломъ. Въ помянутомъ Кивикскомъ памятникѣ въ Швеціи въ соотвѣтствіе двухъ круговъ съ крестами изображены и двѣ луны съ рогами, равно и на недавно открытой древней Финикійской таблицѣ, представляющей Финикійское богослуженіе и распоряженія о немъ, вмѣстѣ съ кругами солнца изображена луна и другіе религіозные символы (Nilsson, Ureinwohner des Skandin. Nordens, Bronzealter S. 41. 47). Подобное изображеніе, по объясненію Ружмона въ такомъ же смыслѣ, находится въ одномъ долменѣ департамента Орны во Франціи (Die Bronzezeit od. die Semiten im Occident S. 350). Символы луны и слѣды почитанія Астарты или другой соотвѣтствующей ей богини находятся и въ древнѣйшихъ такъ называемыхъ озерныхъ жилищахъ въ Швейцаріи, равно и въ Скандинавіи, и признаются современными бронзовому вѣку (2). Пластинки въ видѣ полумѣсяца открыты г. Савельевымъ въ Александропольскомъ Скиѳскомъ курганѣ въ гробницѣ коня—и видно, служили конскимъ украшеніемъ (какъ и у Ниневитянъ полумѣсяцъ является на конскомъ чапракѣ), а въ другой галлереѣ у человѣческихъ скелетовъ найдено также нѣсколько мѣдныхъ украшеній въ видѣ *круговъ и полумѣсяцевъ* (3). Изъ священныхъ и языческихъ писателей видно, что Ассиріяне и всѣ Семическія племена подъ разными именами обоготворяли солнце и луну (4),—и въ раскопкахъ Ниневійскихъ у Лаярда эти свѣтила постоянно являются священными символами. Такъ на одномъ барельефѣ, гдѣ царь представленъ совершающимъ религіозные обряды, на шеѣ у него висятъ знаки солнца, луны и звѣздъ съ нѣкоторыми другими. На другомъ барельефѣ изображена самая богиня луны—Гера или что тоже Астарта и Венера: въ лѣвой

---

(1) Гимнъ Прокла къ солнцу начинается такъ:
Κλῦθι πυρὸς νοερῆ βασιλεῦ χρυσήνια τιτάν,
Κλῦθι, φάος ταμία, ζωαρχέος ὦ ἄνα κηγῆς
Αὐτὸς ἔχων κληίδα
т. е. Услыши царь небеснаго огня, златый Титанъ,
Услыши податель свѣта, царь источника жизни,
Самъ имѣющій ключь. (Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. secunda, t. VIII p. 508).

(2) Nilsson, Die Ureinwohner des Skandin. Nordens, Das Brozealter, Nachtrag, Hamburg 1865, S. 22. 52. 53, Первобытный человѣкъ,—соч. Луи Фигье, Спб. 1870, стр. 263.

(3) Отчетъ Императорской Археол. Коммиссіи, Спб. 1866, Вып. 1: Древности Геродотовой Скиѳіи, стр. 6. 19.

(4) О Персахъ, имѣвшихъ одну съ Ассиріянами вѣру, Геродотъ (Hist. I, 131.) говоритъ: Персы обоготворяютъ солнце, луну, землю, огонь, воду и вѣтры, это ихъ первоначальныя божества; впослѣдствіи къ этому присоединили они еще, по примѣру Ассиріянъ и Аравитянъ, Уранію (т. е. Венеру). О религіи Ассиріянъ см. у Лаярда Niniveh und seine Überreste S. 410 ff.

рукѣ ея жезлъ, оканчивающійся полумѣсяцомъ, въ такомъ точно видѣ какъ помянутый музейскій полумѣсяцъ, насажденный на древко, а въ правой такая точно фигура, представляющая солнце, какая вышла бы, еслибъ въ сквозное отверстіе помянутой же ключеобразной вещи нашей вложено было древко съ перекрестіемъ (1). Также на одномъ агатѣ весьма хорошо вырѣзана Ассирійская богиня, по Лаярду Астарта, у головы ея полумѣсяцъ, надъ головою и вокругъ—звѣзды, а передъ нею молящійся жрецъ. На другой вещицѣ также изображенъ жрецъ молящійся предъ полумѣсяцемъ (2). Найдена еще форма для отливки полумѣсяцевъ на древкахъ и колеска съ 4 спицами, какъ священныхъ символовъ (3).

4. Въ нашемъ собраніи бронзовая *орлиная голова* или орлиный клювъ (длины $1^3/_8$ дюйма), очень изящно сдѣланный, съ круглымъ, прорѣзнымъ отверстіемъ въ основаніи, коимъ (отверстіемъ) онъ, видно, насаживался на другой какой нибудь предметъ, и служилъ его украшеніемъ (см. рисунокъ тамже N 51); у Линденшмита есть подобное конское украшеніе (Band I Heft 5 N 4). Но гораздо ближе къ нашей вещи подходитъ на вышеозначенномъ музейскомъ N 19 боевомъ молотѣ орлиный клювъ. Тамъ же, въ музеѣ, близь Ананьинскихъ древностей, между вещами Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда подъ N 81 есть бронзовый кинжалъ, у котораго вмѣсто плечиковъ вдѣланы двѣ орлиныя головы, обращенныя къ клинку. Въ Ниневійскихъ древностяхъ орелъ и въ особенности голова орлиная имѣетъ символическое значеніе. Съ этою головою обыкновенно изображается Ассирійскій богъ Нисрохъ (каковое слово на Семическихъ языкахъ и означаетъ орла), иногда представляется съ нею царь Ассирійскій, и вообще орелъ постоянно является надъ головою побѣдителей въ сраженіи или въ тріумфальномъ шествіи символомъ побѣды, какъ все это видимъ у Лаярда (4).

5. Въ нашемъ же владѣніи миніатюрная *баранья головка*, бронзовая съ ушкомъ или продѣвкою, какъ видно, служившая украшеніемъ чего либо, ширины 1 дюймъ, длины $^7/_8$ д. (см. рисунокъ № 52). Въ Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, Kopenh. 1837, S. 43 замѣчено, что таковыя небольшія фигуры могли служить идольцами, а также и украшеніемъ, и что въ курганахъ, особенно Норвегіи, встрѣчаются небольшія фигуры звѣрей, коней, барановъ и т. д. Ружмонъ въ одномъ древнемъ языческомъ храмѣ въ Галліи, круглой формы съ двумя концентрическими стѣнами и съ бараньей головой на капителяхъ, также съ барельефомъ, представляющимъ двухъ соединенныхъ барановъ, справедливо указываетъ храмъ Семическій въ честь Ваала или солнца (5). Бакмейстеръ, описывая С.-Петербурскую Императорскую кунсткамеру, въ которой находилось довольно вещей изъ Сибирскихъ кургановъ, говоритъ о каменномъ Сибирскомъ баранѣ: думать надобно, что сей звѣрь былъ у древнихъ Сибирскихъ народовъ въ великомъ уваженіи, потому что на обрѣтаемыхъ нынѣ въ ихъ гробницахъ домашнихъ утваряхъ почти вездѣ видны его изображенія (6). Страден-

---

(1) См. Layard Niniveh und seine Überreste, S. 414. 418 fig. 78. 82.
(2) Layard, Niniveh und Babylon, übersezt v. Zenker, S. 460 Taf. XVIII fig. O. U.
(3) Ibid. S. 454 Taf. XXI fig. 8.— Вообще о боготвореніи полумѣсяца см. здѣсь замѣчанія S. 119. 120.
(4) Niniveh und seine Überreste S. 40. 177. 409. 421 fig 1.
(5) Die Bronzezeit oder Semiten im Occident S. 349. 369.
(6) Опытъ о библіотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ Бакмейстера, пер. Костычева, Спб. 1779, стр. 143.

бергъ (1) дѣйствительно говоритъ (S. 419), что въ Сибири въ городѣ Красноярскѣ на рѣкѣ Енисеѣ находится дикій, изъ камня изваянный, баранъ, къ которому благоговѣли окрестные язычники, какъ къ божеству какому, и на Tabula XXI лит. В представляетъ самое изображеніе этого барана. Объ этомъ или другомъ изваяніи барана на рѣкѣ Енисеѣ, считаемаго тамъ Сагайцами и Качинцами за покровителя стадъ, говоритъ и г. Спасскій (2). Въ Ассиріи застежки и концы браслетъ у Ниневійскихъ царей, равно и рукоятки кинжаловъ часто имѣли видъ бараньей головы и встрѣчается цѣлое изваяніе барана (3). Какъ видно, тамъ его боготворили или считали священнымъ животнымъ. На одномъ барельефѣ надъ головою царя, по объясненію Лаярда, изображены въ четырехъ группахъ священные символы. Именно изображены на пьедесталѣ три тіары и короны, въ коихъ обыкновенно представляются Ниневійскіе боги и звѣри съ человѣческими главами (тѣ же боги), подлѣ нихъ родъ алтаря, на которомъ—высокій жезлъ съ бараньей головой; на другомъ пьедесталѣ—трезубецъ и три жезла съ фигурами же, по одну сторону этого пьедестала—полумѣсяцъ, по другую крестъ въ кругу (солнце) и семь звѣздъ (4). Въ древнемъ Египтѣ мы также видимъ овна, какъ священное животное, въ колоссальномъ изваяніи предъ вратами Карнакскаго храма.

6. Въ коллекціи нашей бронзовый, миніатюрный (длины и ширины $^5/_8$ дюйма) *пѣтушокъ* на шпинькѣ, утвержденномъ на тонкомъ и кругломъ, какъ серебряный пятачокъ, основаніи. Вещь эта есть не что иное, какъ украшенный пѣтушкомъ запонокъ, образецъ котораго между Ананьинскими вещами, только другой простой формы, указанъ нами и выше въ слѣпкахъ Моск. музея. Вещица сдѣлана весьма изящно; къ сожалѣнію только пѣтушокъ теперь притиснутъ къ своему основанію, такъ что шпинекъ, вмѣсто вертикальнаго, принялъ горизонтальное положеніе (см. рис. тамже № 53). Подобное украшеніе встрѣчается и на головныхъ шпилькахъ женщинъ или на другихъ такого рода вещахъ у Ворсо (Сѣвер. Древности) № 238—240 и у Линденшмита Band I, Heft 4 Taf. 4, Band II, Heft 5 Taf. 6. Пѣтухъ, какъ добрый провозвѣстникъ, бодрственный, браннолюбивый и похотливый занимаетъ мѣсто въ миѳологіи многихъ народовъ, и по этимъ качествамъ имѣетъ особенное значеніе (5). Не говоря о Грекахъ и Римлянахъ, замѣтимъ, что у Персовъ пѣтухъ служилъ утѣшительнымъ символомъ воскресенія или возстанія отъ смертнаго сна; богъ Нергалъ, о которомъ говорится въ 4-й книгѣ Царствъ 17, 30., въ землѣ Хутѣевъ (въ той же Персіи или около Вавилона), по Еврейскимъ комментаторамъ имѣлъ видъ пѣтуха. Ассиріяне дѣйствительно почитали пѣтуха или давали ему религіозное значеніе. На одной геммѣ изъ развалинъ Ниневійскихъ представляется жрецъ, молящійся пѣтуху (можетъ быть тому же самому Нергалу), стоящему на алтарномъ столѣ. То же самое изображеніе, съ дополненіемъ алтаря, находится еще на цилиндрѣ, при чѣмъ въ обоихъ случаяхъ вверху является полумѣсяцъ (6).

7. Въ Московскомъ музеѣ подъ № 30 бронзовое украшеніе въ видѣ *дракона*, какъ кажется, пожирающаго птицу или животное какое,—опредѣлить трудно, съ ушкомъ

(1) Das nord-und östliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm 1730.

(2) О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей въ XII книжкѣ Записокъ Русскаго Географическаго Общества, Спб. 1857, стр. 38 въ примѣч.

(3) См. Layard Niniveh u. seine Überreste S. 343. 344, Nin. u. Babylon S. 140. 430 Taf. XXI v. z.

(4) Nin. u. Babylon S. 158 Taf. VIII G.

(5) Etymologisch—symbolisch—mythologisches Real-Wörterbuch v. Nork II, 137.

(6) Layard Niniveh und Babylon S. 410. 411. Taf. XVIII F. A.

также представляются бронзовыя удила, по формѣ совершенно похожи на мои, только нѣсколько болѣе ихъ. Мѣдныя удила найдены и въ Чудскихъ могилахъ Пермской губерніи (1). Въ Датскомъ музеѣ есть удила какъ желѣзныя, такъ и бронзовыя, но совсѣмъ другой, отличной отъ нашихъ, формы (2). в) Желѣзная вещь, похожая на Латинскую букву S, съ двумя по срединѣ дырочками, длины около 6 дюймовъ. Эта вещь считается принадлежностію къ удиламъ и называется *нащечникъ* или барашикъ. Ихъ бываютъ два и прикрѣпляются они къ концамъ удилъ, по ту и другую сторону лошадиной морды. Въ Моск. музеѣ между Сибирскими вещами, полученными изъ Археологической Коммиссіи, есть такія вещи, прикрѣпленныя къ удиламъ и отдѣльныя. Подобныя вещи видны уже на Ассирійскихъ коняхъ (3). г) Въ моемъ владѣніи бронзовая привѣска въ видѣ *трезубца*, вверху окончивающаяся какъ бы перевитой веревочкой съ ушкомъ, длины 3 дюйма, ширины въ основаніи трезубца 1 дюймъ. Подобная же вещь и въ Москов. музеѣ № 31 длины $1^1/_4$ дюйма. Вѣроятно, служила украшеніемъ конской сбруи, или привѣшивалась къ ожерелью.

VI. Вещи кремневыя. Мы имѣемъ въ рукахъ своихъ восемь *кремневыхъ стрѣлъ*, найденныхъ въ Анан. Могильникѣ. Почти всѣ онѣ въ длину около 2 дюймовъ, бо́льшая $2^3/_8$ д., и формою своею похожи на таковыя стрѣлы отъ каменнаго вѣка, открытыя въ другихъ курганахъ Европейскихъ (рис. ихъ см. таб.1 № 62—66). Подобныя стрѣлы у Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ № 65—67), у Нильсона (Das Steinalter oder die Ureinwohner des Skandinawischen Nordens, überzezt v. Mestorf, Hamburg 1868, Pl. III. № 57, 56, 48, 60, Pl. V и VI), у Дорова (S. 48), у Линденшмита (Band I Heft VI Taf. I № 9, 10, 15). П. И. Лерхъ, слышали мы, отъ Ананьинскихъ крестьянъ пріобрѣлъ каменный или кремневый ножъ или другое какое не малое орудіе изъ каменнаго вѣка.—Замѣтимъ съ одной стороны, что двѣ кремневыя стрѣлы, между бронзовыми вещами, найдены и въ древнемъ Кивикскомъ памятникѣ и нѣкоторыхъ другихъ курганахъ въ Британіи (4), а съ другой, что таковыя стрѣлы и каменныя орудія встрѣчаются, хотя очень рѣдко, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ (5).

Прошедшаго года, когда мы сами были на мѣстѣ Ананьина Могильника, узнавъ, что въ немъ когда-то найденъ былъ большой *камень съ изображеніемъ человѣка*, мы употребили всѣ старанія къ отысканію его, и наконецъ нашли его у одного крестьянина разбитымъ на восемь частей, изъ коихъ семь, собранныя съ разныхъ концовъ двора, и были намъ уступлены, а осьмая часть (въ общемъ составѣ впрочемъ неважная) совсѣмъ пропала. Камень этотъ, опоковый, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большомъ Ананьинскомъ курганѣ, въ землѣ на четверть отъ верха, высоты онъ 6 четвертей 11 верш., ширины внизу 8 верш., а вверху нѣсколько съуженномъ и сведенномъ полукругомъ 7 верш., толщины 1 четв. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи—внизъ головою: въ такомъ поло-

(1) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, Спб. 1861, т. 2 стр. 385.
(2) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, S. 48, слич. Ворсо Сѣв. Древности № 354. 355.
(3) Layard Ninivch und seine Überreste fig. 11. 15. 18. 19.
(4) Die Ureinwohner d. Skand. Nordens, Bronzealter, S. 42, 88.
(5) См. въ Извѣстіяхъ Импер. Археол. Общества, Спб. 1864, т. IV, стр. 145. 310 статью г. Лерха: Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ, и въ Древностяхъ Моск. Археологическаго Общества, Москва 1867 Янв.—Февр.: Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи.

женіи найдено нѣсколько надгробныхъ камней и въ древнихъ курганахъ на Енисеѣ, въ ознаменованіе того, какъ гадаетъ г. Спасскій, что этотъ человѣкъ умеръ или пошелъ въ землю (1). На лицевой выглаженной сторонѣ камня вырѣзано въ глубь, во весь ростъ, изображеніе человѣка, полагаемъ, современнаго самому Могильнику, въ полномъ его вооруженіи и украшеніи, каковыя мы видимъ на самыхъ скелетахъ здѣсь положенныхъ (2). Именно, представленъ на камнѣ человѣкъ въ остроконечной шапкѣ, которой частнѣйшія черты, намъ передаваемыя, къ сожалѣнію стесаны. Таковыя остроконечныя, прямыя шапки, по свидѣтельству Геродота (Hist. lib. VII cap. 64), носили Скиѳы,—и мы приведемъ подлинныя слова его, дабы видѣть, что какъ по этой шапкѣ, такъ и по вооруженію изображенный на нашемъ камнѣ человѣкъ совершенно соотвѣтствуетъ Геродотову Скиѳу. Геродотъ говоритъ: οἱ Σκύθαι περὶ μὲν τῇσι κεφαλῇσι κυρβασίας ἐς ὀξὺ ἀπηγμένας ὀρθὰς εἶχον πεπηγυίας, ἀναξυρίδας δὲ ἐνδεδύκεσαν, τόξα δὲ ἐπιχώρια καὶ ἐγχειρίδια, πρὸς δὲ καὶ ἀξίνας σαγάρις εἶχον, т. е. Скиѳы на головахъ имѣютъ прикрѣпленныя прямыя, остроконечныя шапки, носятъ панталоны и употребляютъ туземные луки и кинжалы, а къ этому еще военныя сѣкиры. Изображеніе этой Скиѳской шапки, совершенно похожее на представляющуюся на Ананьинскомъ памятникѣ, см. въ Древностяхъ у Вейсса (3). Тутъ же (cap. 63) Геродотъ говоритъ объ Ассирійскихъ воинахъ, что на головахъ они имѣли мѣдные шлемы, сдѣланные страннымъ нѣкоимъ образомъ,—и въ рисункахъ Лаярда эти шлемы остроконечные, очень похожіе на Скиѳскія шапки (4). Въ Скиѳскихъ древностяхъ Императорскаго Эрмитажа бронзовый барельефъ, найденный въ одномъ изъ Сибирскихъ кургановъ, представляетъ охотника въ длинной къ верху съуженной шапкѣ, равно какъ и на другой бронзовой статуѣ человѣческія фигуры въ остроконечныхъ колпакахъ (5). Отъ шапки спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покромки,—и мы изъ древнихъ свидѣтельствъ и памятниковъ достовѣрно знаемъ, что Скиѳскія остроконечныя шапки концами своими спускались до самыхъ плечъ (6). На шеѣ человѣка широкій кругъ съ продольными по немъ чертами, конечно показывающими разныя на немъ фигуры и украшенія: эти шейные металлическіе круги въ древности носили не только женщины, но и мущины. Въ могилахъ у Бэра мужескіе скелеты имѣютъ на шеѣ такіе же разнымъ образомъ украшенные круги, и не одинъ только, но два и даже четыре на скелетѣ (Die Gräber der Liven S. 2 Taf. I fig. 6. 7). На поясѣ покойника продольными по немъ чертами также показываются употребляемыя на немъ разныя украшенія. Въ правой рукѣ человѣка или въ боку—кинжалъ и военная сѣкира въ видѣ кирки, насажденная на древко; первый такой же точно формы и величины, какъ найденный въ Могильникѣ нашъ желѣзный кинжалъ, озна-

(1) См. въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества, книга XII, Спб. 1857, статью г. Спасскаго О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей, стр. 125.

(2) Рисунокъ камня см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильника табл. 1 (въ счетѣ съ другими IV) № 1. Въ Древностяхъ Моск. Археологическаго Общества т. III вып. 2 при статьѣ «Елабужскія древности» снимокъ этотъ слишкомъ неудаченъ.

(3) Kostümkunde, od. Handbuch Geschichte der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Alterthums, II Abtheilung, Stuttgart 1860, S. 553. fig. 214 c или b.

(4) Layard Niniveh und seine Uberreste fig. 21. 42. 58. 69. 81.

(5) См. въ Запискахъ Археологическаго Общества т. V, Спб. 1853, статью г. Муральта: Скиѳскія древности, хранящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, стр. 214.

(6) См. Georgii Alte Geographie, beleuchtet durch Geschichte, Sitten, Sagen Völker etc., Stuttgart 1838, 2-e Abtheil. S. 292, слич. изображеніе Скиѳа у Вейсса ibid. fig. 214 lit. b.

ченный выше подъ буквою б, а сѣкира очень похожа на нашу же бронзовую сѣкиру подъ буквою а. Въ лѣвомъ боку что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ, или же чашка для питья, которую по Геродоту (Hist. IV, 10) Скиѳы обыкновенно носили при поясахъ. Глаза у человѣка большіе, что̀ указываетъ на его не чисто Монгольское происхожденіе. На памятникѣ, какъ и ни на одной изъ найденныхъ въ Анан. Могильникѣ вещей, никакой подписи нѣтъ. Съ перваго раза можно было предполагать, что этотъ камень, лежавшій не въ глубинѣ Могильника, но почти на поверхности его, положенъ уже впослѣдствіи, и притомъ не Булгарами ли или даже Татарами Казанскаго царства, когда у нихъ надгробные камни—почти такого же размѣра и вида, оканчивались полукругомъ? Въ древніе курганы, какъ въ готовыя могилы, могли быть сложены и поздніе покойники,—замѣчаетъ Фундуклей и о своихъ Кіевскихъ могилахъ (Обозрѣніе Кіевскихъ могилъ и пр., стр. 4). Но Булгарскіе или Татарскіе памятники обыкновенно бываютъ съ подписью или стихами изъ корана, и никогда съ изображеніемъ человѣка, которое и запрещено мусульманскимъ закономъ (1). Изображенный на нашемъ памятникѣ человѣкъ, по вооруженію и костюму своему, какъ видѣли, очень похожъ на Геродотова Скиѳа или на тѣхъ людей, кои похоронены въ Могильникѣ. Извѣстно, что на древнихъ курганахъ какъ въ Сибири, такъ и въ великой Россіи ставились мужскія и женскія статуи—не всегда какихъ нибудь божествъ, но и погребенныхъ тутъ покойниковъ (2). На вершинѣ Скиѳскаго Александропольскаго кургана также стояла словущая въ народѣ «каменная баба»—изваяніе впрочемъ неопредѣленное (3). Отъ глубокой ли древности, къ какой относимъ Ананьинъ Могильникъ, или по недостатку художниковъ, либо средствъ, здѣсь образъ покойника не изваянъ, а только вырѣзанъ на камнѣ. И замѣчательно, что въ Парижѣ въ Луврскомъ музеѣ между Ниневійскими древностями хранится статуэтка изъ слоновой кости, представляющая мужскую фигуру также съ шейнымъ кругомъ и кинжаломъ при широкомъ, украшенномъ поясѣ (4). Подлинный Ананьинскій камень, на семь частей раздробленный, мы передали въ вѣдѣніе Моск. Археологическаго Общества, гдѣ теперь онъ и хранится.

За симъ мы выскажемъ свое мнѣніе или предположенія о времени Ананьинскаго Могильника и о народѣ, которому онъ принадлежалъ, предоставляя по изложеннымъ нами даннымъ рѣшеніе этого труднаго вопроса болѣе насъ свѣдущимъ и проницательнымъ. Не нужно почти и говорить, что Могильникъ на территоріи, впослѣдствіи входившей въ составъ древне-Болгарскаго и Казанскаго царства, не относится ко времени ни того ни другаго. Изъ рисунковъ и описаній у Березина (Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853 г.) и другихъ, равно и слѣпковъ или подлинниковъ, имѣющихся въ Московскомъ музеѣ, видно, что вещи, найденныя въ развалинахъ Булгара на Волгѣ и Билярска, сравнительно съ Ананьинскими древностями, имѣютъ совсѣмъ другой характеръ и форму—позднѣйшаго времени. Здѣсь нѣсколько топоровъ—изъ свѣжаго, не перержавѣлаго желѣза, не походящихъ на древніе кельты, а болѣе на то-

(1) См. напр. о таковыхъ памятникахъ въ Булгарѣ на Волгѣ Березина стр. 29, или въ Билярскѣ Журналъ или Дневныя Записки Рычкова, Спб. 1770, стр. 15. 16.

(2) См. вышеупомянутую статью г. Спаскаго О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей стр. 124—129 и рисунки на таб. 1.

(3) См. въ Отчетѣ Археол. Коммиссіи, Спб. 1866, Вып. 1-й: Древности Геродотовой Скиѳіи.

(4) Линденшмитъ Die Alterthümer d. heidnischen Vorzeit Band II, Heft 11 Taf 3. № 3.

поры нынѣшніе; есть одно желѣзное орудіе въ видѣ кирки, но совсѣмъ не то, что Ананьинская военная сѣкира; изъ украшеній есть наручни изъ широкой (дюйма въ полтора) листовой мѣди, мѣдное же круглое зеркало, перстни, сережки—позднѣйшей болѣе искуственной формы, съ разными затѣйливыми фигурами и Арабскими письменами, какъ печати; бусы здѣсь встрѣчаются изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, какъ мозаика или обернутыя въ финифть. Вообще нѣтъ вещей изъ той бронзы, какая господствуетъ въ Ананьинскихъ древностяхъ, а Булгарскія вещи или изъ желѣза или чисто мѣдныя, серебряныя и золотыя.

Ясно, что Ананьинскій Могильникъ, представляющій вещи, не только составляющія роскошь, каковы разныя украшенія, но и относящіяся къ оружію, и даже къ домашнему обиходу,—почти всѣ бронзоваго состава, относится по этому къ такъ называемому *бронзовому вѣку*. Если вмѣстѣ съ бронзовыми встрѣчаются здѣсь и желѣзныя, иногда тѣ же самыя вещи, напр. кельтскіе топорики, кинжалы, копья, стрѣлы, удила: то надобно замѣтить, что желѣзо съ отдаленнѣйшихъ временъ, можетъ быть еще послѣпотопныхъ, вообще употреблялось и въ бронзовый періодъ, особенно у Ассиріянъ: при обыкновенной у нихъ бронзѣ Ассиріяне изъ желѣза дѣлали плуги, молоты, копья, панцыри и т. п. (1). Въ Александропольскомъ Скиѳскомъ курганѣ вмѣстѣ съ бронзою встрѣчаются части желѣзной чешуйчатой кольчуги, желѣзныя скобы, желѣзная оковка колесницы, желѣзные шины, удила (2). Трупосожженіе, не исключающее и простое погребеніе (то и другое и въ Ананьинскомъ Могильникѣ), вообще относятъ къ отличительнымъ признакамъ бронзоваго періода (3). Сплавъ Ананьинской бронзы, по химическому разложенію состоящей лишь изъ мѣди и олова, съ исключеніемъ цинка и свинца, а нѣкоторыхъ вещей изъ одной мѣди со слѣдами олова, есть древній первоначальный сплавъ,—и такова между прочимъ была Ассирійская бронза (4). На Ананьинскихъ вещахъ украшенія, если иногда и встрѣчаются, то только самыя простыя, первоначальныя, именно прямыя или ломаныя линіи, зигзаги, рѣдко дугообразныя и спиральныя. Кельты здѣсь имѣютъ древнюю форму безушковъ и вовсе нѣтъ болѣе или менѣе художественныхъ и уже послѣ явившихся Германскихъ и Датскихъ такъ называемыхъ пальставовъ (5), ни замысловатыхъ и артистическихъ вещей Этрусскаго или Греческаго происхожденія, какъ въ Галльштатскомъ Могильникѣ или Александропольскомъ Скиѳскомъ и другихъ южныхъ курганахъ, ни длинныхъ многосоставныхъ шейныхъ цѣпей съ разными привѣсками, позвонками и погремушками, ни большихъ искуственныхъ къ одеждѣ шпилекъ или иголъ, ни широкихъ украшенныхъ браслетовъ и для той же цѣли большихъ спиралей, столь обыкновенныхъ въ Остзейскихъ курганахъ, судя по описаніямъ и рисункамъ у Бэра и Крузе (6). Это значитъ, что Ананьинскій Могильникъ, не представляя позднѣйшихъ развѣтвленій или особенностей, принадлежащихъ извѣстнымъ мѣстностямъ или народностямъ, сходствуетъ съ тѣми западными курганами только въ древнѣйшихъ вещахъ. Но замѣчательно, что многія Ананьинскія вещи, особенно символы и амулеты,

(1) Ружмонъ Die Bronzezeit, oder d. Semiten im Occident S. 156. 157.
(2) Въ Отчетѣ Импер. Археолог. Коммиссіи, Спб. 1866: Древности Геродотовой Скиѳіи стр. 9. 17. 18. 21.
(3) Ружмонъ ibid. p. 306 sq., p. 430 sq.
(4) Ружмонъ ibid. S. 161, Фигье Первобытный человѣкъ, Спб. 1870, стр. 207 и слѣд.
(5) Ружмонъ ibid. p. 41 sq.
(6) Слич. Бэра Die Gräber d. Liven §. 29.

какъ видѣли, имѣютъ близкое отношеніе къ Ниневійскимъ древностямъ. Въ связи съ симъ имѣютъ силу доказательства древности и кремневыя стрѣлы, въ Могильникѣ встрѣчающіяся, и то, что таковыя обыденныя и необходимо требующія желѣзной твердости вещи, какъ долото, шило или вышепомянутый половинчатый кельтъ—рѣзецъ, здѣсь также бронзовыя. Послѣднему обстоятельству, т. е. если гдѣ и самый рѣзецъ изъ бронзы, Бэръ даетъ особенную важность въ опредѣленіи древности (1). По всѣмъ этимъ основаніямъ мы относимъ Ананьинскій Могильникъ въ самомъ бронзовомъ вѣкѣ не къ концу его, когда бронза вытѣсняемая желѣзомъ, сдѣлалась лишь предметомъ роскоши, а ко времени преобладанія бронзы. А потому не сомнѣваемся отнести Могильникъ вообще ко временамъ до Рождества Христова.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, раздѣляемымъ многими знаменитыми учеными, начало бронзоваго вѣка въ Европѣ или точнѣе бронзовой металлургіи, восходящее къ древнѣйшимъ временамъ міра, производится отъ торговыхъ сношеній или колонизаціи въ ней древне-азіятскихъ Семическихъ племенъ, т. е. племенъ, происходящихъ отъ перваго сына Ноева Сима. Полное и основательное изслѣдованіе объ этомъ, на основаніи предшествующихъ и современныхъ трудовъ разныхъ ученыхъ, представляетъ нерѣдко приводимая нами книга г. Ружмона, особенно въ Нѣмецкомъ переводѣ съ прибавленіями Кеерля: Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident—übersezt v. Keerl, Gütersloh 1869. Вотъ, между прочими, результаты этого изслѣдованія S. 471 ff. Первоначальное мѣсто бронзовой и желѣзной металлургіи было въ святой землѣ, оттуда это искуство распространилось къ Финикіянамъ и Ассиріянамъ, а потомъ къ Грекамъ. Цивилизованныя Семическія племена, жившія на берегахъ Средиземнаго моря, преимущественно Финикіяне и Филистимляне, привлекаемые въ Европу оловомъ Корнваллиса (одного изъ Британскихъ острововъ) и янтаремъ Остзеи (въ Даніи и сѣверной Пруссіи), завели здѣсь въ разныхъ мѣстахъ свои колоніи и факторіи и производили обширную торговлю бронзовыми издѣліями. Именно изъ Финикіянъ Сидоняне поселились въ Бискаіѣ и Гадесѣ (въ Испаніи) и отсюда по Атлантическому океану посѣщали и цивилизовали западныя страны Европы — Галліи, Ирландіи, Британіи; Тиряне поселились въ Лигуріи (нынѣ Генуэзская область въ Италіи) и по берегамъ Роны и образовали окрестныя страны и народы Романской Швейцаріи; племена, жившія по рѣкѣ По и въ восточной Германіи, симъ обязаны были Филистимлянамъ, утвердившимся на Адріатическомъ побережьѣ. Всѣ древнія бронзовыя вещи въ Европѣ имѣютъ одинъ общій, удивительный типъ, очевидно, не туземный, а Азіятскій. Семиты впрочемъ кромѣ бронзовыхъ издѣлій, распространяли въ Европѣ стеклянныя свои вещи, свою архитектуру, отчасти земледѣліе и военныя колесницы, наконецъ и свою религію, вводя свое ваалопочитаніе съ разными обрядами, слѣды коихъ доселѣ сохраняются во многихъ странахъ Европы. Впослѣдствіи въ сосѣдствѣ Лигуріи особенно возвысились бронзовымъ и другими искуствами Этруски и имѣли обширное цивилизаторское вліяніе—на Галлію, среднія и восточныя Альпы, Паннонію, Германію до самой Скандинавіи, такъ что бронзовое царство тогда раздѣлилось на двѣ половины—эту восточную Финикійско-этрусскую и западную, океанскую или Сидонскую.—Этимъ положеніямъ слѣдуетъ и Нильсонъ, прилагая ихъ особенно къ своей Скандинавіи и относя, какъ и Ружмонъ, появленіе Семитовъ въ Европѣ ко

(1) Die Gräber d. Liven S. 47.

времени еще до Моисея (1), болѣе или менѣе принимаютъ ихъ Саккенъ (2), Бэръ (3), и извѣстный археологъ Лишъ (4).

Но этими положеніями, мы думаемъ, не объясняются бронзовыя древности ни вообще нашего отечества—Россіи, въ древнѣйшія времена болѣе или менѣе занимаемаго Скиѳами, ни въ частности сѣверовосточной полосы его, гдѣ былъ Ананьинъ Могильникъ, и далѣе—къ Уралу и въ Сибири. Въ сихъ отдаленныхъ и при недостаткѣ сообщеній отрѣзанныхъ отъ прочей Европы странахъ, нельзя предположить какой нибудь Финикійской цивилизаціи. Въ томъ же сочиненіи Ружмона наше дѣло объясняется иначе. Здѣсь S. 167 ff. Иберія или Грузія считаются отечествомъ Халибовъ или Халдейскихъ ковачей, отечествомъ самихъ Ѳовела и Мосха, двухъ сыновъ Іафетовыхъ, и здѣсь предполагается одинъ изъ важнѣйшихъ горновъ послѣпотопной металлургіи. Впослѣдствіи, когда Ассиріяне простерли свое оружіе до самаго Понта, они разселились между сими Халибами, которые, кромѣ сплава мѣди съ оловомъ, умѣли еще закаливать желѣзо въ сталь, отъ нихъ на Греческомъ и получившую свое названіе χαλυβδη. Отъ Ѳовела производятся Скиѳы, обитавшіе недалеко отъ Иберіи, которые впослѣдствіи перешли на равнины южной Россіи (Европейская Скиѳія), а отсюда перешли на Уралъ, и тамъ открыли богатое производство бронзовое, серебряное и золотое, въ лѣтописяхъ слывя подъ именемъ Чуди (S. 171—173), и обнимая весь сѣверъ нынѣшней Россіи отъ Урала до западной Двины. (На этомъ огромномъ пространствѣ, замѣтимъ, находится и точка Ананьинскаго Могильника). Но въ заключеніи Ружмонъ самъ сознаетъ несостоятельность этой теоріи, замѣчая (S. 174), что хотя по Ассирійскимъ символамъ на Чудскихъ бронзовыхъ древностяхъ и можно бы тамошнее бронзовое искуство производить отъ Иберіи и Понта: но поелику Чудь не употребляла и не закаливала желѣза, какъ это дѣлали Халибы, то источникъ ея бронзы не былъ ли въ другой противоположной сторонѣ—у Мидянъ и Бактріанъ, также употреблявшихъ Ассирійскіе символы?—На это и мы готовы склониться. Не говоря о неупотребленіи желѣза и стали у Чуди, теорію Ружмона, хотя она много проливаетъ свѣта на нашъ темный вопросъ, мы не можемъ принять по слѣдующимъ особенно причинамъ: а) что колыбелью Скиѳовъ признается въ ней Иберія и б) изъ Иберіи или южной Россіи переводятся они на Уралъ. Все сказанное въ теоріи Ружмона относится къ *Европейской* или Геродотовой собственно Скиѳіи; но у древнихъ географовъ является еще другая *Азіятская* Скиѳія. И спеціальные по сему изслѣдователи Скиѳамъ вообще даютъ Азіятское происхожденіе, производя ихъ отъ Мидо-персидскаго корня, или, какъ Нибуръ и другіе, отъ какаго нибудь Монгольскаго смѣшаннаго или Финскаго племени, которое съ Алтая распространилось по нашей Сибири и сѣверовостоку Европы и здѣсь было извѣстно подъ именемъ Чуди (5). Что касается до Геродотовой Скиѳіи: то самъ Геродотъ говоритъ,

(1) Die Ureinwohner d. Skand. Nordens. 1. Bronzezeit S. 60 ff. 87 ff. 92 ff.

(2) Das Grabfeld v. Hallstatt S. 136 ff.

(3) Die Gräber d. Liven S. 27 ff.

(4) Jahrbücher des Vereins für Meklenburgische, Geschichte, Jahr XXV.

(5) Pauly Real-Encyclopädie der classischeu Alterthumswissenschaft, Stuttgart 1852, VI, 900. 901 sub v. Scythia. Монгольское происхожденіе особенно обличается употребленіемъ у Скиѳовъ кумыса и лошадинаго мяса, о чемъ говоратъ Геродотъ и Иппократъ, см. Georgü Alte Geographie, Stuttgart 1838, 2 Abtheil. S. 293. Слич. въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества, Спб. 1855, т. V статью г. Муральта: Скиѳскія древности стр. 205 и слѣд.

что движеніе Скиѳовъ въ Европу послѣдовало изъ Азіи, что отъ юговосточныхъ береговъ Каспійскаго моря тѣснимые Массагетами Скиѳы перешли рѣку Араксъ, скитались по степямъ на западъ отъ Меотическаго озера (Азовскаго моря), выгнали отсюда Киммеріанъ и здѣсь утвердились. Это было за 100 лѣтъ до Дарія Истаспа. Какъ бы то ни было, Мела (I в.) указываетъ (De Situ orbis III, 5. 6), а Птоломей (VI, 14, 15) подробно описываетъ обширную Азіятскую Скиѳію, съ одной стороны отъ Персіи и Индіи до сѣверной половины нашей Енисейской губерніи, съ другой отъ Китая, Монголіи и Иркутской губерніи за Уральскія горы къ рѣкѣ Камѣ и Волгѣ, до устьевъ послѣдней. Горами Имаусъ (или кряжемъ горъ, идущихъ отъ Гималаевъ къ сѣверу до Алтайскихъ горъ и далѣе) Птоломей раздѣляетъ Скиѳію на двѣ половины—*Скиѳію внутри и внѣ Имауса*. Въ первой половинѣ у Птоломея показано 33 названія Скиѳскихъ (?) племенъ: на самомъ сѣверѣ (въ нынѣшней Тобольской и Енисейской губ.) помѣщены Аланы, Суовены, Агаѳирсы, на восточномъ притокѣ рѣки Ра (Волги, т. е. *на Камѣ*, какъ обыкновенно объясняютъ (1), Робаски, Азаны, Іордіи, при Уральскихъ горахъ Мологены, Саммиты, Тибіаки, между Яксартомъ и Оксомъ (Сыръ—и Амуръ Дарьей) Аріаки, Номасты и другіе, за ними по берегу Каспійскаго моря Аорсы. Въ это же пространство Скиѳіи внутри Имауса входятъ земли Саковъ и Массагетовъ: они по нынѣшнему занимали малую Бухарію и часть Туркестана. Хотя эти Саки и Массагеты были также Скиѳскаго племени и по крайней мѣрѣ именемъ первыхъ Персы называли всѣхъ Скиѳовъ (2): однако Птоломей отдѣляетъ ихъ отъ Скиѳіи и описываетъ землю ихъ особо въ предъидущей 13-й главѣ. Въ Скиѳіи внѣ Имауса по Птоломею были на сѣверѣ (въ Сибири) Скиѳы-Абіи, Иппофаги (конеѣдцы) и др., на югѣ къ Гималайскимъ горамъ Хэты, Хавраны-Скиѳы. Изъ этого описанія видно, что Елабужская мѣстность и Ананьинъ Могильникъ входили въ составъ первой, внутренней Скиѳіи. Скиѳы этой половины были сопредѣльны и подѣламъ войны и мира или торговли имѣли отношенія къ Персамъ, Мидянамъ и Ассиріянамъ. О Массагетахъ, имѣвшихъ Скиѳскую одежду и оружіе, Геродотъ (Hist. I, 215) говоритъ, что земля ихъ богата мѣдью и золотомъ и что все оружіе ихъ (стрѣлы, копья, сѣкиры), шлемы, поясы и самая конская сбруя были мѣдныя, украшенныя золотомъ, а серебра и желѣза они вовсе не знали. Онъ же повѣствуетъ (Hist. I, 208 и слѣд.) о войнѣ Массагетовъ съ Киромъ, Персидскимъ царемъ, кончившейся гибелью самого Кира со всею его арміею.—Изъ этого соприкосновенія Азіятской Скиѳіи съ Персами, Мидянами и Ассиріянами мы производимъ въ Ананьинской бронзѣ замѣченное нами (особенно въ амулетахъ и религіозныхъ символахъ) сходство съ Ниневійскими древностями.

---

(1) Mannert, Das Norden der Erde, 2 Auflage, Leipzig 1820, S. 486. Funke, Neues Realschullexicon, Braunschweig 1805, V Th. S. 157 sub v. Scythia, и другіе.

(2) Herodot Hist. VII, 64 οἱ γὰρ Πέρσαι πάντας τοὺς Σκύθας καλέουσι Σάκας, слич. Pomp. Mela III, 5.

Stanford University Libraries
3 6105 124 414 835

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.